

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Россия и НАТО: диалог или конфронтация

В. ШТОЛЬ

**Крым
в прошлом и настоящем
России**

А. ШУТОВ

**Флаги и коней
на переправе
не меняют**

А. ХУДАЙКУЛОВА

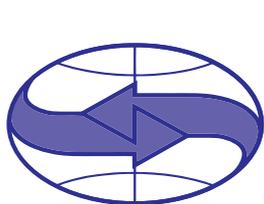
**Россия, США и реформа
ООН**

С. АГУРЕЕВ

**Политика Болгарии в
1912–1915 годах**

**Великий Октябрь и Коминтерн
как проектная альтернатива ультраимпериализму**

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

16+

Содержание номера

Политология

Роль Крыма в прошлом и настоящем России

5

В. Штоль

Учитывая возникшую озабоченность на Западе из-за возвращения Крыма в Россию (2014 г.), автор анализирует истоки нездорового международного ажиотажа и на примере Крымской войны (1853–1856 гг.) показывает в исторической ретроспективе многовековое стремление западноевропейских стран вмешиваться во внешне- и внутривнутриполитическую жизнь России.

Россия, США и реформа ООН

23

А. Худайкулова

В статье анализируется изменение подходов СССР/России и США к деятельности ООН с момента образования организации и до наших дней. Освещается советско-американское взаимодействие в ООН. Особое внимание уделяется оценке позиции двух стран к её реформе.

Необходимость корректировки Стратегии национальной безопасности России

44

В. Назаров, А. Подберёзкин, О. Подберёзкина

С точки зрения использования всего комплекса силовых инструментов политики – «жёсткой» и «мягкой силы» – наступил новый период (2014-2020 гг.),

который по отношению к России можно определить как окончательный переход к системному использованию всего спектра силовых инструментов, возможно, к 2024–2025 гг., т. е. к ожидаемому пику развития эскалации военно-силового сценария военно-политической обстановки.

Россия и НАТО: что возобладает – диалог или конфронтация? 53

А. Бартош, В. Винокуров, М. Глассер (Кукарцева), О. Иванов, А. Малов, С. Миронов, Ю. Надточей, О. Тимакова, П. Шамаров, В. Штоль

Кафедра международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России провела 30 октября 2019 г. научно-практическую конференцию «Россия и НАТО: что возобладает – диалог или конфронтация?». В дискуссии приняли участие эксперты из академии, МГИМО(У) МИД России, дипломаты и сотрудники профильных ведомств.

Флаги и коней на переправе не меняют 66

А. Шутов

В статье рассматривается история современных государственных символов России – флага и герба, дана их характеристика с точки зрения соответствия международным геральдическим рекомендациям. Отмечается, что современный российский флаг не адекватен им; рассмотрены традиционные русские червлёные (красные) стяги как боевые знамёна, исторические победы России (СССР) под красными знамёнами над иностранными захватчиками, прежде всего в Великой Отечественной войне. Даны оценки роли государственных символов в укреплении национальной сплочённости и повышении международного имиджа России.

Великий Октябрь и Коминтерн как проектная альтернатива ультраимпериализму 77

В. Павленко

Статья посвящена анализу тех аспектов марксистско-ленинской теории, которые не отражены в официальной историографии, но сыграли важную роль в реализации целей и задач большевистской партии в революционных событиях 1917 г. Автор вскрывает причины и основные направления эволюции ленинизма и его разрыва с западной социал-демократией, делает вывод о том, что курс на классовое сотрудничество с буржуазией марксистских партий Запада во время Первой мировой войны был обусловлен их стремлением к подчинению России внешнему управлению и превращению её в колонию Запада. Анализ противоречий в РСДРП показывает, что во внутренней политике эта линия проводилась левыми партиями Временного правительства, прежде всего меньшевиками, а после Великого Октября – Троцким и объединившейся вокруг него оппозицией.

Крымская война и политика Франции в АТР 89

П. Цветов

Автор рассматривает политику Франции в странах Восточной и Юго-Восточной Азии после Крымской войны 1853–1856 гг. и в настоящее время. Делается вывод, что успех в Крымской войне подтолкнул амбициозного Наполеона III к активным захватническим действиям на Индокитайском полуострове и в Южном Китае. Э. Макрон в определённой степени идёт по стопам императора, увеличивая присутствие Франции, в том числе военное, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Болгария на пути к Четверному союзу и политика Российской империи 98

С. Агуреев

Статья посвящена трансформации внешней политики Болгарии в 1912–1915 гг. и причинам её присоединения к Четверному союзу. На основе архивных документов проведён анализ политики Софии и оценены особенности формирования внешнеполитической программы страны.

Вклад А.Я. Вышинского в развитие марксистской философии права: теория и современность 110

Р. Осин

Автор рассматривает не только исторический аспект, но и современное положение правовой теории и практики российского государства и приходит к выводу о необходимости переосмысления роли А. Я. Вышинского в развитии правовой теории и практики, учитывая теоретический вклад его взглядов в становление и развитие советского нормативизма в 1930-х годах.

Содержание на английском языке / Contents in English 123***Уважаемые читатели!***

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, д. э. н., д. и. н., проф.; ЕРЕМЕНКО И. Н. – зам. гл. редактора, к. т. н.; АБАШИДЗЕ А. Х. – д. ю. н., проф.; ГРОМЫКО А. А. – д. п. н., член-корреспондент РАН; ГУСЬКОВА Е. Ю. – д. и. н.; ЗАДОХИН А. Г. – д. п. н., проф.; КАРТАШКИН В. А. – д. ю. н., проф., Заслуженный юрист РФ; КУЗНЕЦОВА О. Д. – д. э. н.; КУТОВОЙ В. М. – д. э. н., проф.; ЛУЗЯНИН С. Г. – д. и. н., проф.; ОРЛОВ А. А. – к. и. н.; ПАВЛОВ Е. Я. – д. ю. н., проф.; ПЛЯИС Я. А. – д. и. н., д. п. н., проф.; ПОНОМАРЕВА Е. Г. – д. п. н., проф.; РУДОВ Г. А. – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; СЕРЕГИН А. В. – к. культурологии; ЦВЕТКОВ А. И. – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П. А. – д. ф. н., проф.

Научно-редакционный совет:

- ГАБАРАЕВ Б. А. — доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
- ГАЛОГАНОВ А. П. — доктор юридических наук, профессор, президент Совета Адвокатской палаты Московской области
- ГРИБ В. В. — доктор юридических наук, профессор, главный редактор Издательской группы «Юрист»
- ДЕЛЯГИН М. Г. — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации
- ИВАШОВ Л. Г. — доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, генерал-полковник
- КРЕМЕНЮК В. А. — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН
- ЛАДЫГИН Ф. И. — Почётный академик Академии военных наук, вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- МУРАДОВ Г. Л. — кандидат исторических наук, заместитель председателя Правительства Республики Крым
- СУХАРЕВ А. Я. — доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник юстиции, ведущий научный эксперт Генеральной прокуратуры РФ
- ТОРКУНОВ А. В. — доктор политических наук, профессор, академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, ректор МГИМО(У) МИД России, председатель РАС ООН
- ЩЕРБАКОВ И. А. — доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН

© Институт стран СНГ

Роль Крыма в прошлом и настоящем России

Владимир ШТОЛЬ

Причины Крымской войны (1853–1856 гг.) следует искать в геополитической ситуации в регионах Передней Азии, Юго-Восточной и Восточной Европы, сложившейся в середине XIX в. И эти причины не утратили своего значения, оставаясь в современном мире по-прежнему одной из важнейших тем международной повестки дня с учётом вечной «пороховой бочки» Балкан и перманентностью кризиса на «Большом Ближнем Востоке».

В конце XVII – XVIII в. на Европейском континенте действительно сильными государствами, которые определяли политику, были Испания, Франция, Австрия, Швеция, Турция и Англия. В конце XVII в. окрепло и Российское государство. Речь Посполитая, несмотря на свои размеры, из-за заложенного в её конституции принципа *liberum veto** практически всегда пребывала в состоянии государственного хаоса, создавая проблемы своим соседям.

Между основными игроками европейской политики возникали многообразные коалиции, участники которых постоянно менялись местами.

Развитие России как самостоятельного сильного государства в этот период требовало обязательного решения таких внешнеполитических задач, как: завершение объединения русского народа, чуть ли не половина которого находилась вне Московского царства, и обеспечение

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *E-mail*:v.shtol@gmail.com

Ключевые слова: Крымская война, Россия, коллективный Запад, НАТО, США.

* Свободное вето (*лат. liberum veto*) – принцип парламентского устройства в Речи Посполитой, который позволял любому депутату сейма прекратить обсуждение вопроса в сейме и работу сейма вообще, выступив против.

безопасности южных и западных границ страны, постоянно подвергавшихся агрессии на юге – со стороны Османской империи и Крымского ханства, а на северо-западе и западе – со стороны Швеции и Речи Посполитой. Ликвидировать эти угрозы можно было, если укрепиться на побережье Чёрного и Балтийского морей.

Именно поэтому в конце XVII – начале XVIII в. в правление Петра I было несколько русско-турецких войн и многолетняя война со Швецией.

Выход России к Балтийскому и Чёрному морям был необходим, чтобы вести свободную торговлю без посредников, что должно было способствовать её экономическому росту, а также активному и равноправному участию в международной жизни. Но появление ещё одного сильного соперника в лице России во всех европейских столицах не приветствовали. Это был тот вопрос, который не вызывал споров.

«Притом же в Европу вообще господствовало такое мнение, что не следует давать России усиливаться и допускать ее в систему европейских государств. Французский кабинет прямо указывал Турции опасность от усиления России, которая начнет волновать единоплеменные и единоверные народы, находившиеся под властью Османской Порты. В Австрии боялись вредного для нее влияния России на подвластных славян и особенно православных. Шведские министры настраивали и Англию и Голландию, в таком же враждебном духе, поддерживая мнение, что если

Россия усилится, то сделают варварское скибское нашествие на Европу. Одним словом, все стремление Петра сделать Россию европейским государством не только не находило сочувствия в Европу, но возбуждали зависть и боязнь. Вместе с тем на русских продолжали смотреть с высокомерным презрением. В таких-то обстоятельствах Петру оставалось бороться с Карлом одним на один»^{*} [1, т. 3, с. 52].

В. О. Ключевский писал: «...Самая программа Петра была вся начертана людьми XVII в. ...Программа заключалась не в заветах, не в преданиях, а в государственных нуждах, неотложных и всем очевидных» [2, т. 4, с. 49–50].

Согласно Н. И. Костомарову, «с XVI века московская Русь вела упорную борьбу с крымскими татарами за обладание громадным южным пространством нынешней России. Русские шаг за шагом подвигались все далее на юг, созидались укрепленные города, около них возникали села и деревни. Народоселение размножалось; богатая черноземная почва южных земель открывала для России источник таких богатств, о которых нельзя было и помышлять прежними поколениями, поневоле замкнутым в северных тундрах и лесах. Но благосостоянию южных областей продолжали мешать крымские и ногайские татары, хотя уже не так страшные, как в былые времена. Для всякого политического ума было ясно, что движение России на юг необходимо должно было опереться в естественные предель Черного и Азовского морей и присвоить Русскому государству все черноморские берега, населенные тогда татарами, состоявшими под владычеством Турции. Таким образом, впереди для России было неизбежно столкновение с Турцией; оно уже

¹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. В 3 томах. СПб.: Вестник знания, 1900. Т. 3. Господство дома Романовых (XVIII столетие).

² Ключевский В. О. Сочинения. В 8 томах. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. Т. 4.

* В цитатах сохранена орфография источника.

последовало при Алексѣ Михайловичѣ, повторилось въ правленіе Софьи и пресѣклось только до поры до времени, по неумѣнію найти удобныя средства къ веденію войны и по недостатку рѣшимости» [1, т. 3, с. 11].

Итак, южные походы Петра достались ему от предыдущего царствования, но вместо крымского направления он выбрал своей целью низовья Дона. В результате Азовских походов (1695 г., 1696 г.) была взята турецкая крепость Азов и начато строительство Таганрога*. Эти победы обеспечили плавание русским кораблям в Азовском море, но выход в Чёрное по-прежнему был закрыт. Без овладения Керчью и Крымом проблема не могла быть решена. Но в Османской империи к Чёрному морю относились как к своему внутреннему. Один из современников отмечал, что султан скорее допустит кого-нибудь в свои внутренние покои, чем согласится на плавание чужих кораблей «по водам черноморским», хотя в «Повести временных лет» говорится: «А Дънепръ вътечетъ в Понтъское море трья жерелы, еже море словеть Руськое» [3].

«До сих пор стремление Петра приобрести себе море и сделать Россию морскою державою клонились на юг; онъ надѣялся дѣйствовать противъ турокъ въ союзѣ съ Польшею, Австріею и Венеціею и приобрести отъ паденія Турціи выгоды на долю Россіи; но послѣднія событія показали ему, какъ мало можетъ онъ полагаться на союзниковъ. Сама

Россія не въ силахъ была одна бороться съ Оттоманскою имперіею, тѣмъ болѣе, что на сторону послѣдней готовы были пристать европейскія державы. Турки понимали опасность, которая грозила ихъ государству, если они дозволятъ Россіи завести флотъ на Черномъ морѣ» [1, т. 3, с. 26].

Итак, для дальнейшей борьбы за Черноморье Петр I пытался найти союзников среди европейских стран, но они решили свои проблемы с Портой: венецианцы получили Морею (п-ов Пелопонес), австрийцы – Трансильванию, турецкую часть Венгрии и Славонию, а полякам досталась разорённая Подолия (это практически территория современной Винницкой области Украины), а «москвитам» – Азов с «побережными городками». Союзники не собирались выполнять свои обязательства, в том числе помогать царству Московскому в его борьбе с турками и татарами, что и было ими продемонстрировано во время «Великого посольства» (1697–1698 гг.), цель которого – добиться от старых союзников выполнения договорных обязательств о продолжении войны с Турцией и привлечения новых.

Поняв, что от Священной лиги союзнической поддержки не дожидаться, царь сосредоточил своё внимание на возможностях Северного союза, куда входили Дания, Речь Посполитая и Саксония, противостоятъ Швеции. Война продолжалась 21 год (1700–1721 гг.) с пе-

³ Висковатов А.В. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб.: Тип. морского министерства, 1864.

* В Турции эти военные действия известны как война между Османской империей и союзом христианских государств (Священной лигой), куда входила Священная Римская империя (Австрия Габсбургов), Речь Посполитая, Венецианская республика и Мальта (1684 г.). После заключения очередного «вечного мира» между Москвой и Варшавой к Священной лиге примкнула и Россия (1686 г.).

ременным успехом и заключением частных соглашений между противниками. Но основная тяжесть войны со шведами легла опять-таки на Россию, так как польский король Август II Сильный* и Карл XII в какой-то момент помирились, что привело к окончательному расколу среди польской шляхты. По словам Н. И. Костомарова, «если бы у них (польской шляхты. – Авт.) доставало политического смысла и гражданского мужества, то, конечно, они бы стремились устроить у себя правительство, не угрожая ни Петру, ни Карлу. Но тутъ открылось, что польскіе паны, заправлявшіе тогда своимъ государствомъ, повели уже Речь Посполитую на дорогу къ разложенію» [1, т. 3, с. 51–52].

При этом датчане не в состоянии были отстоять от малочисленных шведов даже свою столицу.

Ключевым событием этой войны явилась Полтавская битва (1709 г.), в результате которой «унизительный Столбовский мир»**, лишивший Россию выхода в море, теперь невозвратно уничтожился. Берега Балтийского моря, завоеванные Петром, невозможно уже отнять от России. В глазах всей Европы Россия, до сих пор презираемая, показала, что она уже в состоянии, по своим средствам и военному образованию, бороться с европейскими державами и, следовательно, имела право, чтобы другія державы обращались съ нею, какъ съ равною» [1, т. 3, с. 59].

К 1710 г. как результат побед русского оружия отношение западных держав к Петербургу изменилось: Дания вновь «вошла в союз» с Россией против Швеции, хотя её военные действия никак не влияли на общий ход войны, австрийцы собирались породниться с царским домом, Голландские Соединённые Штаты и немецкие земли объявили о нейтралитете.

При этом «Франція прямо подущала прусскаго короля противъ русскаго царя; Англія собственно имѣла въ виду то же, но дѣйствовала по наружности миролюбивѣе, предлагая посредничество для прекращенія Сѣверной войны.

Датскій король не двигался весь 1714 годъ, а прусскій думалъ только забирать подъ свою власть шведскіе города безъ войны. Такое желаніе заявлялъ и курфюрстъ ганноверскій, ставши по смерти королевы Анны англійскимъ королемъ; онъ возымѣлъ притязаніе присвоить себѣ Бременъ и Вердёнъ. Такимъ образомъ много было охотниковъ ловить въ мутной водѣ рыбу и дѣлать пріобрѣтенія на счетъ Швеціи, но вести войну со Швеціей приходилось одному Петру. И Петръ велъ ее всю весну и лѣто 1714 года» [1, т. 3, с. 137].

В 1710 г. Турция вмешалась в Северную войну на стороне Швеции. Для Петра I Прутский поход (1711 г.) был неудачным, пришлось вернуть туркам Азов и разрушить Таганрог. Хотя удалось избежать войны на два фронта, но все достижения азовских походов к 1713 г. были утрачены.

Однако решающее значения на исход Северной войны оказали победы русского флота на Балтике

* Август II Сильный (1670–1733 гг.) – курфюрст Саксонский (Фридрих Август I), польский король в 1697–1706 и 1709–1733 гг.

** Столбовский мир (1617 г.) положил конец Русско-шведской войне (1610–1617 гг.) и был заключён между Русским царством и Шведским королевством.

(при Гангуте, 1714 г. и Гренгаме, 1720 г.), в результате которых Швеция была вынуждена признать поражение и подписать Ништадский мирный договор (1721 г.). Итоги Северной войны закрепили выход теперь уже Российской империи к Балтийскому морю и присоединение территорий Ингрии*, Карелии, Эстляндии и Лифляндии.

Костомаров об этом мире написал так: «30 августа 1721 года заключён был царскими послами окончательный Ништадтский мирный договор, прекративший долготную Северную войну. Швеция уступила России в вѣчное владѣніе Лифляндію, Эстляндію, острова Эзель, Даго и Мень, Ингерманландію, часть Карелии и Выборгъ въ Финляндіи, а остальная Финляндія, завоеванная Россіей, возвращена была Швеціи» [1, т. 3, с. 151].

Таким образом, полуторавековая борьба за Прибалтику окончилась для России победой, дав прямой выход в Европу, что не обеспечивали ни Азовское, ни Чёрное, ни Каспийское моря. Но вопрос о выходе к Чёрному морю не был снят с повестки русской политики, так как постоянная агрессия Турции и Крымского ханства не позволяла развиваться русским южным областям.

И после Петра I, в правление Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) и Елизаветы Петровны (1741–1761/62 гг.), Россия продолжила борьбу за выход к берегам Чёрного моря.

В середине XVIII в. в Европе соотношение сил было следующим: борьбу за польскую корону Франция проиграла России и постаралась

спровоцировать русско-турецкую войну, учитывая, что Петербург не может согласиться с потерей Азова, Таганрога и права иметь военный флот на Азовском море. Турция из войны с Ираном (1730–1736 гг.) вышла ослабевшей, а Петербург и Вена заключили союз (1726 г.). Казалось, что появились реальные перспективы для решения российских внешнеполитических задач – ликвидировать Крымское ханство как источник постоянных угроз, укрепиться на Азовско-Черноморском побережье и распространить своё влияние на княжества Нижнего Дуная – Молдавию и Валахию. Военные действия (1736–1739 гг.) охватили огромную территорию (Крым, левобережье Днепра, нижнее течение Днепра и Днестра, а также территории по Дунаю – Сербию, Боснию и Валахию). Австрийцы потерпели ряд серьёзных поражений и заключили с турками сепаратный мир. Оставшись без союзника, Россия вынуждена была заключить Белградский мир (1739 г.), по условиям которого укрепления Азова разрушались, а он сам с округою объявлялся «между двумя империями барриерою». Россия получила право построить крепость в низовьях Дона, но, как и раньше, у неё не было права иметь флот на Азовском и Чёрном морях. Крымское ханство по-прежнему являлось постоянной угрозой.

Вступив на престол (1762 г.), Екатерина II получила в наследство всё те же территориальные пробле-

* Ингрия – Ижорская земля, не имеющая чётких географических координат территория, расположена в современной Ленинградской области.

мы, которые стояли в повестке внешней политики Российского государства и во времена царя Алексея Михайловича, и Петра I. Территориальный вопрос состоял в том, чтобы продвинуть южную границу государства до её естественных пределов, т. е. до северных берегов Чёрного, включая Крым, и Азовского морей, а также до северных предгорий Кавказа, обезопасив в какой-то степени русские земли от турецко-татарской агрессии, что должно было способствовать экономическому развитию региона, в том числе за счёт выхода к морям. В принципе, суть конфликта заключалась в многовековых отношениях Турции и России, и это не касалось других стран и могло быть решено без стороннего вмешательства. Однако и Русско-турецкий договор 1720 г. (Константинопольский «вечный мир»), и договор 1724 г. (Константинопольский договор) не обошлись без участия европейских держав: в первом случае Англии и Австрии, а во втором – Франции, которая опасалась, что русско-турецкие войны приведут к сближению Петербурга и Вены.

Итак, основная военно-политическая задача России во второй половине XVIII в. – защитить свои южные и юго-западные границы от турецких нашествий, на западе и северо-западе укрепить статус страны в Прибалтике, а также вернуть южно-русские и белорусские земли, всё ещё находившиеся под властью Речи Посполитой. При этом на западном направлении был сделан акцент на защиту диссидентов-инакомыслящих (протестантов и право-

славных) на территории Польши. Православные там не только подвергались гонениям, но их насильственно переводили в униатство и католичество, захватывали православные храмы и монастыри. Они были лишены гражданских прав в том объёме, которое соответствовало их социальному положению. Екатерина II в своём «Наказе» требовала от своих представителей в Польше не успокаиваться до тех пор, пока русские люди «не придут в законное положение по правам и справедливости» [4]. По словам В. О. Ключевского, «православные ждали от России прежде всего уравнения религиозного, свободы вероисповедания, возвращения отнятых у них католиками и униатами епархий, монастырей и храмов, права невольным униатам воротиться к вере православных отцов. Политическое уравнение, право участия в законодательстве и управлении было для них не столь желательно и даже опасно» [2, т. 5, с. 53].

В Европе в 60-х годах XVIII в. вырисовывались два блока: южный – Франция, Австрия с Испанией и северный – Россия, Пруссия и Англия, с «пассивной» группой в придачу (Швеция, Дания, Саксония, Польша и т. п.), но при этом Пруссия не собиралась «защищать» Саксонию, которая тяготела к Австрии, а Англия как всегда расценивала европейцев исключительно с точки зрения возможности их использования: расширения и защиты своих торговых и колониальных интересов.

В «северном концерте» с точки зрения стабильности наиболее слабыми были Речь Посполитая с её

⁴ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. В 18 книгах. Кн. 13. Т. 27–28. С. 128.

liberum veto, и Швеция, где шла бесконечная борьба между сторонниками ограничения монархии в риксдаге и монархистами. В Европе того времени при выработке политических решений опирались на идеи Ш. Монтескьё о выгоде иметь слабых соседей [5], поэтому государства-лидеры поддерживали архаические формы государственного устройства у своих соседей. Но при этом слабое государство неизменно становилось ареной борьбы сильных, которые тратили немало «злата» на поддержку своих протезе, а зачастую прибегали к военной силе, если «корюбция», по словам Екатерины II, не срабатывала.

Одной из стран – противников укрепления Русского государства была Франция, которую поддерживала Австрия. Вся политика Парижа в Восточной Европе в течение длительного времени строилась на Польше (на польский трон предлагались даже представители французских династий) как оплот против растущей мощи Российской империи и проникновения её торгового капитала на Ближний Восток в ущерб французскому, а также Швеции и Турции.

Таким образом, перед страной стояли два основных вопроса – территориальный и национально-конфессиональный, которые в конце концов оказались тесно взаимосвязаны, создав для Петербурга трудно разрешимые проблемы.

Один из фаворитов императрицы, граф Григорий Орлов, предложил решить «восточный вопрос», проведя корабли из Кронштадта

в Средиземное море, поддержать освободительное движение против турок на греческих островах («православный крест против магометанского полумесяца») и через проливы выйти в Чёрное море.

При состоянии русского флота (по словам Екатерины II, «годного только для ловли сельди») это было достаточно авантюрным планом, и всё-таки он сработал. Кампанию не удалось полностью завершить, как было задумано, а именно прорваться через Дарданеллы к Константинополю и вернуться домой Чёрным морем, но блестящая победа в Чесменской бухте (июль 1770 г., побережье Малой Азии, Эгейское море), когда был уничтожен турецкий флот, была поддержана успешными кампаниями на суше (Бессарабия, Молдавия, Валахия и Крым), прославившими П. А. Румянцева, А. В. Суворова и Г. А. Потёмкина, и как результат войны был заключён Кючук-Кайнарджийский договор (1774 г.), по которому Турция, в числе прочего, признала независимость Крыма, а Ясский мирный договор (1791 г.) между Россией и Турцией подтвердил присоединение Крыма к России.

Разделы Польши (1772, 1793, 1795 гг.), спровоцированные в том числе и хронической нестабильностью власти в Варшаве, позволили отчасти решить и национально-конфессиональный вопрос, хотя Австрия и Пруссия, оставаясь враждебно-пассивными наблюдателями в войне России с Турцией, больше всего выиграли и от неё, и от раздела Польши.

⁵ Монтескьё Ш. О слабости соседнего государства // О духе законов. М.: Госполитиздат, 1955. Гл. X. С. 274.

Стоит отметить, что то ли в подтверждение тезиса Ш. Монтескьё о слабом государстве, то ли в его опровержение идея о разделе Польши носилась в политическом воздухе ещё в XVII в., а русско-турецкая война в последней четверти XVIII в. привела к её реализации. Русские победы в 1770 г. очень обеспокоили как Пруссию, так и Австрию. Берлин, страшась усиления Петербурга, за счёт политических интриг попытался извлечь пользу из русских побед: по его плану, к союзу России и Пруссии привлекалась враждебная им обоим Австрия для исключительно дипломатической помощи России в войне с Турцией. В результате этой комбинации Вена, Берлин и Петербург получали компенсацию в виде земель, но не от Турции, а от Польши, спровоцировавшей военные действия. Христианские княжества Молдавия и Валахия, отвоёванные русскими у турок, возвращались под турецкое иго, освобождение от которого им было обещано; часть польских территорий отошла к России взамен турецких, часть – к Пруссии и Австрии. Первой – как комиссия, а второй вообще ни за что.

Подробнее это выглядело так: «Австрия получила всю Галицию с округами, захваченными ещё до раздела; Пруссия – Западную Пруссию с некоторыми другими землями, а Россия – Белоруссию (ныне Витебская и Могилёвская губернии *)». Доля России, на себе нёсшей всю тяжесть турецкой войны и борьбы

с польской сумятицей, была не самая крупная: по вычислениям, которые предоставил Панин **, она по населению заняла среднее место, а по доходности – последнее; самая населённая доля была австрийская, самая доходная – прусская» [2, т. 5, с. 57–58].

Последующие разделы Польши с теми же участниками привели к тому, что 10-миллионная страна, простиравшаяся «от моря до моря», превратилась в узкую полосу территории между средним и верхним течением Вислы и Неманом с 3-миллионным населением, с прежними конституционными проблемами и подчинением своей внешней политики русскому контролю. И был ещё один результат участия Пруссии в разделах Речи Посполитой. Пользуясь союзом с Петербургом, Берлин в своих интересах «затянул в один узел русско-польское и русско-турецкое дело и оба дела вывел из сферы русской политики, сделал их европейскими вопросами, чем отнял у русской политики средства разрешить их исторически правильно – раздельно и без стороннего участия» [2, т. 5, с. 45]. Отзвуки этих неоднозначных решений по разделу Польши слышны до сих пор.

Но в итоге стало всё-таки возможным воссоединение восточнославянских народов в единое государство – Российскую империю, прямую наследницу Киевской Руси.

Военно-политическое и экономическое усиление России не давало

* Это административно-территориальное деление Российской империи в 1910 г., когда В. О. Ключевский писал этот раздел своего труда.

** Панин Никита Иванович (1718–1783 гг.) – участник дворцового переворота (1762 г.). В 1763–1781 гг. руководил Коллегией иностранных дел.

покоя Вене, Берлину и Парижу, но достаточно гибкая политика Екатерины II позволяла избегать открытых конфликтов.

Время правления Павла I (1796–1801 гг.) не отличалось последовательностью во внешней политике и не было продолжением внешнеполитической деятельности ни Петра I, ни тем более Екатерины II.

Победа над Наполеоном укрепила международный авторитет России, а то, что Российская империя возглавила Священный союз, вызывало раздражение во всех европейских столицах, и желание покончить с этим сдерживал только страх перед силой русского оружия.

Стоит отметить, что Александр I отступил в «польском вопросе» от политики Екатерины II. Целая пропасть разделяет взгляды этих людей. Когда Екатерине II сообщили, что «поляки советуют ей принять титул королевы Польской, императрица ответила 16 сентября 1795 г.: «При разделе я не получила ни одной пяди польской земли. Я получила то, что поляки не переставали называть Червонной Русью, Киевское воеводство, Подолию и Вольнь. Литва же никогда не была коренной частью Польши. Таким образом, не получив ни пяди польской земли, я не могу принять титул королевы Польской» [6].

В этих словах тонкий политический расчёт, а именно: не раздражать польскую общественность. Александр I, придерживаясь совершенно иных взглядов, в 1815 г. принял титул короля Польского, но при этом он постоянно давал понять, что возврат Польше так называемого за-

бранного края только вопрос времени. Именно на этих идеях основывалась деятельность многих польских тайных обществ. А вот Николай I уже в 1826 г. вынес приговор польским «мечтаниям», считая неприемлемым какое-либо посягательство на целостность империи. Всё это подогревало брожения в польском обществе. Этому способствовали и революционные события в Европе в 1830–1840-х годах, которыми все правящие европейские дома были напуганы.

На фоне непреклонной позиции Николая I недовольство политикой Петербурга в Европе копилось, постоянно подогреваясь польской элитой, разъезжавшей по европейским столицам с жалобами на русское самодержавие, и нужен был только повод, любой повод. И он был найден.

События развивались так.

Николай I высказал английскому послу в Петербурге предложение о разделе Османской империи (1853 г.). Лондон отклонил эту идею.

Но в Англии всегда считали, что русско-турецкая война пошла бы англичанам на пользу. Цели Лондона были следующие: освобождение Греции от турецкой власти, но при этом Османская империя не должна быть разрушена, и Россия не должна получить проливы. Идея не была новой. С такой сложной политической миссией ещё в 1826 г. в Петербург приезжал будущий премьер-министр Великобритании герцог Веллингтон. Но тогда Петербург не посчитал целесообразным воевать, понимая, что это будет война за английские интересы.

⁶ Цит. по: Шильдер Н. К. Николай I. Его жизнь и царствование. М.: Эксмо, 2010. С. 155–156.

К середине XIX в. конфигурация сил в Европе изменилась, и Лондон искал новых союзников для решения своих задач, интригуя и подогревая межгосударственные противоречия.

Поводом к международному конфликту на Ближнем Востоке ещё в 1850 г. оказалась ссора между католическими и православными монахами в Палестине, касающаяся вопроса, кому быть блюстителями религиозных святынь (храма Гроба Господня в Иерусалиме и храма Рождества в Вифлееме). Султан склонялся на сторону православных (на основании условий Кючук-Кайнарджийского мира) и был даже согласен, чтобы все они в Османской империи были под защитой России, что давало ей право постоянного дипломатического вмешательства во внутренние дела Турции.

Но это не устраивало Париж и Лондон, боровшихся за Египет. Религиозные споры переросли в дипломатический конфликт, который развивался в геополитическом контексте противостояния европейских держав и Российской империи на Ближнем Востоке на фоне ослабления Османской империи и роста национально-освободительного движения в Греции и на Балканах. Франция и Англия стремились захватить ближневосточные рынки, и конкурент в виде России им был не нужен. К тому же во время революционных событий (1848 г.) в Европе Петербург проводил свою политику в отношении Турции, добившись пересмотра режима проливов в свою пользу. Таким образом, с одной стороны, Лондон и Париж пытались устранить Петербург как конкурента, в том числе военным путём, для

осуществления своих планов на Востоке. При этом для Англии на горизонте маячили ещё проблемы с Россией на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, где она стремилась к расширению и укреплению своих колониальных владений.

С другой стороны, Турция, опираясь на поддержку этих ведущих стран, а также пособничество Австро-Венгрии, надеялась в случае военного поражения России подавить национально-освободительное движение южных славян на Балканах и в Греции, укрепить свои пошатнувшиеся внешнеполитические позиции и внутреннюю стабильность.

Именно поэтому в конфликте на Ближнем Востоке не Иерусалим и Вифлеем, а владение проливами Босфор и Дарданеллы являлось действительно объектом спора, победа в котором позволила бы снизить влияние России в Ближневосточном регионе, на Балканах, в Греции и на её островах.

В данном случае Петербург раздражала активность Парижа в Турции, и он попытался установить более доверительные отношения с Лондоном. Но это было полное непонимание английской и французской политики на Востоке. В Петербурге считали, что Франция, ослабленная событиями 1848–1851 гг., не будет воевать из-за проблемы «святых мест», Австрия также устранилась, а Англия без Австрии и Франции не ввяжется в конфликт. Наполеону III не было дела до святых мест. Его задача – разрушить союз европейских стран против Франции, который почти на протяжении полувека парализовывал её, поднять свой рейтинг и в стране, и на международной арене.

Дальше последовали известные сознательные протокольные нарушения со стороны русского посла в Константинополе светлейшего князя А. С. Меншикова.

Всё это привело к началу открытого конфликта. Средиземноморские эскадры Англии и Франции получили приказ направиться к Дарданеллам, а русские войска заняли Дунайские княжества (июнь 1853 г.).

Война на суше, на Дунае и Кавказе, против турок складывалась в целом не в пользу русской армии, и, чтобы не допустить доставку подкрепления туркам с моря (в районе Кавказа), была направлена эскадра русских кораблей под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова. Сражение и победа в Синопской бухте (ноябрь 1853 г.) – это одна из славных страниц русского флота.

После Синопа и военных действий на Дунае правительства Англии и Франции поняли, что Турции не выдержать вооружённой борьбы с Россией. Именно это подтолкнуло их вмешаться в русско-турецкий конфликт. Как писал русский историк С. С. Татищев, «война грозила стать всеобщей. России приходилось вступить в борьбу со сплочённой воедино против неё всей Европой» [7]. Одновременно в Европе началась антироссийская кампания (как-то уж очень напоминающая современную), хотя кроме Сардинского королевства, никто в открытую не поддержал Париж и Лондон. Но не вступая в войну официально, Австро-Венгрия заняла враждебную по отношению к России позицию,

интригуя в Париже и Лондоне, пытаясь узнать, что можно получить за антироссийскую деятельность. Нейтральная политика Пруссии определялась тем, что поражение Турции не затрагивало её интересов, а вот враждебная позиция к Петербургу могла бы привести к нежелательному союзу между ним и Парижем, а так как в Германском союзе Пруссия была лидером, то Австрия так и не приняла активного участия в военных действиях.

Стоит отметить и планы английского кабинета по расчленению России, и идеи Г. Пальмерстона* о «большой войне» после победы в Крыму для устранения России как конкурента не только в Ближневосточном регионе, но и на Дальнем Востоке, и в Центральной Азии.

Судьба войны решалась в Крыму, хотя военные действия велись и на Дунае, и в Закавказье, на Балтике, в Белом море и на Тихом океане. Её эпицентром стала оборона Севастополя. Крымская кампания закончилась сдачей части города французам.

Могла ли Россия победить в Крымской войне?

Конечно, можно говорить о дипломатических просчётах Петербурга, его тактических и стратегических ошибках, о бездарных командующих армиями, об отсталости в её комплектовании и техническом вооружении, о чудовищном казнокрадстве. Но именно такая Россия противостояла хорошо укомплектованной, обеспеченной современным вооружением и техникой армии англо-французской коалиции.

⁷ Татищев С. С. Александр II. Его жизнь и царствование. М.: Эксмо, 2010. С. 64–65.

* Одна из идей лорда Пальмерстона очень точно характеризует отношение к России не только Англии, но и многих западных стран: «Как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет».

В итоге решения Парижского мирного конгресса (февраль 1856 г.), унижительного для России, потому что лишали страну результатов её многовековой борьбы за выход к Чёрному морю, оставляли беззащитными Крым, Малороссию и Кавказ, так как Россия (а также Турция) не могла иметь на Чёрном море военные флоты и арсеналы.

Добиться отмены ограничительных статей Парижского договора удалось только через 15 лет – в 1871 г. – последнему канцлеру Российской империи князю А. М. Горчакову, который в своём циркуляре указывал на нарушение Парижского трактата другими странами, и на этом основании Россия отказывалась считать действительными его статьи, ограничивающие её суверенные права на Чёрном море. Этот циркуляр вызвал неодобрение в Австро-Венгрии и Англии; Париж, один из инициаторов трактата, из-за поражения во Франко-прусской войне (1870–1871 гг.) был устранён, а Берлин, получив согласие Петербурга на мирные условия, предложенные О. фон Бисмарком французскому правительству, поддержал Россию.

Уроки Крымской (Восточной) войны XIX в. сохраняют свою актуальность и в XXI в., когда Россия вынуждена вновь отстаивать свои рубежи от потенциального противника в лице представителя коллективного Запада – Североатлантического блока.

На всей западной государственной границе Российской Федерации от Балтики до Чёрного моря Северо-

атлантический альянс систематически усиливает своё присутствие. Речь идёт не только о военных манёврах на приграничных с Россией территориях, но и о создании военных баз с ротационно меняющимся контингентом военнослужащих стран НАТО, радиолокационных станций, просматривающих российскую территорию до Урала, систем ПРО и патрулировании приграничных российских воздушных и морских пространств на грани флага.

На Балтике ставка делается в основном на Польшу, стремящуюся стать региональным лидером, самым верным и надёжным сателлитом даже не столько НАТО, сколько США в Восточной Европе, преодолеть существующий в «старой» Европе комплекс «второразрядности», а также страны Балтии [8]. Но учитывая военно-экономические потенциалы этих стран, пальма первенства, естественно, остаётся за Варшавой.

В марте 2019 г. *Jamestown Foundation* (структура, созданная при непосредственной поддержке ЦРУ) опубликовала доклад, в котором рассмотрена возможность утраты Россией Калининградской области в случае конфликта с НАТО с рассмотрением нескольких сценариев военных действий. По одному из них в период военных действий России, во-первых, необходимо обезопасить морские подходы к Санкт-Петербургу. Для этого она якобы попытается заблокировать страны Балтии с моря, а во-вторых, защитить русскоговорящие нацменьшинства в Латвии, Литве и Эстонии (хотя го-

⁸ Штоль В. В. Холодная война как элемент системы противостояния Запада и России // Обозреватель–Observer. 2016. № 10.

Национальный состав стран Балтии *

Страна, национальный состав населения	Численность населения, млн чел., %		Динамика (убыль), %
	1990 г.	2019 г.	
Литва, население, всего из них: – литовцы, – русские, – белорусы	3,70	2,80 (100%) 2,36 (84,16%) 0,16 (5,81%) 0,03 (1,19%)	- 24
Латвия, население, всего из них: – латыши – русские – белорусы – украинцы	2,70	1,90 (100%) 1,18 (62,1%) 0,51 (26,9%) 0,06 (3,3%) 0,04 (2,2%)	-29
Эстония, население, всего из них: – эстонцы – русские – украинцы – белорусы	1,57	1,32 (100%) 0,91 (68,7%) 0,33 (24,8%) 0,02 (1,7%) 0,01 (1%)	-16

* Источник: <https://yandex.ru/search/?lr=213&text=численность населения в эстонии%2Слатв>

ворить о русскоговорящих «негражданах» в странах – членах Евросоюза достаточно странно, тем более что их численность в общем составе населения стран Прибалтики в среднем составляет почти пятую часть, а в Латвии и Эстонии – четверть) (табл.).

В сценарии *Jamestown Foundation* прописан ход военных действий для всех участников.

Итак: Россия начинает с нападения на Литву и Польшу, чтобы установить связь с Калининградской областью по суше; рассмотрено наступление российской танковой армии на Таллин; бои за переправу в райо-

не Даугавпилса и т. д. Чтобы переломить ход событий – успешное наступление российских частей, Польша и США понадобятся всего две недели и ещё столько же, чтобы противостоять контратакам русских и дожидаться подкрепления. При этом поляки должны взять под свой контроль Сувальский коридор – отрезок в 100 км польско-литовской границы, который мог бы соединить территорию Белоруссии с Калининградской областью и который рассматривается в НАТО как наиболее логистически удобный путь для русской армии при наступлении на Польшу*.

* Польша член НАТО с 12 марта 1999 г.

При этом Латвии, Эстонии и Литве* для успешного участия в операции необходимо увеличивать не только численность своих вооружённых сил, но и их материально-техническое обеспечение, т. е. общие военные расходы. Кроме того, потребуется финансовая и техническая помощь со стороны Германии. В качестве союзников могут быть привлечены Швеция и Финляндия, а общее руководство, естественно, принадлежит США. Как видно, это всё те же (кроме США) противники Российского государства, что и в XVII, XVIII и XIX вв.

Согласно натовским штабным прогнозам, военные действия будут носить исключительно локальный характер, но в этом конфликте Россия потеряет свой анклав – Калининградскую область, которая будет передана Польше в рамках «сдерживания» России и предотвращения её дальнейших «агрессивных действий».

Выводы доклада *Jamestown Foundation*: «Если НАТО будет действовать как единое целое, то российская армия за 14 дней не сумеет взять столицы стран Прибалтики, а флоту придётся уйти из Калининграда в Санкт-Петербург» [9].

Такова ситуация на Балтике, но и на Чёрном море проблем не меньше. НАТО рассматривает Черноморский регион своим «южным флангом», где в последние годы произошли существенные изменения в выборе «опорных» партнёров. Итак, Турция, Румыния и Болгария – члены Североатлантического блока, Украина и Грузия рвутся вступить в него и получить официальный статус.

Турция в альянсе с 1952 г., являясь одним из старейших его членов, но в несостоявшемся государственном перевороте (16 июля 2016 г.) с участием военных, в Анкаре явно увидели «руку» не только коллективного Запада, но прежде всего Вашингтона. При этом высший командный состав армии, участвовавший в заговоре, всегда был наиболее западно ориентированным и обеспечивал в течение многих лет стабильный пронаатовский курс страны. После неудавшегося путча и возникших трений НАТО сделала ставку на Румынию, новичка в альянсе (с 29 марта 2004 г.) и к тому же с социалистическим прошлым, которое она всеми силами старается вычеркнуть из своей истории. Бухарест позиционирует себя как самый надёжный союзник альянса в Черноморском регионе, хотя и румынская экономика, и современный румынский флот с его инфраструктурой без соответствующего пополнения и модернизации навряд ли могут быть сопоставимы с ВМФ Турции, не говоря уже о России. Американцы разместили в стране и ракетные пусковые установки, прикрывая сначала свою деятельность якобы существующими угрозами со стороны Ирана, хотя он не обладал и не обладает соответствующим ракетным потенциалом. США проводят на румынской территории военные учения на постоянной основе, к которым привлекается и Молдавия, несмотря на прописанный в её конституции (ст. 11) нейтральный статус.

⁹ <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5db4d3d59a79474939d9bc1>

* Латвия, Литва и Эстония – члены НАТО с 29 марта 2004 г.

И НАТО, и США стремятся «укорениться» и в Молдавии, несмотря на разногласия в молдавском руководстве по этому вопросу. При этом Кишинёв с 1994 г. сотрудничает с альянсом по Индивидуальному плану действий партнёрства (ИПДП) (в рамках Совета евро-атлантического партнёрства – СЕАП [10]) и через «Партнёрство ради мира» (ПРМ), а начиная с 2009 г. регулярно проводятся американо-молдавские учения *Joint Combined Exchange Training*. Как и перед всеми постсоветскими странами, стремящимися в НАТО, перед Кишинёвом стоит задача реформирования армии согласно натовским стандартам. По мнению Брюсселя, вооружённые силы Молдавии «приближены к функциональной совместимости» с силами альянса. Поэтому Вашингтон и Брюссель считают необходимым продолжать работу по укреплению обороноспособности Молдавии в рамках плана *Building Integrity Programme*.

Ещё одной проблемой для Молдавии является непризнанная Приднестровская Молдавская Республика (ПМР). В регионе дислоцирован российский миротворческий контингент. Сегодня ни Россия, ни Запад не хотят менять сложившуюся ситуацию, хотя Киев рассматривает ПМР как пророссийский анклав, который может быть в любой момент использован Москвой в своих интересах.

Вторым неофитом НАТО на южном фланге является Болгария, на территории которой расположены натовские и американские военные базы, проводятся военные учения

стран – членов альянса. София послушно поддержала американское вторжение в Ирак и участвовала в военных действиях там, предоставила свой контингент для Международных сил безопасности в Афганистане (ИСАФ), но вместе с тем руководство страны говорит о том, что её внешнеполитический курс направлен на конструктивное взаимодействие с Россией. Однако, если судить по проблемам, возникшим, например, при прокладке газопровода «Турецкий поток», активное участие в антироссийских санкциях, в том числе с высылкой наших дипломатов, то политику Софии нельзя рассматривать как дружественную по отношению к Москве. Скорее это обычный курс Болгарии с момента провозглашения независимости (1908 г.), чаще всего в союзе с Германией, учитывая позицию прогермански настроенной элиты.

Таким образом, в Черноморском регионе намечается тенденция со стороны руководства НАТО в рамках своей общей стратегии делать всё большую ставку на Бухарест и Софию, которые стремятся оттеснить на вторые роли Анкару из-за её геополитических амбиций и возникших разногласий с США и другими членами альянса, а также несомненного сближения позиций Турции и России по целому ряду международных проблем.

При этом если на западном фланге НАТО, т. е. в Польше и странах Балтии, активность альянса для «сдерживания» России проявляется за счёт усиления войсковой составляющей уже непосредственно на

¹⁰ Штоль В. В. Эволюция НАТО в реалиях глобализации. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. С. 134–157.

приграничных территориях, то на южном фланге речь идёт о морской акватории, и проблем здесь вполне достаточно: это и корабли стран – членов НАТО, и украинские «боевые» единицы, пытавшиеся нарушить российские морские границы в Керченском проливе и Азовском море (25 ноября 2018 г.), а также постоянное барражирование западной авиацией над акваторией Чёрного моря вблизи российских границ.

Вопросы приёма Украины и Грузии в Североатлантический блок уже давно стоят в его повестке дня, но для Украины тормозом является прежде всего «неприемлемый уровень коррупции», которая даже усилилась после 2014 г., т. е. так называемой революции достоинства. Кроме того, есть и другие проблемы, которые в Киеве необходимо решить, а именно:

- армия должна быть переведена на натовские стандарты. В украинском Центре исследований армии, конверсии и разоружения появилась идея, как можно побыстрее вступить в НАТО, не слишком работая над переводом армии на стандарты альянса. Этот «суперход» был связан с предложением разместить на территории страны базу национальной системы ПРО США и воинские подразделения НАТО, а также поставить на боевое дежурство несколько зенитно-ракетных комплексов *Patriot*. Однако евроПРО уже есть в Польше и Румынии, а создавать второй эшелон с военной точки зрения и бессмысленно и к тому же очень дорого. Стоит отметить, что когда Варшава обратилась с почти аналогичной просьбой к США, обосновывая это российской угрозой, то американцы сначала предложили и за базу, и за

всю необходимую инфраструктуру заплатить самим полякам, а потом отказались от этого совсем;

- необходимо устранить «фактор Донбасса», т. е. погасить гражданский конфликт и желательным с минимальным количеством жертв среди мирного населения. При этом путь мирного урегулирования по «формуле Штанмайера» для реализации Минских соглашений по Украине пока не просматривается из-за позиции Киева. На встрече в Париже (9 декабря 2019 г.) «норманнская четвёрка» – А. Меркель, Э. Макрон, В. В. Путин и В. А. Зеленский – подтвердила обязательность выполнения Минских соглашений (сентябрь 2014 г.). При этом можно считать, что произошла некая «перезагрузка», необходимая с учётом прошедшего времени, а по некоторым текущим вопросам, в частности по поставкам российского газа в Европу через Украину, были достигнуты определённые договорённости, снявшие остроту вопроса;

- не создавать новых конфликтных ситуаций и очагов напряжённости в связи с ущемлением прав национальных меньшинств. Прежде всего это касается венгров, проживающих в Закарпатье. В Будапеште эти проблемы отслеживаются очень внимательно. Аналогичные вопросы существуют и с поляками, а учитывая вес Польши в альянсе и её претензии на лидерство в Восточной Европе, Киеву лучше не «спотыкаться» о такие проблемы.

Грузия сотрудничает с НАТО в рамках программы «Партнёрство ради мира» (1994 г.) и была одной из первых стран, которая согласовала Индивидуальный план партнёрства с НАТО (2004 г.). Тбилиси отправил

свой воинский контингент в Афганистан и предоставил свою территорию как перевалочный пункт для снабжения западной группировки войск в Афганистане. При этом Грузия получила десятки миллионов долларов на реорганизацию армии под руководством натовских инструкторов. Но как показали события 2008 г. в Южной Осетии, грузинские войска так и не стали сколько-нибудь серьёзной военной силой. Руководство НАТО публично поддерживает Тбилиси и выступает против признания независимости Абхазии и Южной Осетии. Но для России вступление Грузии в альянс несёт

дополнительные угрозы безопасности Закавказью, где кроме проблем Абхазии и Южной Осетии есть многолетний постоянно тлеющий конфликт в Нагорном Карабахе между Баку и Ереваном. Усиление потенциала конфликтности в Закавказье может всколыхнуть весь российский Северный Кавказ. Таким образом, приём Грузии в НАТО приведёт к появлению на геополитической карте ещё одной точки напряжённости в отношениях России и коллективного Запада, и единственной преградой на пути Тбилиси в Брюссель является пока неурегулированный территориальный конфликт.

Если посмотреть на историю России, то совершенно очевидно, что ни одна страна в мире не пережила столько тяжелейших испытаний, как она. Это было и нашествие хазар, половцев, монголо-татар, поляков, шведов, турок, французов, немцев, и разномастная интервенция времён Гражданской войны, и многонациональная армия в составе Третьего рейха во Второй мировой войне, всё это сопровождалось всевозможными политическими и экономическими санкциями.

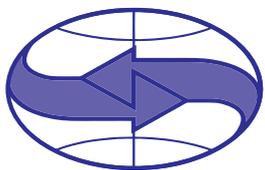
Война против России и её народа ведётся постоянно. И у России, как и во все времена, опора может быть только на армию и флот и безусловное единство её многонационального народа.

Библиография • References

- Висковатов А. В.* Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб.: Тип. морского министерства, 1864.– 175 с.
- [*Viskovatov A. V.* Kratkij istoricheskij obzor morskikh pohodov russkikh i morekhodstva ih voobshche do iskhoda XVII stoletiya. SPb.: Tip. morskogo ministerstva, 1864.– 175 s.]
- Ключевский В. О.* Сочинения. В 8 томах. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. Т. 4.– 424 с.
- [*Klyuchevskij V. O.* Sochineniya. V 8 tomah. M.: Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1958. T. 4.– 424 s.]
- Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. В 3 томах. СПб.: Вестник знания, 1900. Т. 3. Господство дома Романовых (XVIII столетие).– 416 с.
- [*Kostomarov N. I.* Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah eyo glavnejshih deyatelej. V 3 tomah. SPb.: Vestnik znaniya, 1900. T. 3. Gospodstvo doma Romanovyh (XVIII stoletie).– 416 s.]

- Монтескье Ш. О слабости соседнего государства // О духе законов. М.: Госполитиздат, 1955. Гл. X.– 800 с.
[Montesk'yo SH. O slabosti sosednego gosudarstva // O duhe zakonov. M.: Gospolitizdat, 1955. Gl. H.– 800 s.]
- Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. В 18 книгах. Кн. 13. Т. 27–28. – 677 с.
[Solov'yov S. M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon. V 18 knigah. Kn. 13. T. 27–28.– 677 s.]
- Татищев С. С. Александр II. Его жизнь и царствование. М.: Эксмо, 2010.– 432 с.
[Tatishchev S. S. Aleksandr II. Ego zhizn' i carstvovanie. M.: Eksmo, 2010.– 432 s.]
- Шильдер Н. К. Николай I. Его жизнь и царствование. М.: Эксмо, 2010.– 432 с.
[SHil'der N. K. Nikolaj I. Ego zhizn' i carstvovanie. M.: Eksmo, 2010.– 432 s.]
- Штоль В. В. Холодная война как элемент системы противостояния Запада и России // Обозреватель–Observer. 2016. № 10. С. 5–29.
[SHtol' V. V. Holodnaya vojna kak element sistemy protivostoyaniya Zapada i Rossii // Obozrevatel'–Observer. 2016. № 10. S. 5–29]
- Штоль В. В. Эволюция НАТО в реалиях глобализации. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. – 384 с.
[SHtol' V. V. Evolyuciya NATO v realiyah globalizacii. Dis. ... d-ra polit. nauk. M., 2004. – 384 s.]
- <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5db4d3d59a79474939d9bc1>

Статья поступила в редакцию 13 ноября 2019 г.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Россия, США и реформа ООН*

Александра ХУДАЙКУЛОВА

Система международных отношений никогда не отличалась простотой управления. Вопрос возможных и (или) предпочтительных форматов мирового управления сегодня как никогда звучит остро и напрямую касается Организации Объединённых Наций, которая довольно точно отражает настроения мирового сообщества. Государства, по сути, разделились на два лагеря: те, кто по-прежнему видит в ООН главную структуру глобального регулирования, и те, кто всё больше сомневается в её эффективности. Скептики ООН не исключают радикального сценария, при котором организация столкнётся с ещё большим редуцированием своей роли в сфере международной безопасности и скатится к решению слишком обременительных для государств гуманитарных вопросов.

Особый драматизм ситуации придают разновекторные стратегии России и США, касающиеся современной и будущей роли ООН. Обе державы являются её соучредителями, постоянными членами Совета Безопасности и занимают ведущее место во всей системе Объединённых Наций. Позиции Москвы и Вашингтона важны для поддержания баланса интересов в контексте реального соотношения сил. Однако вопрос о конкретных перспективах развития ООН трактуется ими далеко не однозначно. Россия и США по-разному смотрят на многие вопросы повестки Совбеза, главным образом по применению военной силы, с разных позиций оценивают потенциал ООН и возможности её реформы [1].

ХУДАЙКУЛОВА Александра Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных процессов МГИМО (У) МИД России. *E-mail:* Alexandra_77@mail.ru

Ключевые слова: ООН, Россия, США, реформа ООН, миротворчество, взаимодействие, конкуренция.

¹ *Штоль В.В.* Россия: многообразие цивилизаций и собственная цивилизационная проектность // *Обозреватель – Observer*. 2011. № 6.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31389 «Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами».

Россия в ООН: политика преемственности и приоритетности

Как стране-победителю во Второй мировой войне Советскому Союзу была гарантирована центральная роль в становлении послевоенной системы – постоянное членство в Совете Безопасности и право вето, которое советской делегации пришлось упорно отстаивать на конференции в Сан-Франциско. Россия как правопреемница СССР сохранила статус постоянного члена Совбеза, что в условиях неустойчивости внутренней ситуации и ослабления международных позиций было крайне значимо для продвижения российских внешнеполитических интересов.

Несмотря на то что концептуальной основой современной российской внешней политики выступает реализм, Россия здраво оценивает возможности институционального регулирования. В этой логике ООН олицетворяет для российского руководства верхушку многосторонней дипломатии, важнейший многосторонний механизм согласования глобальных проблем и поиска компромиссов. Немаловажно и то, что ООН является для России важнейшей площадкой для продвижения собственного видения мироустройства и обеспечения баланса сил. В своих характеристиках ООН российское руководство и политический истеблишмент используют такие характеристики, как:

главный центр регулирования международных отношений и координации мировой политики; универсальная площадка для разрешения кризисов; гарант обеспечения многосторонности. Любое «антиуставное» применение военной силы в духе «гуманитарных интервенций», «ограниченного суверенитета» и «ответственности по защите» неизменно вызывает резкую критику со стороны России, которая последовательно и твёрдо выступает за «сохранение за Советом Безопасности функций по применению силы в целях принуждения к миру» [2].

Отстаивая коллективный характер любых процессов по обеспечению безопасности, Россия, по сути, стремится сохранить модель мирорегулирования на основе конструктивного консенсуса великих держав, что отражает на практике в слегка изменённом виде «концерт наций». В этом смысле обнажается дисбаланс между политическими заявлениями страны и её реальными возможностями влиять и направлять процессы по многоуровневой и крайне комплексной повестке ООН. На сегодняшний день, например, Россия не входит в топ-3 стран по взносам в регулярный бюджет ООН (5397 млрд долл. на 2018–2019 гг.) и занимает по данному показателю лишь 9-ю позицию (3,088%) [3].

² Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/>

³ <http://www.mid.ru/finansirovanie-oon>

США в ООН: «маятник» политических амбиций

Позиция США в отношении ООН сводится преимущественно к следующему набору целеполаганий:

а) ООН должна соответствовать замыслу основателей;

б) ООН как институт, символизирующий многосторонний подход, должна проводить осязаемую политику в деле продвижения мира, свободы, устойчивого развития, здравоохранения и гуманитарной помощи на благо рядовых граждан на каждом континенте;

в) ООН должна демонстрировать рациональное управление своими ресурсами и соблюдать требования бюджетной дисциплины.

Последний пункт особенно важен, так как США возглавляют список финансовых доноров ООН (22%), являясь одновременно самым большим должником по взносам в бюджет ООН*. Будучи лидером по взносам, США открыто заявляют о своей неудовлетворённости уровнем поддержки своих заявлений и проектов резолюций в Генеральной Ассамблее ООН со стороны других государств**.

В качестве приоритетной повестки своего взаимодействия с ООН Вашингтон декларирует следующие направления:

а) обеспечение мира и защита мирных граждан, которым угрожают войны и тирания;

б) приоритетность многостороннего подхода в распространении демократии, продвижении свободы и обеспечении эффективного управления;

в) оказание гуманитарной помощи странам и лицам, испытывающим крайнюю нужду;

г) содействие ориентированному на результаты устойчивому развитию;

д) проведение реформы ООН.

Подход США к ООН схож с маятником: от слабой поддержки до яростного поругания и отрицания, движение которого определяется преимущественно партийной окраской Белого дома. В отличие от демократов, сохраняющих веру в многосторонние дипломатические инициативы, отношение республиканцев к ООН более сдержанное, критичное и зачастую негативное. Открытое дистанцирование сегодня – это далеко и не только продукт внешнеполитической стратегии администрации Д. Трампа. Подобные настроения начали формироваться давно.

В самом начале холодной войны США пытались доминировать в рядах Объединённых Наций, в том числе через влияние на повестку

* Согласно сообщениям открытых источников, в текущем году США задолжали бюджету ООН 670 млн долл. и почти 400 млн долл. составляет неустойка за предыдущие годы.

** С 1985 г. Госдепартамент США ежегодно публикует доклад «Практика голосования в ООН», в котором освещается голосование по особо важным для США вопросам за предыдущий год. Так, в докладе 2017 г. утверждается, что поддержка Вашингтона в ГА ООН сократилась на 10%, а позиция США большинством государств – членов ООН была поддержана лишь в 31% случаев. Однако в целом по наиболее важным для США резолюциям их союзники голосуют, следуя жёсткой блоковой дисциплине (The Report to the Congress on Voting Practices in the United Nations // URL: <https://www.state.gov/voting-practices-in-the-united-nations/>).

ГА. Однако уже с 60-х годов, на фоне нарастания напряжения в американо-советских отношениях и формирования блока неприсоединившихся государств, ситуация изменилась. В 1975 г. послом США в ООН был назначен Д. Мойнихан, прослуживший в этой должности всего восемь месяцев, но прославившийся публикацией книги «Опасное место» [4], в которой были собраны «претензии» США к ООН. При республиканской администрации Р. Рейгана ООН не фигурировала в числе американских приоритетов и открыто критиковали за антиамериканскую позицию и неразумное распределение бюджета. Некоторый спад критики произошёл при Дж. Буше-ст.

Окончание биполярности символизировало последовательность стратегии укрепления американского глобального лидерства с опорой на односторонность. В этом контексте ООН всё больше становилась объектом критики и открытого игнорирования со стороны США. Президент-демократ Б. Клинтон попытался изменить общий негативный настрой по отношению к ООН. Наметились признаки конструктивного отношения: США приступили к погашению долгов, отменили запрет на участие американских вооружённых сил в миротворческих операциях ООН, подписали Римский статут, сделали оговорку, что не ратифицируют его, пока не ознакомятся с работой Международного уголовного суда (МУС).

С приходом к власти Дж. Буша-мл. ситуация вновь качнулась в сторону

обострения отношений. Республиканская администрация воспринимала ООН как организацию, которая должна «подкреплять в международных делах геополитические стратегии США» и обвиняла её в ограничении их в управлении мировым порядком. Американская внешняя политика встала на путь одностороннего использования силы, дополнив уже апробированные вмешательства по гуманитарным мотивам операциями возмездия и превентивными вмешательствами. США отозвали свою подпись под Римским статутом МУС, бойкотировали работу Совета ООН по правам человека (СПУ), сменившего соответствующую Комиссию.

Иракская операция США (2003 г.) вызвала ожидаемую критику со стороны ООН и в целом продемонстрировала несогласие организации со многими военно-политическими инициативами Вашингтона. Руководство ООН заявило, что основы коллективной безопасности подорваны, так же как и вера в возможность многонациональных решений. В этот период ООН высказывалась в адрес США весьма критично по многим сюжетам, в частности, по ситуации с правами человека в тюремном лагере в Гуантанамо (Куба), смене режимов и пр.

В 2003 г. в британской *The Guardian* выходит статья председателя комитета оборонной политики Пентагона Р. Пёрла под весьма неоднозначным заголовком «Слава Богу за кончину ООН» [5], в которой автор высказал радикальное, но, по мнению многих американских экспертов и политиков, зрелее предложение оставить за ООН лишь функ-

⁴ *Moyrhan D. A Dangerous Place. Little Brown & Company. MA, 1978.*

⁵ *Perle R. Thank God for the Death of the UN // The Gardian. 2003. 21 March // URL: <https://www.theguardian.com/politics/2003/mar/21/foreignpolicy.iraq1>*

цию оказания гуманитарной помощи и поддержания мира, лишив её всех приоритетных обязательств по силовому регулированию кризисных ситуаций.

Президент-демократ Б. Обама, в свою очередь, взял курс на сближение с ООН. В качестве ответа на вызовы американскому лидерству была выдвинута стратегия «умной силы», в основе которой сбалансированное сочетание ресурсов «жесткой» и «мягкой власти» и должное внимание к институциональному регулированию на основе ООН. Энтузиазм Б. Обамы в отношении ООН объяснялся вполне прагматичным желанием использовать данный ресурс для укрепления «нового лидерства» США.

В обзоре дипломатии и развития Государственного департамента (2010 г.) администрация США определила ООН как «уникальную многостороннюю организацию с учётом её легитимности и влияния в широком спектре вопросов» [6]. В этом свете появилась реальная перспектива инициирования и поддержки реформ со стороны США, хотя американская администрация более чем прохладно отреагировала на доклад ООН «Более безопасный мир: наша общая ответственность». В 2009 г. США вернулись в Совет по правам человека, не переставая при этом выражать недовольство по поводу присутствия в нём Кубы и Ирана. Однако они добились снижения критики в адрес Израиля, учреждения специальной комиссии по расследованиям в Си-

рии; создания должности специальных докладчиков по Северной Корее и Белоруссии; возможности обсуждения в СБ вопроса о правах человека в Северной Корее. Вместе с тем благие намерения Б. Обамы в отношении ООН столкнулись с влиянием как традиционных внутренних факторов (наследие проблем предыдущей администрации), так и внешних (глобальный финансово-экономический кризис). В итоге упоминания о реформе ООН, например в Стратегии национальной безопасности 2015 г., не вышли за рамки риторического либерального дискурса.

При администрации Д. Трампа США вновь ужесточили риторику, в основе которой лежат вполне устойчивые и предсказуемые взгляды американских консерваторов о приоритетности и адекватности Североатлантического альянса на фоне ООН. Президент Д. Трамп в своих многочисленных выступлениях и комментариях в *Twitter* характеризует многосторонние каналы диалога, включая ООН, как враждебные. Администрация и госдепартамент демонстрируют приверженность положениям «принципиального реализма», поступательно урезая финансирование структур ООН по линии правозащитной, экологической, миротворческой, культурной и гуманитарной тематикой [7]. Так, в 2017 г. США объявили о прекращении финансирования Фонда ООН в области народонаселения, вышли из ЮНЕСКО и заявили о выходе из

⁶ State Department's Quadrennial Diplomacy and Development Review. U. S. Department of State. Leading Through Civilian Power: The First Quadrennial Diplomacy and Development Review, 2010.

⁷ Lynch C. White House Seeks to Cut Billions in Funding for United Nations // Foreign Policy. 2017. 13 March // URL: <https://foreignpolicy.com/2017/03/13/white-house-seeks-to-cut-billions-infunding-for-united-nations/>

Парижского соглашения по климату, став единственной страной, которая не представлена в соглашении.

В 2018 г. Вашингтон вновь покинул СПЧ, пытаясь тем самым дезавуировать его деятельность. Вашингтон заявил, что не нуждается в советах со стороны ООН или других международных организаций, и вновь обвинил Совет ООН по правам человека в предвзятости.

Соединённые Штаты высказывают своё недовольство в адрес ООН по целому ряду проблем:

- многочисленные программы, утратившие свою актуальность, но по-прежнему финансируемые;

- излишняя политизация вопросов и как результат – достижение согласия ради согласия без каких-либо определённых результатов;

- дефицит демократии в государствах – членах ООН;

- ослабление деятельности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения и терроризмом и пр.

Однако несмотря на сохраняющийся скептицизм, нынешняя ад-

министрация не перестаёт рассматривать ООН как рычаг политического влияния и продвижения американских интересов. Соединённым Штатам выгодно сохранять своё активное присутствие в организации. В отдельных случаях США высоко оценивают потенциал ГА ООН как «мирового парламента» и активно пользуются возможностями блокового голосования*.

В целом американской дипломатии свойственно гибкое балансирование между отсылкой к высоким основополагающим идеалам ООН и отстаиванием собственных интересов. С одной стороны, США подтверждают свою приверженность и поддержку ООН, но с другой – заявляют, что организация не является ключевым инструментом разрешения кризисных ситуаций. США не скрывают, что ориентируются в выборе инструментария обеспечения безопасности на ситуативный подход и в случае, если возможности НАТО более адекватны и подходяще условиям кризисной ситуации, они сделают выбор именно в пользу последней.

Советско-американские переговоры в рамках ООН

С точки зрения механизма принятия решений ООН фактически закрепила особый статус победителей во Второй мировой войне, сформировав Совбез согласно расстановке сил послевоенного времени. С самых первых дней существования ООН в ней отсутствовала гомоген-

ность интересов и ценностей, особенно среди «пятерки» постоянных членов СБ. Примечательно, что разногласия между странами-основательницами начались ещё до принятия Устава и официального начала работы ООН. США планировали использовать будущую организацию

* Например, когда Россия ветиовала в СБ проект резолюции США о нелегитимном характере референдума 2014 г. о статусе Крыма, проект был незамедлительно передан на рассмотрение в ГА ООН.

для давления на Советский Союз, что отражалось в навязывании заведомо неприемлемых для СССР предложений и оспаривании инициатив последнего.

Для СССР, и лично И. В. Сталина, принципиальным вопросом будущего формата создававшейся организации было равенство статусов государств – участников антигитлеровской коалиции и СССР как великой державы, внёсший решающий вклад в победу во Второй мировой войне. Позиция США начала меняться сразу после смерти Ф. Рузвельта, так как сменивший его Г. Трумэн проявлял к СССР настороженность и подозрительность. В частности, он не одобрял Ялтинские договорённости о принципах работы Совета Безопасности – единогласия великих держав и право вето, поэтому рассчитывал изменить ситуацию на конференции в Сан-Франциско (апрель–июнь 1945 г.). В итоге обеим делегациям пришлось в довольно тяжёлых условиях отстаивать собственное видение будущего формата работы ООН. Советская делегация во главе с А. А. Громыко выступала за безоговорочное закрепление за СБ функции регули-

рования всех важных проблем войны и мира. Американская и британская делегации настаивали на расширении прав Генассамблеи в ущерб Совету Безопасности*. В итоге принцип вето был сохранён и найдено компромиссное решение по вопросу полномочий ГА: она могла обсуждать любой вопрос, но без обязательности решений для государств – членов ООН.

Соперничество между США и СССР продолжилось и после того, как 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско делегаты 50 государств поставили свои подписи под Уставом ООН. 24 октября 1945 г. СССР стал 29-м государством, сдавшим ратификационную грамоту, что обеспечило необходимое количество ратификаций для вступления Устава ООН в силу. С первых дней работы организации США предпринимали усилия по укреплению своего влияния на организацию**, что не могло не вызывать контрреагирование со стороны СССР. В этой логике утверждение о постепенном превращении ООН в «точный барометр напряжённости между великими державами» как нельзя лучше отражает характер деятельности организации в то время [8, с. 53].

⁸ Гайдук И. В. В лабиринтах «холодной войны»: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М.: ИВИ РАН, 2012.

* Из предполагавшихся порядка 50 государств – членов ООН, первоначально участвующих в её работе, 20 приходились на страны Латинской Америки, чуть менее – на государства Западной Европы и Британского Содружества Наций, которые находились преимущественно в зоне влияния США. Кроме того, на конференции в Думбартон-Оксе (август–октябрь 1944 г.) США резко отреагировали и отклонили требование И. В. Сталина о том, чтобы все входящие в состав СССР республики были представлены в ООН. В итоге удалось согласовать предоставление места для Украинской ССР и Белорусской ССР с учётом особого вклада последних в борьбу против фашизма.

** Известный советский историк и дипломат В. М. Бережков сумел довольно точно описать настроения американского руководства: «Г. Трумэн рассчитывал, что США будут играть главную роль в Объединённых Нациях и во всём мире. И помочь ему в достижении этой цели должна была американская монополия на атомную бомбу. Поэтому мысли президента всё вновь и вновь улетали в Нью-Мексико, где было осуществлено первое испытание атомной бомбы» (Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1987. С. 591).

Если в конце 1945 – начале 1946 г. державы-победительницы опирались на потенциал сотрудничества, то буквально через несколько месяцев в их отношениях уже сквозила напряжённость из-за иранского кризиса. Вскоре обе сверхдержавы стали открыто использовать организацию как рычаг пропаганды и идеологического противостояния*.

У ООН не было реальных рычагов для блокирования конфронтации СССР и США. Несмотря на жёсткую блоковую конфронтацию, тем не менее они осознавали возможности сотрудничества в рамках ООН, которые определялись повесткой и в случае совместимости подходов – позитивным потенциалом. Поэтому когда сверхдержавы демонстрировали стремление к сотрудничеству, то это приносило ощутимые результаты по разрешению кризисных ситуаций.

«ООН доказала свою полезность как средство достижения компромисса, инструмент умиротворения и попросту служа местом, где государства могли дать выход своим эмоциям и довести до сведения других членов мирового сообщества свои требования и претензии» [8, с. 316].

Так, например, в рамках урегулирования Берлинского кризиса (1948–1949 гг.) Москве и Вашингтону было важно предотвратить перерастание кризиса в прямое военное столкновение, а также выиграть время для прояснения позиций сторон; обе сверхдержавы признали независимость Израиля и способствовали его принятию в ряды организации.

Отсутствие в ООН однородности позиций по ключевым сюжетам повестки и несовместимость национальных интересов государств-членов, принадлежащих к разным общественно-политическим и идеологическим системам, продемонстрировали развернувшиеся дебаты по правам человека, в частности, вокруг принятия Всеобщей декларации прав человека**. Несмотря на весомый вклад в разработку статей декларации, при голосовании в Генассамблеи СССР воздержался. Глава советской делегации А. Я. Вышинский в качестве основного аргумента выдвинул довольно формальную претензию – декларативный характер итогового документа. Однако накануне принятия декларации он заявил, что Советский Союз не сможет голосовать за её принятие, поскольку

* В 1946 г. в условиях атомной монополии США представили на рассмотрение созданной Генассамблеей Комиссии ООН по атомной энергетике «план Баруха» по развитию сотрудничества в области мирного использования атома. Среди прочего план предусматривал предоставление комиссии статуса центрального органа Агентства по атомным разработкам, с принятием решений большинством голосов, но без непосредственного подчинения Совбезу. Монопольное владение США атомным оружием не стыковывалось с планом СССР по созданию собственного ядерного потенциала, который в итоге не согласился со многими предложенными инициативами – иностранными инспекциями на советских ядерных объектах, форматом принятия решений комиссии и пр. Советский Союз заявил, что США и их союзникам невозможно доверять, и в противовес выдвинул идею отказать от использования атомной энергии в военных целях с подчинением Комиссии Совету Безопасности, а также предложил Соединённым Штатам уничтожить свои ядерные боеприпасы, что было заведомо неприемлемо. После одобрения американского проекта комиссией СССР ветировал его на уровне СБ. В итоге комиссия была подчинена Совбезу и в 1949 г. прекратила свою деятельность.

** С сентября по декабрь 1948 г. III Комитет ГА провёл 85 заседаний по согласованию проекта декларации, организовав в общей сложности 1400 голосований.

положения этого документа могут быть использованы для вмешательства во внутренние дела*.

Вскоре после принятия Декларации прав человека в виде резолюции ГА, которая в этом качестве не могла выступать как юридически обязательный документ, Комиссии по правам человека было поручено разработать единый пакт, включающий всю систему прав человека – помимо гражданских и политических также экономические, социальные, культурные. Международные пакты обсуждались и согласовывались в сложной обстановке на фоне обострения отношений между Советским Союзом и Соединёнными Штатами. На V сессии ГА был рассмотрен проект пакта, включавший только гражданские и политические права, против чего выступил СССР, настаивая на включении в проект экономические, социальные и культурные права. США полагали достаточным включить гражданские и политические права, так как экономические и социальные притязания не являются правами, подлежащими судебной защите. Примечательно, что в этом случае СССР с союзниками среди первых принял и ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г.

США подписали пакты в 1977 г., ратифицировали Международный пакт о гражданских и политических правах в 1992 г.**, но до сих пор не ратифицировали Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

В итоге США присоединились только к трём из девяти основных международных договоров по правам человека системы ООН: Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.), Международному пакту о гражданских и политических правах (1966 г.), Конвенции против пыток (1984 г.).

В годы холодной войны ООН приходилось по большей части выполнять функцию наблюдателя за «высокой политикой» и служить трибуной для битвы политических титанов. Но и этот формат оказался востребованным.

Так, например, во время Карибского кризиса 1962 г. именно Совбез и Секретариат ООН стали площадкой для обмена мнениями между США, СССР и Кубой.

На фоне нарастания циклов напряжённости в годы холодной войны советская сторона, как правило, никогда не шла на отказ от контактов с США, переводя по возможности диалог в русло неформальных контактов. В этом смысле ООН часто выступала «тихим каналом для дискуссий».

* Многие предложения советской делегации, отражающие позиции социалистического блока, не были учтены: право народов на самоопределение, защита национальных меньшинств, запрещение разжигания расовой и национальной вражды, запрещение фашистской идеологии и пропаганды войны.

** Согласно заявлениям властей США, поскольку права и основные свободы человека, закреплённые в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., издавна защищены конституцией и федеральными нормативными актами, принимать какие-либо меры имплементирующего характера для инкорпорации положений данного пакта во внутреннее законодательство США было признано нецелесообразным.

Несмотря на все обстоятельства холодной войны ООН оставалась единственной переговорной площадкой и оказывала со своей стороны всестороннюю поддержку для политических контактов между СССР и США по многим важнейшим международным сюжетам, в частности, нераспространению ОМУ и ограничению стратегических наступательных вооружений.

Так, например, Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 г.), положения которого согласовывались в течение двух лет в Женеве на сессиях Комитета по разоружению, убедительно иллюстрирует возможности советско-американского сотрудничества. Разработка и принятие Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) стало возможным во многом благодаря *ad hoc* единству позиций СССР и США в условиях понимания обеими сторонами бесперспективности всеобщего ядерного конфликта и одновременно невозможности создания многосторонних ядерных сил НАТО.

Однако уже с принятием следующего документа – Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия (КБТО) и об их уничтожении (1971 г.) – возникли сложности. КБТО стала первым международным договором о разоружении, запрещающим производство целой категории оружия массового уничтожения (ОМУ). Но протокол о контроле выработать так и не удалось. США, ратифицировав конвенцию, тем не менее отказались в 2001 г. от выработки юридически обязывающего протокола, содержащего элементы верификации.

Соответственно, отсутствие взаимного механизма проверок ограничило эффективность выполнения положений конвенции, в частности, со стороны США. Согласно заведомо неправильной интерпретации самой сути конвенции Вашингтон заявляет, что КБТО, запрещающая разработку биологического оружия, якобы не охватывает исследования в этой области.

СССР и США опасались вступать в прямое открытое противоборство, предпочитая решать разногласия на территории третьих стран (Дальнего Востока, Ближнего Востока, Центральной Азии) с опорой на НАТО и ОВД. Деколонизация 60-х годов в некотором роде размыла биполярность и монолитность блоковой системы. Страны третьего мира ловко разыгрывали карту американо-советских противоречий, добиваясь от них поочередно экономической и военной помощи. В условиях, когда сверхдержавы были не в состоянии безоговорочно навязывать свою политическую волю союзникам в рамках блока, они пытались использовать в этих целях ООН.

На протяжении всего существования Объединённых Наций СССР (а в дальнейшем Россия) и США не стеснялись прибегать к использованию вето для блокирования «неудобных» им резолюций [9]. Вплоть до начала разрядки 70-х годов вето превратилось чуть ли не в рутинный процесс.

С 1946 по 2018 г. всего его использовали 252 раза, причём 202 раза – в холодную войну, когда особые разногласия между СССР и США наблюдались при голосовании по ближневосточному и южноафриканскому урегулированию.

Советский Союз прибегал к вето 91 раз; США чуть меньше – 63.

⁹ UN Documentation Research Guide // URL: <https://research.un.org/en/docs/sc/quick>

СССР ветоировал резолюции особо активно в период с 1946 по 1970 г., в общей сложности 80 раз. Россия воспользовалась правом вето 22 раза с 1991 по 2018 г. Примечательно, что в 2015–2018 гг. оно применялось Россией столько же раз (11), сколько за предыдущие 25 лет, что объясняется сложностью переговоров вокруг сирийского урегулирования (9 раз из 11).

Случаи использования Россией вето могут быть классифицированы по следующим основаниям:

- для предотвращения вмешательства во внутренние дела российских партнёров;
- защиты собственных национальных интересов на постсоветском пространстве;
- сохранения независимости по политическим вопросам.

США за этот период использовали вето 18 раз, большая часть (10) пришлась на период 2000–2009 гг.

США традиционно блокируют проекты резолюций, содержащих критику Израиля и осуждение оккупации им арабских земель*.

Возможности и ограничения российско-американского диалога в ООН по урегулированию конфликтов и миротворчеству

После окончания холодной войны на фоне пошатнувшегося военно-стратегического равновесия США и Россия продолжили работу в формате ООН по ряду наиболее важных вопросов. Возможности для конструктивного диалога в 90-е годы были сведены к минимуму.

США приступили к лоббированию натоцентричной схемы по урегулированию сложных кризисных ситуаций, что, естественно, натолкнулось на более чем резкое неприятие со стороны России [10]. Высказывались мнения, что «легитимный механизм Совета Безопасности ООН, к которому в соответствии с международным правом справедливо апеллирует Россия, приобрёл формально-декоративное значение на фоне расширяющейся территориально и возрастающей функционально роли НАТО» [11].

Практически три десятилетия спустя после распада биполярности США и Россия вновь позиционируются в качестве непримиримых оппонентов. В своё время постоянный представитель России при ООН В.А. Небензя не раз высказывался за налаживание цивилизованных отношений с США. Тональность заявлений американской делегации отличается довольно высокой степенью категоричности.

По словам экс-полпреда США при ООН Н. Хейли, «Вашингтон не доверяет и никогда не будет доверять Москве. Россия никогда не станет другом для Соединённых Штатов».

При этом совместное взаимодействие России и США на площадке ООН по-прежнему сводится к большинству вопросов повестки дня. Наиболее весомое взаимодействие

¹⁰ Штоль В.В. Эволюция НАТО в реалиях глобализации. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004.

¹¹ Зуйков Р. Мировая система в начале XXI века: опыт реконцептуализации // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 2. С. 30.

* Так, например, 18 декабря 2017 г. в СБ состоялось голосование по проекту резолюции с осуждением признания Иерусалима столицей Израиля. В его поддержку выступили 14 членов СБ, против только США.

наблюдается в традиционных для великих держав сферах «высокой политики» и военно-политической безопасности: миротворчество, урегулирование региональных конфликтов, применение военной силы, разоружение и нераспространение ОМУ, борьба с терроризмом.

Важнейшим внешнеполитическим ресурсом для обоих государств выступает миротворчество, которое напрямую касается интересов России и США, поскольку связаны с обеспечением безопасности в государствах ближнего окружения и стратегически важных регионах мира. Однако российские и американские ценностные установки в данном вопросе разнятся.

Для США миротворчество сводится к защите индивидуальных прав и свобод, а также осуществлению «демократического транзита» страны после деэскалации конфликта для установления либерально-демократического режима.

Россия видит цель миротворчества в укреплении государственности в стране, с тем чтобы там был обеспечен закон и порядок, а также стаби-

лизировать ситуацию не только в стране, но и в регионе [12]. С российской точки зрения международное миротворчество всё чаще отходит от задачи беспристрастного прекращения конфликта и становится инструментом внешней политики крупных держав. В этом смысле Россия последовательно настаивает на деидеологизации политики миротворчества и отказывается признавать правомерность свержения правительств по политическим причинам в рамках миротворческих операций.

Национальные силы США представляются в распоряжении ООН в трёх случаях: действия в составе сил ООН, действия по поддержке сил ООН и действия по выполнению резолюций СБ ООН. Однако на практике используется четвёртый вид операций – военные вмешательства, несанкционированные СБ ООН, с опорой на НАТО или временные коалиционные силы. Россия в вопросах миротворчества работает преимущественно по двум трекам: участие в операциях в составе сил ООН* и в составе сил и совместно с региональными организациями.

¹² Братерский М.В. Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 157.

* Первый опыт участия СССР в миротворческих инициативах под эгидой ООН состоялся в 1973 г. в результате присоединения к структуре ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП). После распада Советского Союза Россия присоединилась к операциям по поддержанию мира, направив группу военных наблюдателей в качестве «голубых беретов» на границу между Ираком и Кувейтом (1991 г.), в Западную Сахару (1991 г.), Югославию, Камбоджу, Мозамбик (1992 г.), Руанду (1994 г.), Грузию (1994 г.), Анголу (1995 г.), Гватемалу (1997 г.), Сьерра-Леоне (1998 г.), Восточный Тимор (1999 г.), Демократическую Республику Конго (1999 г.). С 1992 г. Россия расширила формат своего участия, приступив к участию в миротворческих операциях «голубых касок». Российские миротворцы в виде военных контингентов, входящих в состав миротворческих сил ООН, действовали в Абхазии и Таджикистане по мандатам СНГ, в Молдавии и Южной Осетии на основе двусторонних соглашений, в Югославии. Порядок предоставления военных и гражданских специалистов для операций по поддержанию мира и безопасности определен в Федеральном законе от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ с поправками 2011, 2014 гг. Однако единый документ, регламентирующий миротворческую деятельность России, отсутствует, хотя подготовка концепции её участия в миротворческой деятельности началась в 2006 г.

По показателю участия и численности предоставления миротворцев для ООН оба государства демонстрируют более чем скромную динамику. Подобный подход в принципе отражает общий тренд развитых государств, предпочитающих иметь небольшое количество представителей (наблюдателей), но практически во всех критически важных для них миротворческих операциях.

США имеют всего 50 миротворцев в миссиях ООН, но более 10 тыс. чел. в операции НАТО в Афганистане*.

Россия тоже, по сути, отстранилась от массовых поставок миротворческих сил (МС) для ООН. Численность российских военных наблюдателей (военных экспертов) и гражданских полицейских, принимающих участие в операциях ООН, ничтожно мала. По количеству военных наблюдателей Россия находится на 7-м месте, а по количеству поставляемых контингентов – на 68-м.

В отличие от 122 стран, направляющих свои военные контингенты в состав Миротворческих сил ООН, Россия направляет только военных, несмотря на наличие собственных МС и боевую подготовку отдельной 15-й мотострелковой бригады по программе миротворчества [13]. Статистика по показателю присутствия российских миротворцев в рядах ООН разнится.

Самые последние данные указаны по состоянию на август 2018 г.: в девяти миссиях ООН находилось 75 российских миротворцев (33 полицейских, 37 военных наблюдателей, 5 офицеров штаба), задействованных преимущественно в африканских миссиях**.

В этой связи звучат мнения, что масштабы российского участия в миротворчестве ООН сегодня заметно ниже, чем могли бы быть у великой державы, претендующей на глобальную роль. Расширение масштабов участия российских миротворцев в большинстве проводимых операций позволит усилить мониторинг за международной миротворческой деятельностью, увеличить возможности влиять на решение кризисных ситуаций, получить **реальный миротворческий опыт**.

По показателю финансирования миротворческой деятельности пальма первенства традиционно принадлежит США.

Внос России в бюджеты миротворческих операций на 2018–2019 гг. составляет почти 4%, что позволяет ей занимать 7-ую позицию в топ-10. По сравнению с 2000–2010 гг. Россия улучшила данный показатель, так как тогда находилась лишь на 11–12-м месте [2].

Успех переговоров России и США по Контртеррористическому комитету (2001 г.) сложно повторить при урегулировании региональных кон-

¹³ Лавров С. В. Вклад России в миротворчество под флагом ООН // Независимое военное обозрение. 22 ноября 2018 г. // URL: http://nvo.ng.ru/realty/2018-11-22/1_1023_oon.html

* Поэтому это единственная западная страна, которая входит в топ-10 по численности миротворцев, хотя операции НАТО в Афганистане и Косово не имеют формального мандата ООН и в этой связи едва ли могут считаться классической миротворческой операцией.

** География и статистика российского миротворчества по военнослужащим следующая: Западная Сахара – 15 наблюдателей; Конго – 14 наблюдателей, 2 офицера штаба; Абьей (район) в Южном Судане – 1 наблюдатель; Южный Судан – 2 наблюдателя и 3 офицера штаба; Ближний Восток – 5 наблюдателей (Исаенко А. И. ООН: проверено, мин нет // Независимое военное обозрение. 21 сентября 2018 г. // URL: http://nvo.ng.ru/wars/2018-09-21/9_1014_un.html).

фликтов. Однако несмотря на беспрецедентно низкий уровень двусторонних отношений России и США и продолжающуюся демонстрацию недружелюбия в адрес друг друга, взаимодействие двух стран так или иначе коснулось большинства аспектов урегулирования конфликта в Сирии как по линии двустороннего диалога, так и в рамках ООН. В рамках СБ ООН в условиях непрекращающейся конфронтации между ключевыми сторонами тяжёлых во всех смыслах переговоров удалось согласовать ряд важных резолюций:

– уничтожение запасов химического оружия;

– введение и поддержание режима прекращения боевых действий;

– политические и гуманитарные вопросы;

– борьба с терроризмом.

Россия и США, благодаря совпадению интересов, продемонстрировали в 2013 г. потенциал эффективного *ad hoc* взаимодействия по стратегическому вопросу – уничтожению арсеналов химического оружия. Однако общий уровень российско-американской совместной работы на протяжении всего конфликта можно характеризовать скорее как опосредованное и ограниченное взаимодействие.

Реформа ООН: яблоко раздора?

Задача оперативного и грамотного решения текущих проблем Организации Объединённых Наций, создававшихся в условиях принципиально другого миропорядка, упирается в довольно деликатный для всех без исключения государств-членов вопрос реформирования всей разветвлённой и в этом смысле громоздкой сети организации. Некоторые проблемы уже стали хроническими и системными: расплывчатость бюджета, дублирование функций и компетенций многих подразделений и программ, организационно-структурное несоответствие и неадекватное представительство государств и регионов, в особенности «возвышающихся» держав, неэффективность реализации принятых решений. Драматичнее всего звучит кри-

тика о «пробуксовках» ООН в решении вопросов поддержания международного мира и безопасности.

Даже сторонники идеи глобального управления, позиционирующие ООН как верховный орган с наднациональным функционалом, признают, что организация сегодня отнюдь не так действенна, как это требуется. Особо настойчивые призывы к реформе раздаются с начала 2000-х годов, с одной стороны, критично настроенных, а с другой – «недопредставленных» стран. В своей аргументации новые региональные лидеры опираются на весьма высокие показатели своего непосредственного участия в урегулировании глобальных проблем, но при этом они не привлекаются к выработке решений*.

* Так, в топ-10 стран-плательщиков в регулярный бюджет ООН входят Япония (9,680%), Германия (6,389%), Бразилия (3,823%). По показателю взносов в миротворческий бюджет достаточно высокие показатели демонстрируют Япония (9,68%) и Германия (6,39%) [2].

Скептики реформаторских инициатив заявляют о безнадежности любых попыток реформы и предлагают сформировать альтернативные, оперативно действующие механизмы, которые были бы адекватны быстроменяющейся картине международных отношений. Оптимисты, наоборот, утверждают, что настало время реформы в духе «сейчас или никогда», но в то же время в условиях существования диаметрально разных её проектов призывают к осторожности и гибкости в решении такого стратегического вопроса, выдвигая разумный тезис о необходимости защитить систему от несбалансированного преобразования. Успех реформы ООН зависит от способности государств-членов договориться о мерах по повышению эффективности ключевых направлений работы, а также от позитивных изменений в структуре и методах работы органов. В этом смысле выделяются два ключевых трека реформы: структурно-функциональный и концептуальный. Несмотря на сложность и политическую ангажированность многих реформаторских проектов, определённые инициативы удаётся поэтапно и неспеша согласовывать, правда, не без направляющего влияния ведущих держав*.

В рядах политического истеблишмента и экспертного сообщества США наблюдаются разночте-

ния по вопросу реформы ООН. Есть те, кто всячески лоббирует реформу, пытаясь её возглавить, дабы максимально обеспечить собственные интересы. Есть те, кто занимает стороннюю наблюдательную позицию, предпочитая не стимулировать радикальные шаги в этом направлении. Однако и те и другие связывают реформу со строгой бюджетной дисциплиной и заявляют о необходимости реформирования использования финансовых и административно-технических средств.

В логике собственных приоритетов Вашингтон лоббирует меры по достижению прозрачности и отчётности в бюджетной сфере ООН, укреплению систем надзора и аудита, обнародованию информации о доходах чиновников. Было создано Бюро по вопросам этики (2005 г.), усовершенствован механизм расследований, модернизированы структуры информационных и коммуникационных технологий, назначен главный сотрудник по информационным технологиям.

При администрации Дж. Буш-мл. США сфокусировали внимание на административной реформе, направленной на улучшение качества ежедневной работы и финансового менеджмента ООН. Была запущена специальная программа проведения управленческих реформ фондов и программ «Инициатива по прозрачности и подотчётности ООН», которая

* Так, начиная с 2005 г. были начаты многие преобразования: создана Комиссия по миростроительству, которая в результате лоббирования США была передана под контроль Совбеза; создана Специальная рабочая группа по активизации деятельности ГА; инициирована ревизия неэффективных и дублирующих друг друга программ и инициатив; учреждён Фонд миростроительства; преобразована Комиссия по правам человека в соответствующий совет и пр.

продолжилась и при следующей администрации.

США предлагают пересмотреть действующую систему обязательных взносов, в соответствии с которой они обязаны платить 22% регулярного бюджета и 27% бюджета миротворческих операций, заменив её финансированием на добровольной основе.

Суть предлагаемой системы – позволить государствам финансировать в самостоятельно определяемом объёме только те программы, которые признаются ими как эффективные и необходимые. По мнению США, подобный «рыночный» принцип смог бы стать для всей системы в целом хорошим тестом на прочность. США, выражая недовольство по поводу возможностей блокирования решений ГА со стороны большинства менее развитых и менее участвующих в работе ООН стран, заинтересованы также в закреплении системы распределения голосов в ООН с ролью и уровнем работы государства в организации, а также с размером финансовых вложений.

Россия в целом занимает довольно консервативную позицию, поддерживая инициативу реформирования ООН при условии минимальных изменений, не затрагивающих привилегии постоянных членов. Общий подход российского руководства в этом вопросе заключается в обеспечении баланса критериев: реформа должна стать результатом широкого консенсуса

государств-членов при сохранении основополагающих принципов международно-правовой системы, в том числе прерогатив и прав Совбеза.

На протяжении длительного времени Россия призывала к реанимации деятельности вспомогательного органа Совбеза – Военно-штабного комитета (ВШК), который по своим функциям напоминает генеральный штаб любой армии мира*. Министр иностранных дел России С. В. Лавров не раз отмечал, что реформа ООН должна включать возрождение идеи ВШК, потому что ООН не должна постоянно перекладывать ответственность на региональные организации, в частности, НАТО и Африканский союз. Возрождение ВШК позволило бы всем желающим государствам принять широкое участие в обеспечении проведения военных миссий и могло бы значительно повысить эффективность силовых операций ООН, так как появился бы единый центр командования многонациональными войсками. Определённые сдвиги в практическом направлении данного вопроса уже ощутимы (военные советники были задействованы в операциях на Гаити и в Мали).

Отдельным пунктом повестки реформы ООН стоит вопрос работы Совета Безопасности.

В 1993 г. была образована Рабочая группа открытого состава по обсуждению реформы СБ ООН, которая вплоть до настоящего времени не смогла прийти к консенсусу ни по одному из предложен-

* 6 августа 2010 г. Россия созвала открытое заседание Совбеза по проблематике миротворчества, в котором приняли участие командующие военными контингентами большинства операций ООН по поддержанию мира.

ных проектов расширения Совбеза*. К тому же представленные проекты не получили достаточной поддержки большинства государств-членов**.

Россия отвергает масштабное расширение Совбеза, что, по её мнению, грозит потерей дееспособности ООН и способно подорвать её центральную роль. Пример Лиги Наций доказывает необходимость сохранения вето. Предоставление вето новым членам также рискованно хаотичным использованием, как и его аннулирование. В этом смысле особый статус в СБ является весомой гарантией для блокирования рискованных инициатив. Как отмечает С. В. Лавров, суть работы СБ ООН состоит не в том, чтобы обеспечивать полное единомыслие между его членами – в сегодняшнем полном противоречий мире это просто невозможно, – а в том, чтобы вырабатывать сбалансированные решения, учитывающие взаимные интересы [14].

Россия проявляет известную долю гибкости, поддержав, например, в 2014 г. кандидатуру Индии как возможного кандидата на включение в состав Совбеза. Наиболее

перспективными для российских интересов являются также кандидатуры ФРГ и Бразилии.

Более определённую позицию Россия занимает по вопросу расширения количества непостоянных членов до 20. Кроме того, российская делегация высказывается за демократизацию формирования кадрового состава Секретариата, настаивая на ротации высших постов и старших управленческих должностей в важных департаментах, которые преимущественно занимают представители США, Франции и Великобритании.

США долгое время воздерживались от каких-либо однозначных заявлений по вопросу структурной реформы Совбеза, признавая лишь, что сегодняшний СБ логически должен отличаться от Совета, созданного в 1945 г., и что проводимые реформы не должны вредить его эффективности и производительности. В целом США, исходя из собственных приоритетов, не возражают против увеличения состава на два постоянных и два-три непостоянных члена. Вашингтон осознаёт, что резкое и существенное увеличение численного со-

¹⁴ Лавров С. В. Сделать мир более стабильным и безопасным // Международная жизнь. 2015. № 10 // URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1380>

* В 2005 г. расширение числа постоянных членов Совбеза до 25 членов было предложено «Группой четырёх» (Германия, Япония, Индия и Бразилия), наиболее очевидными кандидатами на статус постоянных членов. Десять дополнительных мест предлагалось создать за счёт шести постоянных мест (по два для Азии, Африки и по одному для Латинской Америки и Западной Европы) и четырёх непостоянных. При этом право вето оставалось бы неприкосновенным в течение ещё 15 лет. Другая группа стран «объединившихся ради консенсуса» (Италия, Испания, Скандинавские страны, Канада, Аргентина, Мексика, Южная Корея, целый ряд стран Азии и Латинской Америки) выступили категорически против предложенного проекта и выдвинули «промежуточную» модель субрегионального представительства расширения численного состава СБ до 25 членов за счёт числа непостоянных (на 10) с удлинённым сроком пребывания в этом органе и возможностью немедленного переизбрания. По вопросу использования права вето группа «объединившихся ради консенсуса» призвала постоянных членов к «проявлению сдержанности».

** Резолюция ГА от 23 ноября 1998 г. закрепила тезис о важности достижения общего широкого согласия по вопросу состава «обновлённого» СБ и запретила принимать любые решения, связанные с вопросом представительства в Совбезе, без одобрения 2/3 голосов ГА.

става Совбеза усложнит продвижение внешнеполитических инициатив.

В 2005 г. США предложили следующие критерии членства в СБ:

- масштабы национальной экономики;

- численность населения;

- военная мощь;

- приверженность демократии и правам человека;

- возможности участия вооружённых сил страны в миссиях ООН по поддержанию мира;

- финансовый вклад в систему ООН и поддержание мира;

- деятельность в борьбе с терроризмом и распространением оружия массового поражения [15].

Однако данный список не был принят в качестве основы для единого подхода государств-членов. США не поддержали инициативу «Группы четырёх», выразив на тот момент мнение, что лишь Япония из

всего списка является «хорошо подготовленным» кандидатом. Однако в 2010 г. Вашингтон заявил, что также видит и Индию в качестве постоянного члена реформированного состава Совбеза. Близка к российской и американская позиция, что расширение СБ, которое бы изменило настоящую ситуацию с правом использования вето, недопустимо. В случае предоставления новым членам права вето, Совбез рискует стать заложником ещё больших противоречий из-за внутренних разногласий его членов и превратиться в нерабочий орган.

В целом подход России к реформе ООН сегодня можно характеризовать как умеренно-реформаторский, хотя ещё некоторое время назад он отличался явным критическим характером. США придерживаются преимущественно радикально-реформаторских взглядов.

На сегодняшний день ООН остаётся единственной действующей многосторонней площадкой обсуждения и принятия важнейших решений. Однако хаотизация и турбулентность международных отношений нивелируют многие её успехи. Политический истеблишмент разучился по достоинству ценить те достижения, которые достигла в своём развитии ООН. Отсутствие с 1945 г. глобальной войны, которая в условиях прогрессивного развития перестала ассоциироваться с реальной угрозой и переросла в «привычку к миру», – это в том числе часть большой заслуги ООН.

Утопически верить в безгрешность и всемогущество ООН наивно, так же как наивно воспринимать ООН в качестве панацеи от всех мировых бедствий и катаклизмов.

В этом смысле назначение организации может быть описано высказыванием второго в истории организации Генерального секретаря Д. Хаммаршёльда, который пытался донести до мировой общественности мысль, что ООН создавалась не для того, чтобы привести человечество в рай, а для того, чтобы спасти его от ада.

¹⁵ U.S. Priorities for a Stronger, More Effective United Nations. Bureau of Public Affairs, Washington, DC, September 8, 2005 // URL: <http://www.state.gov/r/pa/scp/2005/52982.htm>

Объективно альтернативы ООН с точки зрения комплексности и охвата повестки не существует, что во многом связано с фактором глобальной ответственности, который и является следствием неутешительных результатов многих мероприятий и программ. По сути, ООН никогда не была инструментом глобального управления. Вместе с тем Совет Безопасности неукоснительно выполняет функции глобального регулирования в военно-политической сфере для предотвращения большой войны. И его эффективность как институциональной основы регулирования международных отношений сегодня несколько выше, чем в предыдущие годы.

Очевидно, реформа нужна не только Совбезу, но и всей системе Объединённых Наций. Международное сообщество в целом разделяет посыл о необходимости продуманной, поэтапной и согласованной реформы. Столь масштабная организация просто не может функционировать в законсервированном виде без обновлений и внутренней реорганизации. При дальнейшем игнорировании этой задачи не исключён сценарий укрепления роли региональных объединений «по интересам». Однако такая конфигурация вряд ли будет способна поддерживать существование единых для всех стран мира правил и этических норм межгосударственного общения, и поэтому она окажется наиболее опасной – фактически вернёт международное сообщество на довестфальский уровень развития [16].

Опираясь на сформировавшуюся динамику подходов России и США по отношению к ООН, можно предположить развитие ситуации по нескольким сценариям.

Очевидно, что **США** продолжают в критической и местами циничной манере оценивать работу ООН и настаивать на её реформе, однако сценарии могут различаться:

- при сохранении довольно жёсткой риторики в адрес ООН с указанием необходимости проведения безотлагательной и комплексной реформы, в реальности Вашингтон будет склоняться к умеренному варианту;
- США будут лоббировать радикально-реформаторский вариант, максимально соответствующий собственным интересам.

Более вероятным выглядит первый сценарий. ООН является жизненно важным партнёром США, их интересы совпадают гораздо больше, чем принято об этом думать. США вряд ли могут себе позволить всерьёз дистанцироваться от работы в ООН и тем более вывести её из сферы своих национальных интересов. Однако общая тональность американского дискурса о неадекватности и непригодности ООН косвенно усугубляет «моральную делигитимацию» в глазах широкой международной общественности. В случае если темпы и формат реформы не будут соответствовать реальным ожиданиям США, они вновь могут пойти на сокращение финансирования и участия в наиболее востребованных программах. Кроме того, при возникнове-

¹⁶ Барabanов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я. [и др.]. Жизнь в осыпающемся мире. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Октябрь 2018 // URL: ru.valdaiclub.com/files/22596/

нии острых ситуаций несогласия США всегда оставляют за собой право действовать по-своему.

Россия по-прежнему неукоснительно и твёрдо защищает основы и дух ООН. Однако в условиях изменения международно-политического ландшафта и необходимости гибкого балансирования российская внешнеполитическая стратегия в отношении ООН может варьироваться вокруг нескольких опций:

- Россия продолжит придерживаться умеренно-реформаторской позиции, с осторожностью поддерживая инициативы по линии концептуальных вопросов и по возможности избегая дискуссий вокруг структурных преобразований;

- в случае чрезмерного лоббирования реформы ООН и её главного органа – Совбеза – преобладающим большинством государств-членов Москва может полностью абстрагироваться, вернувшись к консервативной позиции;

- в случае жёсткого продвижения радикального варианта реформы в интересах России активизировать свои собственные инициативы и подходы, чтобы перехватить инициативу и поддержать выгодный ей баланс интересов.

Последовательно противодействуя любым односторонним акциям в ущерб ООН, для России важно не выходить за рамки «конструктивной критики» и избегать открытой конфронтации. Дипломатический диалог даже с самыми трудными партнёрами как раз то, что отличает дипломатию России в ООН.

Библиография • References

Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я. [и др.]. Жизнь в осыпающемся мире. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Октябрь 2018 // URL: ru.valdaiclub.com/files/22596/

[Barabanov O., Bordachyov T., Lisovolik YA. [i dr.]. Zhizn' v osypayushchemsya mire. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj». Oktyabr' 2018 // URL: ru.valdaiclub.com/files/22596/]

Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1987. – 616 с.

[Berezhkov V. M. Stranicy diplomaticheskoy istorii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1987. – 616 s.]

Братерский М. В. Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 157–170.

[Braterskij M. V. Rossiya i mirotvorcheskie operacii: konceptual'nye i prakticheskie sostavlyayushchie rossijskoj politiki // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2018. T. 13. № 1. S. 157–170]

Гайдук И. В. В лабиринтах «холодной войны»: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М.: ИВИ РАН, 2012. – 340 с.

[Gajduk I. V. V labirintah «holodnoj vojny»: SSSR i SSHA v OON, 1945–1965 gg. M.: IVI RAN, 2012. – 340 s.]

Зуйков Р. Мировая система в начале XXI века: опыт реконцептуализации // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 2. С. 20–36.

[Zujkov R. Mirovaya sistema v nachale XXI veka: opyt rekonceptualizacii // Mezhdunarodnye processy. 2013. T. 11. № 2. S. 20–36]

- Исаенко А.И.* ООН: проверено, мин нет // Независимое военное обозрение. 21 сентября 2018 г. // URL: http://nvo.ng.ru/wars/2018-09-21/9_1014_un.html
- [*Isaenko A.I.* OON: provereno, min net // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 21 sentyabrya 2018 g. // URL: http://nvo.ng.ru/wars/2018-09-21/9_1014_un.html]
- Лавров С.В.* Вклад России в миротворчество под флагом ООН // Независимое военное обозрение. 22 ноября 2018 г. // URL: http://nvo.ng.ru/realty/2018-11-22/1_1023_oon.html
- [*Lavrov S.V.* Vklad Rossii v mirotvorchestvo pod flagom OON // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 22 noyabrya 2018 g. // URL: http://nvo.ng.ru/realty/2018-11-22/1_1023_oon.html]
- Лавров С.В.* Сделать мир более стабильным и безопасным // Международная жизнь. 2015. № 10 // URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1380>
- [*Lavrov S.V.* Sdelat' mir bolee stabil'nyim i bezopasnym // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2015. № 10 // URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1380>]
- Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/>
- [*Ukaz Prezidenta RF* ot 30 noyabrya 2016 g. № 640 «Ob utverzhenii Konceptii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/>]
- Штоль В.В.* Россия: многообразие цивилизаций и собственная цивилизационная проектность // Обозреватель – Observer. 2011. № 6. С. 17–32.
- [*Shtol' V. V.* Rossiya: mnogoobrazie civilizacij i sobstvennaya civilizacionnaya proektnost' // Obozrevatel' – Observer. 2011. № 6. S. 17–32]
- Штоль В.В.* Эволюция НАТО в реалиях глобализации. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004.– 382 с.
- [*Shtol' V. V.* Evolyuciya NATO v realiyah globalizacii. Dis. ... d-ra polit. nauk. M., 2004.– 382 s.]
- Lynch C.* White House Seeks to Cut Billions in Funding for United Nations // Foreign Policy. 2017. 13 March // URL: <https://foreignpolicy.com/2017/03/13/white-house-seeks-to-cut-billions-in-funding-for-united-nations/>
- Mouynihan D.* A Dangerous Place. Little Brown & Company. MA, 1978.– 297 p.
- Perle R.* Thank God for the Death of the UN // The Gardian. 2003. 21 March // URL: <https://www.theguardian.com/politics/2003/mar/21/foreignpolicy.iraq1>
- State Department's Quadrennial Diplomacy and Development Review. U. S. Department of State. Leading Through Civilian Power: The First Quadrennial Diplomacy and Development Review, 2010.– 242 p.
- The Report to the Congress on Voting Practices in the United Nations // URL: <https://www.state.gov/voting-practices-in-the-united-nations/>
- UN Documentation Research Guide // URL: <https://research.un.org/en/docs/sc/quick>
- <http://www.mid.ru/finansirovanie-oon>
- <http://www.mid.ru/finansirovanie-oon>

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2019 г.

Необходимость корректировки стратегии национальной безопасности России

Владимир НАЗАРОВ
Алексей ПОДБЕРЁЗКИН
Ольга ПОДБЕРЁЗКИНА

Национальные интересы России определяют содержание и сущность государственной политики Российской Федерации в социально-экономическом развитии и обеспечении национальной безопасности.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, принятая Указом Президента России в 2015 г. как основа для стратегического планирования, устарела и требует серьёзной корректировки.

Прежде всего из-за изменившихся внешних условий развития страны, которые радикально ухудшились после принятия Стратегии в 2015 г. Но не только.

В основе любой стратегии лежат достаточно объективные интересы. Поэтому анализ и формирование стратегии начинается с анализа и оценки национальных интересов. Очевидно, что на основе национальных интересов формируются национальные цели и задачи стратегии, но только после того,

НАЗАРОВ Владимир Павлович – кандидат политических наук, докторант кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России. *E-mail:* vipalych@mail.ru

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, директор Центра военно-политических исследований, академик Академии военных наук. *E-mail:* podberezkin@gmail.com

ПОДБЕРЁЗКИНА Ольга Алексеевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института международных исследований МГИМО(У) МИД России. *E-mail:* podberezkina.olga@yandex.ru

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, «жёстка сила», «мягкая сила», военно-силовой сценарий.

как произойдёт адекватная оценка внешних и внутренних условий существования нации, государства и общества. Сама по себе интерпретация интересов без учёта внешних и внутренних условий существования субъекта, а тем более перспектив его развития – пустая абстракция, в лучшем случае формальная логическая модель, которая имеет мало общего с действительностью [1].

При формировании стратегии национальной безопасности необходимо объективно и точно анализировать и давать оценку как внешним условиям (прежде всего опасностям и угрозам), так и внутреннему состоянию того или иного субъекта международных отношений (МО).

К сожалению, это далеко не всегда происходит в практике российских специалистов, которые, например в Концепции социально-экономического развития России (март 2008 г.), вообще не учли ни одного внешнего фактора, а позже стали учитывать только стоимость углеводородов. Оторванность от учёта внешних условий разработчиков программ социально-экономического развития России, особенно в отсутствие целостной стратегии, приводила и будет приводить каждый раз их создателей к провалу.

Следующий аспект – анализ национальных интересов. Интересы – сами по себе – достаточно объективное понятие, но их понимание может быть очень разным, порой крайне субъективным. Большинство российского общества и даже революционеров в 1914–1915 гг., например, стремилось к победе над Германией и её союзниками, но большевики, как известно, объявили о необходимости поражения в этой войне своего правительства.

В 90-е годы прошлого века между различными социальными группами (условно «демократами» и «государственниками») произошло радикальное разделение в понимании национальных интересов. Более того, либералы отрицали даже само определение «национальный» или «государственный интерес», отдавая приоритет интересам «демократии», «общечеловеческим» и пр.

Таким образом, объективно существуют разные интересы. И не только разные национальные интересы в той или иной интерпретации: они делятся на национальные, социальные, групповые и личные, а также политические, экономические, военные и пр., но также на долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные и т. д., которые (в разных условиях и в разное время) для разных социальных групп выглядят по-разному.

Поэтому важна последовательность анализа: если говорить о совпадении большинства интересов общества и правящей элиты (что бывает крайне редко), то надо отметить, что именно точная и объективная оценка правящей элитой состояния МО или военно-политической обстановки (ВПО) является третьим, не менее важным этапом в анализе внешних условий развития государства после анализа состояния субъекта

¹ Назаров В., Подберёзкин А., Подберёзкина О. Современная эффективная стратегия провидения России // Обозреватель-Observer. 2019. № 11.

ектов, формирующих МО и ВПО, и отношений между ними [2].

Таким образом, алгоритм анализа, на котором должна строиться Стратегия национальной безопасности, таков:

- анализ состояния основных субъектов и тенденций, формирующих МО и ВПО, глубина которого зависит от имеющихся материальных и иных ресурсов;

- анализ отношений между этими субъектами, акторами и тенденциями, формирующими МО и ВПО;

- анализ и оценка МО и ВПО как систем, составляющих внешний фон условий существования того или иного субъекта.

Это обстоятельство, однако, нередко недооценивается в России, в отличие от подготовки и принятия решений в США, где собственно оценке ситуации (состояния МО и ВПО) уделяется огромное внимание и, как правило, сопровождается масштабной дискуссией.

В США, например, такая взвешенная и выверенная (с позиций доминирующей части правящей элиты) оценка была сделана администрацией Д. Трампа в 2017–2019 гг., которая с точки зрения анализа МО и ВПО не отличалась радикально от оценки администрации Б. Обамы: подобная завидная преемственность – характерная черта внешней и военной политики этой страны.

В публикациях средств массовой информации конфликт Д. Трампа и «демократической» части правящей элиты иногда рассматривается как

фундаментальный, в том числе и по отношению к России. Более того, часть российских СМИ и элиты в 2017–2019 гг. пыталась интерпретировать внутреннюю склоку как принципиально разные курсы по отношению к России, что, естественно, не соответствовало реалиям. В частности, долгосрочный характер внешней угрозы от «ревизионистских» государств (Китай, России, Ирана и КНДР; к последним двум при Д. Трампе был использован термин «жюльнический» – *rogue*) был отмечен не раз и до прихода к власти Д. Трампа, но при нынешнем президенте у политики основных врагов США были найдены свои отличительные особенности [3].

Следует признать, что оценки политического, и особенно военного, состояния государств в мире правящими элитами и экспертным сообществом всегда субъективны и находятся под сильным влиянием групповых и личных интересов, – вопрос в том, насколько они субъективны. Иногда эти субъективные оценки недооценивают свою мощь или переоценивают мощь противника (что одинаково опасно), но ещё хуже, когда подобные оценки не соответствуют объективным реалиям, радикально искажая состояние МО и ВПО. Именно так произошло, например, при М. Горбачёве, когда правящая элита СССР принципиально ошиблась в оценке и перспективах развития МО. К сожалению, ошибки повторялись и позже. Вот лишь некоторые из них:

² Махонин В. А. К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль. 2011. № 4.

³ Summary of 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Wash., 2018. P. 1–2.

– принципиальная ошибка в оценке состояния и перспектив развития отношений СССР и Запада, прежде всего США, которую назвали «романтической ошибкой», хотя она имела фатальный, драматический характер для миллионов граждан не только в СССР, но и других стран;

– грубейшая оценка состояния будущей ВПО с точки зрения перспектив развития Организации Варшавского договора (ОВД) и расширения НАТО, а также последствий вывода войск из Афганистана, Германии, Польши и Венгрии;

– оценка ВПО на Северном Кавказе в 1994 и 1996 гг.;

– оценка ВПО в Грузии в 2008 г.;

– оценка ВПО в Ливии и Ираке;

– оценка МО и ВПО в 2013–2014 гг. на Украине и др.

За подобные грубые политические просчёты пока никто не понёс никакой ответственности – ни политической, ни личной, ни уголовной, что уже само по себе может поощрять легковесное отношение к ошибкам и стратегическому анализу и планированию. Неучёт или искажение факторов МО и ВПО весьма негативно сказывается на сценарии развития событий и состоянии национальной безопасности, ведёт к крупным потерям внутри страны и на международной арене.

Субъективные политические оценки не могут быть компенсированы усилиями в других областях, например, военном строительстве, военном планировании и военном искусстве; надо иметь в виду, что экономические и финансовые, как и иные количественные материальные критерии, не являются окончательными и даже важнейшими в оценке ВПО и соотношения сил между враждебными сто-

ронами. Многочисленные попытки сделать их таковыми, как показала практика, нередко приводили к просчётам [1]. Количественные критерии и показатели военных потенциалов отвечают более или менее точно на вопросы: сколько, когда, какого качества, но не на вопросы зачем и почему. Кстати, именно так они сформулированы в базовом документе Минобороны США под названием «Национальная военная стратегия» [3].

Оbjectивность оценки состояния МО и ВПО, а также соотношения сил, лежащих в основе эффективной национальной стратегии, во многом зависят от наличия у государства и общества эффективных институтов развития национального человеческого капитала (НЧК) – государственных и общественных, которые приближают субъективные оценки к объективным реалиям. Эта необходимость всё чаще признаётся военно-политическим руководством России, которое в последнее десятилетие стало привлекать к анализу состояния ВПО самые разные государственные институты и даже отдельных экспертов, а не только структуры Министерства обороны и Генштаба России. Надо признать, что порой это ведёт к естественным противоречиям в подходах к стратегии национальной безопасности, которые чаще всего выглядят как противоречия между «либералами-западниками» (отрицающими фактически внешние опасности и угрозы для России) и «государственниками» (искренне пытающимися учесть максимально все опасности и угрозы).

По мере усиления значения НЧК в экономике и военно-политической

области особенно заметным становится политическая и военная роль институтов развития НЧК в качестве силовых инструментов политики – как «жесткой», так и «мягкой силы». Значение этих институтов развития НЧК до настоящего времени по достоинству до конца не оценено.

Таким образом, произошедшие в «переходный период» 2014–2019 гг. изменения в МО и ВПО в мире неизбежно оказывают большое влияние на национальную стратегию любого государства, причём сила этого влияния варьируется от абсолютной, когда изменения ведут к качественным социально-политическим и экономическим изменениям субъекта МО (как правило, в результате военных действий или коренного изменения в системе МО – ВПО), до незначительной, а порой и незаметной, второстепенной, когда страна проводит изоляционистскую политику [1]. К сожалению, принятая в декабре 2015 г. Стратегия национальной безопасности не везде и не всегда учла эти изменения. В оценках и прогнозах сохранились тенденции «тучных лет».

Кроме того, такой выбор формально могут сделать только те государственные органы, которые имеют на это право. В политической системе России это: президент, правительство и Федеральное собрание РФ. «Общество» фактически дистанцировано от него, хотя косвенно и может оказывать некоторое влияние. Ещё меньшее влияние оказывают экспертные и научные круги, которые в лучшем случае могут только донести до лиц, принимающих решения, свою точку зрения в какой-то форме [4].

Таким образом, эта адекватная оценка, этот выбор (как реакция на изменение внешних условий) в реальности представляет собой некое формальное решение, принимаемое уполномоченными органами. Такие решения были приняты уже в 2018 г. президентом В. В. Путиным (май 2018 г.), правительством страны (в сентябре того же года в соответствующем постановлении) и Федеральным собранием, которое поддержало политический курс президента на развитие человеческого капитала и экономики страны, которые несколько восполнили отсутствие стратегии социально-экономического развития и, следовательно, стратегического целеуказания в этой важнейшей области. Но эти решения не отражали уже существовавших в то время реалий, повторяя, по сути, содержание Стратегии, утверждённой в 2015 г.: ни новых оценок ВПО, ни мобилизационных программ, ни ускорения социально-экономического и научно-технологического развития не произошло. Экономика, как и прежде, находится в состоянии стагнации, темпы роста ВВП не достигают 2% (по сравнению с темпами роста в 4% огромной экономики США), демографический кризис и научно-технологическое отставание остаются.

После 2018 г. наметился переход от стратегического отступления к попыткам активных контрнаступательных действий не только на Украине и в Сирии, но и в отношении средств силового невоенного назначения Запада. Главный акцент – экономические санкции и подрыв энергети-

⁴ Подберёзкин А. И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.) // Обозреватель–Observer. 2019. № 4, 5.

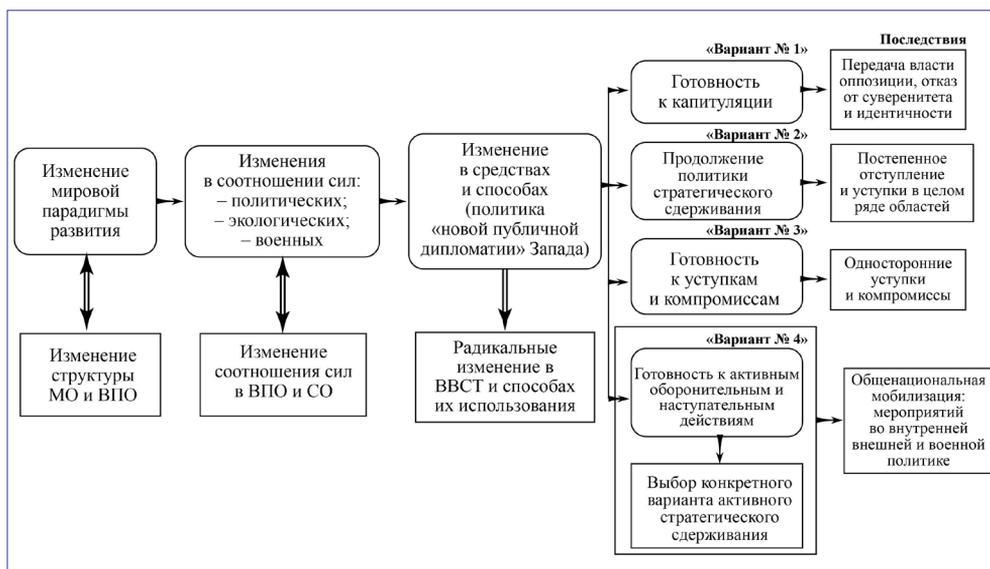

Рис. Выбор стратегии России как ответ на действия западной коалиции [1]

ческой политики России – оказался не вполне эффективным: «Южный» и «Северный», как и «Восточный («Сила Сибири»)» потоки показали способность России к сопротивлению, а фактическое уничтожение ИГИЛ* в Сирии – способность к военным акциям на ограниченном ТВД.

Судя по всему, вызревает новая Стратегия. Данное решение базировалось в целом на достаточной адекватной оценке действительности, существовавшей до недавнего времени, но, вероятно, уже устаревшей сегодня. В самом общем виде она представлена на рис.

При этом до последнего времени (до конца 2019 г.) эволюция национальной стратегии России развивалась по «Варианту № 2» («Продолже-

ние политики стратегического сдерживания»), предполагающему на практике широкое стратегическое отступление России на основных направлениях:

- политико-идеологическом (реакция на усиливающиеся политические и идеологические провокации, не предполагающая активных действий);
- ответные шаги (контрсанкции) в финансово-экономической области;
- отказ от идеологического лидерства и попыток перехватить инициативу в когнитивно-идеологической области;
- ухудшение социально-экономического и внутривнутриполитического положения России [5].

События 2014–2019 гг. (политика санкций и угроз, откровенного инфор-

⁵ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>

* Деятельность ИГИЛ законодательно запрещена на территории Российской Федерации.

мационно-когнитивного давления на правящую элиту России) постепенно приводят к осознанию необходимости перехода от «Варианта № 2» к «Варианту № 4» [4] – к политике активного противодействия агрессивной антироссийской линии. Но этот переход, начавшийся в 2018–2019 гг., пока не оформлен в целостную стратегию [4].

Именно в эти годы противоречия стремительно перерастали в открытое политико-информационное или политико-дипломатическое противоборство. Успех или неудачи в таком противоборстве обеспечивались прежде всего наличием и использованием невоенных инструментов силовой политики, которые входят традиционно в перечень сил и средств так называемой политики «мягкой силы» [6].

С точки зрения применения всего комплекса силовых инструментов политики – «жёсткой» и «мягкой силы» – наступил новый период, который применительно к России можно определить как период с 2014 г. по настоящее время [7]. Окончательно переход к системному использованию всего спектра силовых инструментов, по всей видимости, совершится позднее, возможно, к 2024–2025 гг., т. е. к ожидаемому пику развития эскалации военно-силового сценария ВПО. Но уже в 2019 г. ощущаются симптомы данного сценария.

Эта ситуация требует особой ответственности и внимания к разработке новой редакции Стратегии национальной безопасности России. Помимо адекватных, реалистичных оценок МО и МПО этот документ дол-

жен содержать ясные и конкретные задачи обеспечения национальной безопасности, в первую очередь по периметру наших границ. Следует уточнить стратегические национальные приоритеты, ранжировав их по степени важности с точки зрения сегодняшних и перспективных задач обеспечения национальной безопасности. По приоритету в обороне страны следовало бы выделить такие задачи, как: развитие ракетных войск стратегического назначения (РВСН), высокоточного оружия, средств связи, управления и разведки, повышения мобильности, боеготовности и мобилизационного развёртывания вооружённых сил. Самого серьёзного внимания требует проработка целей, задач и мер по приоритетам «экономический рост» и «качество жизни».

Принципиально важно отрегулировать в Стратегии вопросы реализации стратегических национальных приоритетов. Именно по ним, а также по национальным проектам должны выстраиваться государственные программы. Только в этом случае госпрограммы могут стать действительно работающим правовым и операционным инструментом руководства страны, прежде всего в части координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и государственных компаний по достижению стратегических национальных приоритетов. Последовательное соблюдение этого принципа позволит решить сразу несколько важных задач:

– гарантировать соблюдение принципа единства, взаимосвязи и взаимозависимости задач развития

⁶ Подберёзкин А. И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018.

⁷ Штоль В. В. Эволюция НАТО в реалиях глобализации. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004.

и национальной безопасности, согласно которому цель политики в области обеспечения национальной безопасности состоит в создании благоприятных условий для устойчивого социально-экономического развития страны («безопасность через устойчивое развитие») в условиях вызовов, рисков и угроз;

- обеспечить непосредственную связь стратегических национальных приоритетов с финансированием и бюджетным процессом;

- повысить эффективность корректировки задач обеспечения национальной безопасности и ранжирования приоритетов в зависимости от изменения МО и ВПО, а следовательно, качество всего государственного управления;

- оптимизировать систему документов стратегического планирования, сделав её стройной и единообразной, поскольку каждый приоритет имел бы одинаковый набор документов, включающий прогноз, документ стратегического целеполагания – стратегию или доктрину, а также программно-плановый документ в виде государственной программы, которая по отдельным крупным направлениям могла бы иметь подпрограммы;

- обеспечить единое руководство системой стратегического планирования в Российской Федерации в лице президента, который утверждает документы целеуказания по стратегическим национальным приоритетам (стратегии и доктрины, а также основы госполитики по отдельным важным направлениям),

при соблюдении правовых норм о разграничении полномочий [8] органов государственной власти, когда правительство Российской Федерации отвечает за подготовку прогнозных документов, формирует и обеспечивает выполнение госпрограмм.

Также Стратегия должна установить принцип персональной ответственности за реализацию каждого стратегического национального приоритета за счёт установления головного ведомства или должностного лица с наделением его соответствующими координирующими полномочиями. Эти полномочия могут реализовываться в рамках государственных комиссий или комитетов, например, по образцу Национального антитеррористического комитета России.

Как представляется, данный момент очень благоприятствует совершенствованию стратегического планирования и стратегического управления в России, поскольку сегодня ведётся работа над Основами стратегического планирования в Российской Федерации, а в 2020 г. предстоит очередная корректировка Стратегии национальной безопасности.

Хотелось бы верить, что в условиях усиливающегося внешнего враждебного давления на страну и нарастающих трудностей в экономической и социальной сферах эта работа будет способствовать консолидации российской правящей элиты для решения задач стратегического развития и обеспечения национальной безопасности, отвечающих национальным интересам России.

⁸ Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» (с изм. и доп.) // URL: <http://base.garant.ru/186093/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/#ixzz67JyLHfFn>

Библиография • References

- Махонин В. А. К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль. 2011. № 4. С. 3–10.
 [Махонин В. А. К вопросу о понятии «военно-politicheskaya obstanovka» // Voennaya mysl'. 2011. № 4. S. 3–10]
- Назаров В., Подберёзкин А., Подберёзкина О. Современная эффективная стратегия противоборства России // Обозреватель–Observer. 2019. № 11. С. 5–26.
 [Nazarov V., Podberyozkin A., Podberyozkina O. Sovremennaya effektivnaya strategiya protivoborstva Rossii // Obozrevatel'–Observer. 2019. № 11. S. 5–26]
- Подберёзкин А. И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.) // Обозреватель–Observer. 2019. № 4. С. 5–20.
 [Podberyozkin A. I. «Perekhodnyj period» razvitiya voenno-silovoj paradigmy (2019–2025 gg.) // Obozrevatel'–Observer. 2019. № 4. S. 5–20]
- Подберёзкин А. И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.) // Обозреватель–Observer. 2019. № 5. С. 5–26.
 [Podberyozkin A. I. «Perekhodnyj period» razvitiya voenno-silovoj paradigmy (2019–2025 gg.) // Obozrevatel'–Observer. 2019. № 5. S. 5–26]
- Подберёзкин А. И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018.– 1596 с.
 [Podberyozkin A. I. Sostoyanie i dolgosrochnye voenno-politicheskie perspektivy razvitiya Rossii v XXI veke. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018.– 1596 s.]
- Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>
 [Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. № 204 «O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>]
- Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» (с изм. и доп.) // URL: <http://base.garant.ru/186093/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/#ixzz67JyLHlFn>
 [Federal'nyj zakon ot 4 iyulya 2003 g. № 95-FZ «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Federal'nyj zakon “Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub»ektov Rossijskoj Federacii”» (s izm. i dop.) // URL: <http://base.garant.ru/186093/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/#ixzz67JyLHlFn>]
- Штоль В. В. Эволюция НАТО в реалиях глобализации. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004.– 382 с.
 [Shtol' V. V. Evolyuciya NATO v realiyah globalizacii. Dis. ... d-ra polit. nauk. M., 2004.– 382 s.]
- Summary of 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Wash., 2018.– 11 p.

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2019 г.

Россия и НАТО: что возобладает – диалог или конфронтация?

От редакции.

Редакция журнала считает интересным представить читателям обзор выступлений участников научно-практической конференции «Россия и НАТО: что возобладает – диалог или конфронтация?», проведённой Дипломатической академией МИД России.

Конференция носила экспертный характер и была проведена в интенсивном, интерактивном ключе с элементами «мозгового штурма». В обсуждениях приняли участие представители профессорско-преподавательского состава Дипакадемии, профильные эксперты ряда российских исследовательских центров и учебных заведений. В работе конференции также участвовали представители МИД России.

Несмотря на различия в оценках, объединяющим моментом явилось осознание продолжающейся тревожной тенденции по дальнейшему повышению конфликтного потенциала во взаимоотношениях. Большинство участников отмечалось, что под давлением Вашингтона, придерживающегося своей геополитической линии, страны НАТО во всё большей степени ввязываются в агрессивную антироссийскую политику. При этом ещё с большим ожесточением коллективным Западом, военно-политическое ядро которого составляет НАТО, продолжает проводиться курс на односторонние экономические санкции, торговые и финансовые войны, экстерриториальное применение национального законодательства, шантаж и даже неприкрытые угрозы применения силы.

Данная линия сопровождается массивным информационным давлением, навешиванием пропагандистских ярлыков «ревизиониста» и «агрессора».

Ключевые слова: НАТО, Россия, Европа, безопасность.

Отмечалось, что эти действия являются отражением попыток элит Запада навязать своё понимание мироустройства, утвердить монополию на осуществление глобализации не как сбалансированного и инклюзивного процесса, а как проекта в интересах «избранных», что на деле приводит лишь к резкому обострению противоречий, новым разломам и линиям противоборства. Одно временно во время дискуссий подчёркивалось, что дело не сводится лишь к мерам политического, экономического и психологического давления.

Новые сферы влияния альянса

В настоящее время НАТО сконцентрировала своё внимание на противодействии надуманной российской угрозе. Под этим предлогом вот уже пятый год альянс проводит курс на милитаризацию Европы. На непрерывной ротационной основе появляются воинские контингенты там, где их никогда раньше не было. НАТО фокусируется на борьбе с «угрозой с Востока», у российских границ дислоцируется и модернизируется военная инфраструктура, проводятся крупномасштабные учения. Было отмечено, что на учениях *Trident Juncture* свыше 50 тыс. военных отрабатывали наступательные и оборонительные действия в условиях низких температур. Логистические и инфраструктурные возможности европейских стран перестраиваются под задачи переброски значительных сил и средств к российским границам, включая переброску американских воинских контингентов из-за океана.

Для экспертного взгляда – это весьма примечательный признак реальных военных приготовлений.

Возросли масштабы и интенсивность учений, усилилась их провокационная направленность. Следует

отметить экспансию блока на Балканах. Некогда стабильные в военном отношении регионы севера Европы, Прибалтики, Причерноморья за короткий срок превращены в «прифронтовые зоны». Продолжается развитие системы ПРО США и ПРО НАТО.

Сложно будет ожидать каких-либо прорывов в отношениях и создании основ для обеспечения европейской безопасности, пока будет продолжаться политика по военно-политическому сдерживанию России с созданием под неё реальной материальной основы военно-стратегических возможностей, инфраструктура которых вплотную приблизилась к российским границам. Реальностью становятся мероприятия по модернизации тактического ядерного потенциала США на континенте, придание ему характеристик «оружия поля боя», продолжается также практика «совместного использования» ядерного оружия (*nuclear sharing*), что является прямым нарушением ДНЯО [1].

Отдельно в контексте комментариев относительно якобы ненаправленности НАТО против России была отмечена резко возросшая актив-

¹ Иванов О. П. Ядерная доктрина НАТО в свете кризиса отношений с Россией // Обозреватель-Observer. 2018. № 9. С. 13.

ность альянса на «восточном фланге». В качестве конкретных примеров приводилась деятельность альянса в Балтийском и Черноморском регионах, приарктической зоне. Возрастает интенсивность и масштабы военных учений, к которым привлекаются носители ядерного оружия, в том числе стратегические. Совокупная численность вооружённых сил стран альянса в настоящий момент составляет более 3 млн чел. Военные меры сопровождаются мерами «гибридного» воздействия – давлением в экономической сфере, антироссийской пропагандой, высылками дипломатов. Таким образом, создаётся основа для долгосрочного психологического и силового воздействия на Россию.

Всё это сопровождается беспрецедентным увеличением военных бюджетов НАТО до 1 трлн долл. США.

Растёт кризисный потенциал и в других точках мира.

Результаты военных операций НАТО в Европе (Югославия) и за её пределами (Афганистан, Ливия) приводят к многочисленным жертвам среди гражданского населения, уничтожением инфраструктуры, значительному экономическому ущербу, нарушению основополагающих принципов международного права, а нередко и фактическим распадам государств. Вот таким способом альянс решает задачи «проецирования стабильности» за пределы зоны своей ответственности.

Всё это свидетельствует о том, как далеко готовы пойти элиты За-

пада ради сохранения монополии на принятие глобальных решений [2]. Складывается впечатление, что в НАТО ищут смысл своего существования. Совершенно очевидно, что мы имеем дело с рудиментом холодной войны, который пытаются подвергнуть реанимации, придать ему новые «расширенные» функции. Об этом говорят и ключевые доктринальные документы блока.

На конференции подчёркивалось, что наибольшую долговременную опасность помимо видимых военных приготовлений, в том числе и в новых областях противоборства, включая космос, курса на расшатывание режимов контроля над вооружениями, на доступ к энергоресурсам, представляет и стратегическая линия НАТО на подмену международного права «натовской легитимностью», выработанными келейно «правилами» и навязывания их с помощью глобализирующейся роли альянса, т. е. выхода за рамки своей географической ответственности [3]. Эта линия подкрепляется проводимыми «гуманитарными операциями» при подмене международного права, выработанными самостоятельно «правилами международного поведения», что не способствует гармонизации международных отношений.

Следствием такой недальновидной политики становится эрозия системы договорённостей в сфере контроля и ограничения вооружений.

Наглядным примером является прекративший в августе своё существование Договор о РСМД, к слову которого США упорно вели дело.

² Мировая политика в фокусе современности. 3-е изд., перераб. / отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Дашков и Ко, 2020.

³ Штоль В.В. Новые вызовы XXI века // Обозреватель–Observer. 2019. № 9. С. 15.

Неопределённой остаётся ситуация с продлением Договора о СНВ 2010 г.

Взят курс на выход США из ДВЗЯИ, что подрывает основу для вступления договора в силу.

При этом продолжают попытки переложить ответственность на Россию за развал ДРСМД. Дело это насколько бессмысленное, настолько и неприглядное. Подчёркивалось, что это выбор американской стороны, которая отказалась от предложенных ей практических мер по транспарентности и доверию, по снятию накопившихся озлобленностей в его отношении, важнейшим из которых является взятое Россией обязательство не размещать РСМД в Европе и в других регионах, пока там не появятся американские ракеты. К сожалению, ни Вашингтон, ни его союзники по НАТО в конкретном ключе никак не отреагировали на это обязательство – огульные обвинения продолжают.

Таким образом, мир сталкивается с ситуацией возрастающей неопределённости в международных отношениях, при которой система стратегической стабильности во всё большей мере показывает высокую степень своей изношенности.

На конференции отмечалось, что главным фактором, оправдывающим само существование альянса в современных условиях, будет оставаться Россия и необходимость её сдерживания как в военно-политическом смысле, так и в «ценностном» измерении [4]. В этом контексте высказаны предположения, что данные установки найдут своё отражение в готовящейся новой стратеги-

ческой концепции НАТО. Ядром ожидаемой будущей стратегической концепции НАТО является её направленность против России.

Консолидация стран Запада перед мнимой общей угрозой со стороны России лишь один из факторов, обеспечивающих новые смыслы блоку. Среди других объединяющих целей проглядывают и идеологические соображения: союз «демократий» против «авторитарных режимов», отказывающихся принимать келейно разработанные правила установления нового мирового порядка. Кроме того, следует учитывать и весьма прагматические геополитические намерения НАТО, в том числе стремление закрепить силовым образом право на доступ к энергоресурсам. Всё это наглядно проявляется в новом облике «энерго НАТО» и возросшей активизации в регионе Арктики.

Весьма кстати в этой связи были приведены слова генсека НАТО А. Ф. Расмуссена, сказанные им в Вашингтоне 19 марта 2014 г. о том, что только НАТО является поставщиком той политической легитимности и военной мощи, которую ни одна страна или коалиция не сможет обеспечить. Эти высокомерные заявления свидетельствуют о взятом альянсом курсе на «монополию» легитимности, что, помимо прочего, является вызовом центральной роли ООН и её Совету Безопасности в урегулировании международных проблем.

Мощный совокупный военный потенциал стран НАТО и конкретные действия в отношении России не позволяют доверять заявлениям об оборонительном характере альянса.

⁴ Штоль В. В. Эволюция НАТО в реалиях глобализации. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. С. 134–157.

Появляются и новые сферы противостояния. Анализ ключевых доктринальных и установочных документов США, а в последнее время и НАТО показывает, что американское руководство и руководство блока во всё большей степени рассматривают космос как зону своих возрастающих жизненных интересов, а также как фактор и условие обеспечения своей безопасности и военного преобладания в возможных вооружённых конфликтах.

Что касается директивных документов США, то в октябре 2012 г. Пентагон обнародовал директиву по космической политике, в которой объявляется, что любое вмешательство в деятельность американских космических систем, включая наземную инфраструктуру, будет рассматриваться как «нарушение прав» США и потребует «ответных действий». Документ показателен ещё и тем, что в нём, по сути, закладываются параметры создания «космической НАТО», в рамках которой нападение в космосе или на «космические» объекты на Земле одного из государств – членов альянса будет рассматриваться как нападение на всех.

В настоящее время идёт активная фаза реализации этого проекта – на встрече минобороны стран НАТО (июнь 2019 г.) предварительно одобрена космическая политика Североатлантического блока.

Практически подключаются к космической военной гонке и союзники США по НАТО. Обращает на себя внимание выступление министра обороны Франции Ф. Парли, которая представила (июль 2019 г.) национальную военно-космическую

доктрину. Это первый документ такого рода, и он, несомненно, повлияет на ситуацию в космосе.

Доктрина предполагает принятие специальной программы под названием «управление космосом». В космической оборонной стратегии Франции ставится задача создания к 2030 г. потенциала для проведения в космосе военных операций с помощью средств космического базирования.

На основании этого можно прийти к заключению, что планы Франции и в целом НАТО имеют своей конечной целью размещение в космосе ударных вооружений. И это при том, что в «мирном» космосе Россия и Франция активно взаимодействуют в области создания средств доставки и эксплуатации спутниковых систем, а также развития космической науки.

При этом сам поиск дипломатических мер, по существу, отвергается, силовые действия становятся доминирующим фактором разрешения спорных случаев. Российские инициативы по недопущению использования космоса в военных целях игнорируются США и их союзниками по НАТО.

На конференции отдельно был рассмотрен вопрос о силовом расширении влияния НАТО при помощи инструмента миротворчества. НАТО выработала собственную модель «агрессивного миротворчества». При этом ещё с 2008 г. НАТО стала проводить свои собственные миротворческие операции без мандата ООН, выходя за пределы зоны своей ответственности, что, собственно, можно квалифицировать как геополитическую экспансию под предлогом миротворчества.

Мировая общественность вправе задать вопрос: ставит ли альянс, имеющий всего 29 стран-членов,

своей целью подменить ООН? Во всяком случае в миротворчестве такая тенденция наблюдается.

Проблемы и противоречия между союзниками

Отдельно была рассмотрена ситуация в самом блоке, в том числе по линии «Вашингтон – евроНАТО». Отмечалось, что попытки подменить международное право «натовской легитимностью» – одна из причин сегодняшнего кризиса европейской безопасности.

С другой стороны, если рассматривать ситуацию под углом попыток дисциплинировать союзников и закрепить над ними на новом уровне и в новых условиях американское доминирование, становится ясно, почему НАТО остаётся востребованным механизмом. Такой курс сопровождается ожесточёнными финансово-экономическими разногласиями по линии «США – Европа» [5]. Европа всё больше сомневается, следует ли жертвовать своей конкурентоспособностью ради американского военного прикрытия. В частности, в НАТО наблюдаются центробежные тенденции, связанные как с «фактором Трампа», т. е. готовностью США к «коалициям по ситуации» и не членами альянса, так и в целом понижением готовности «старых европейцев» жертвовать своей экономической и финансовой самостоятельностью в угоду американским гарантиям безопасности [6]. При этом в число стран, выра-

жающих повышенную заинтересованность в гарантиях НАТО, прежде всего США, помимо прибалтийских государств выдвигается Польша, которая позиционирует себя в роли основного «цементирующего» звена блока в его противодействии России.

В этом контексте была рассмотрена и возможность создания «евроармии», перспективы деятельности такой структуры, как *Permanent Structured Cooperation – PESCO* (Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны). Основная оценка экспертов: НАТО будет в состоянии «переварить» тенденцию на «евросепаратизм» и сохранится как альянс.

При этом отмечалось, что, как показал недавний юбилейный саммит, будущее блока Брюсселем и Вашингтоном видится неодинаково, хотя Европа осознаёт, что должна увеличить свой вклад в европейскую безопасность, как её понимают в НАТО. Однако это вовсе не означает справедливое распределение ответственности, при котором Европа действительно, а не декларативно могла бы быть равным партнёром США. В этом контексте весьма показательно стремление Вашингтона «застолбить» за собой доминирующее положение в сфере безопасно-

⁵ Надточей Ю.И., Христенко Д.Н. Разделение финансового бремени в НАТО: старая проблема в новом звучании // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 67.

⁶ Тимакова О.А. Новый этап трансформации НАТО // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 4. С. 37.

сти на Европейском континенте, что наглядно проявилось на недавнем саммите НАТО в Лондоне [7]. Отмечалось, что капитализация американских активов в НАТО может оказать разрушающее воздействие на сам блок, фундаментальная основа которого подвергается испытанию политикой интересов.

Несмотря на проявляющиеся центробежные тенденции в Североатлантическом блоке, заявления о «смерти мозга» организации, альянс активно ищет новые смыслы, иную миссию для себя в современных условиях, создаёт рабочую группу по выработке новой стратегии, которая уже получила условное название «стратегия активного сдерживания». При этом Вашингтон продолжает последовательную линию на увеличение индивидуальных расходов союзников на оборонные цели, в том числе за счёт торговли своей военной продукцией.

Весьма цинично выглядит недавнее требование Вашингтона повысить расходы на содержание американских военнослужащих, находящихся на территории стран-членов.

При этом Евросоюз, являясь сильным экономическим игроком, ведёт себя довольно пассивно, когда дело касается вопросов международной безопасности и стратегической стабильности, практически не реагируя на намеренное расшатывание Вашингтоном системы международных договоров в области контроля над вооружениями, даёт себя втянуть в антироссийские санкции с

резким повышением конфронтационности по отношению к Москве.

Конференция констатировала упущенный не по вине России в 90-е годы шанс на построение подлинно демократической системы европейской безопасности, основанной на равноправии и учёте интересов всех государств континента. Вместо этого фактически утративший после окончания холодной войны смысл существования альянс взял курс на расширение [8]. В результате разделительные линии в Европе, существовавшие в эпоху блокового противостояния, переместились далеко на Восток. При этом НАТО никуда не принесла ни стабильности, ни безопасности. Многим странам навязывается чуждая им и оторванная от реальности политика противодействия «угрозе с Востока» [9].

Становится очевидно, что одной из целей расширения альянса было стремление изолировать Россию, создать вокруг неё «санитарный кордон». Как отмечалось на конференции, этой цели НАТО явно не достигла. Более того, среди ряда государств – членов НАТО растёт понимание того, что без совместной работы с Россией невозможно найти решения общих вопросов безопасности. Это понимание следует закреплять в наших двусторонних контактах.

Как подчёркивалось на конференции, для анализа сложившейся ситуации важно понимать, что именно альянс принял решение о полном сворачивании разносто-

⁷ Бартош А. А. НАТО в современной мировой политике. М.: Горячая линия-Телеком, 2019.

⁸ Иванов О. П. Американская официальная концепция расширения НАТО на Восток: к истокам вопроса // Современная Европа. 2017. № 6.

⁹ Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции. М.: Научная книга, 2002. С. 129–145.

ронного сотрудничества и переходе к военно-политическому сдерживанию России. Это произошло в 2014 г., когда Запад недальновидно поддержал антиконституционный госпереворот на Украине, а потом фактически закрыл глаза на развязанную Киевом военную кампанию против Донбасса.

В настоящее время, в отличие от периодов «похолоданий» и «оттепелей» в отношениях с НАТО (события в Югославии в 1999 г. Южной Осетии в 2008 г., с одной стороны, и после подписания в 2002 г. Декларации Пратика-ди-Маре о новом качестве сотрудничества и Лиссабонского саммита Совета Россия – НАТО – с другой), сложилась реально тревожная ситуация. Под давлением Вашингтона страны НАТО участвуют в агрессивной антироссийской политике, сопровождаемой резким наращиванием военного присутствия у границ России и союзной с ней Белоруссией, что повышает риски непреднамеренных инцидентов и ведёт к эскалации военно-политической напряжённости.

При этом отдельно отмечалось, что линия Запада на слом международно-правового порядка была взята им ещё до украинского кризиса.

Задолго до отмеченных событий НАТО не поддержала ни одну из российских инициатив по формированию единого и неделимого пространства безопасности в Европе. А наиболее ощутимый удар по стратегической стабильности был нанесён задолго до грузинских и украинских событий – ещё в 2002 г., когда

США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО. В качестве резюме на конференции было отмечено, что кризис на Украине и вымышленные российские угрозы используются сегодня лишь как оправдание для милитаризации Европы, причём за счёт европейских же налогоплательщиков [10].

Намеренно замалчивается упущенная возможность ещё в 1990 г. подписать Хартию для новой Европы. Вместо неё Россия сталкивается со стратегией расширения зоны исключительного влияния Запада под военно-политическим «зонтиком» НАТО.

Участники конференции отмечали, что уже на протяжении многих лет Россию пытаются убедить, что вступление стран Центральной и Восточной Европы в НАТО улучшит отношения с Москвой, создаст пояс дружественных ей государств. На поверку всё это оказалось мифом [4].

Теперь ядром политики безопасности государств альянса является тезис о необходимости их особой защиты от России. На Западе, видимо, забыли, что именно Россия внесла решающий вклад в устранение материального наследия холодной войны. Ведь именно Россия осуществила демилитаризацию Восточной Европы, выведя оттуда войска. С точки зрения экспертов, очевидно, что Россия не предпринимает инициативных шагов, которые можно расценить как угрозы европейским партнёрам. Её действия строго соответствуют нормам международного права. Причём расширение

¹⁰ Задохин А. Г., Штоль В. В. Россия и Украина: выбор пути и кризис идентичности // Обозреватель–Observer. 2019. № 8.

НАТО на последнем этапе происходит не за счёт свободного выбора государств, а за счёт их силового втягивания в альянс [11].

Так было в случае с Черногорией, где обошлись без учёта мнения её населения, а также Северной Македонией, где проигнорированы результаты национального референдума. Таким образом, основным критерием принятия новых членов является не их якобы комплексное соответствие стандартам и требованиям НАТО, а прежде всего соображения политической целесообразности.

Одновременно институты взаимодействия не по инициативе России ввергнуты в состояние кризиса: Совет Россия – НАТО заморожен, последовательно подрывается архитектура контроля над вооружениями. Европе угрожает эскалация напряжённости. Рост агрессивного радикального национализма и неонацизма, неконтролируемая мигра-

ция накладывается на сохраняющееся наследие холодной войны. Вопреки декларировавшимся в документах ОБСЕ целям европейское пространство безопасности остаётся фрагментированным.

Давно распущена Организация Варшавского договора, а НАТО не только существует, но продолжает расширяться.

При этом страны блока оказались не готовы к равноправному сотрудничеству с Россией в сферах общих интересов и построению подлинно инклюзивной европейской архитектуры безопасности без разделительных линий. НАТО направленно уклоняется от конструктивного диалога, от системной работы по военным вопросам. Есть лишь эпизодические встречи и контакты, что не даёт возможности для деэскалации и разрядки, для уменьшения военно-политической напряжённости в Европе.

Будущее отношений России – НАТО

В конкретном плане на конференции были обсуждены возможные пути купирования негативных тенденций во взаимоотношениях, конкретные подходы к укреплению безопасности в Европе.

Отсутствие гражданского и военного сотрудничества с Россией (не работают программы борьбы с терроризмом, распространением ОМУ) – чисто политически мотивированное решение. Из сохраняемых каналов лишь канал диалога военных руководителей, который в сложившихся условиях реально помо-

гает снизить риск военного столкновения.

Несмотря на не устраивающий нас характер отношений с НАТО, идти на окончательный разрыв контрпродуктивно, в том числе для интересов самой России. Она должна оставаться значимым фактором в обеспечении глобальной безопасности, сохраняя соответствующие рычаги воздействия.

Ставить вопрос о расшатывании НАТО изнутри – конспирология. Важно реально смотреть на объективные возможности. У России нет

¹¹ Штоль В. В. Армия нового мирового порядка. М.: ОГИ, 2010.

действенных рычагов для ослабления НАТО. Поэтому важно не заниматься «расшатыванием блока», а стремиться к недопущению активного проникновения альянса в постсоветские государства, открыто называть эту зону зоной своих жизненных интересов. В условиях ограниченности потенциала российского воздействия на состояние дел в самом альянсе, отсутствия, в отличие от 70–80-х годов прошлого века, заметного протестного политического движения в Европе меры нашего противодействия следует сосредоточить на недопущении натовского проникновения на постсоветское пространство, прежде всего в страны ОДКБ.

Целесообразно терпеливо и последовательно продолжать линию на оказание должного влияния как на руководство альянса в целом, так и по линии двустороннего диалога с отдельными его участниками с целью обоснования важности и обоюдной выгоды пересмотра нынешних подходов к выстраиванию отношений с Россией. В качестве первоочередных шагов важно продвигать крайнюю востребованность регулярных контактов между военными экспертами с целью снижения военной опасности и предотвращения непредсказуемых инцидентов.

В качестве альтернативного подхода предложено, в случае сохранения курса на агрессивное сдерживание России, взять в отношениях с альянсом «стратегическую паузу».

На конференции отмечалось, что на протяжении многих лет европейская безопасность была во многом тождественна безопасности глобальной. От положения дел в Европе зависела устойчивость и предска-

зательность всей системы международных отношений, выстроенная на основе Устава ООН и базовых принципах международного права.

В этом контексте подчёркивалось, что в наши дни одна из проблем европейской безопасности связана с тем, что Европа и Евро-Атлантика в целом утрачивают ключевое системообразующее место. Появляются новые центры силы и влияния, например, Азиатско-Тихоокеанский регион. Привычный старый центр силы вынужден вести всё более обостряющуюся конкурентную борьбу за место «под солнцем», за привилегию формировать ландшафт международной безопасности на основе своих предпочтений, а миропорядок на основе своих лекал.

Однако было констатировано, что современная модель европейской безопасности не работает даже для самой Европы, поэтому примером для других регионов она являться не может.

Идея «Большой Европы» без разделительных линий и блокового противостояния оказалась нереализованной. Закреплённые на высшем уровне в основополагающих документах ОБСЕ и Совета Россия – НАТО обязательства не укреплять свою безопасность за счёт безопасности других оказались проигнорированными. Реальностью стало то, что европейцы фактически позволили себя втянуть в процесс намеренного повышения уровня противостояния с Россией, сопровождаемого значительными издержками от навязываемой санкционной деятельности.

Вместе с тем, несмотря на наличие объективных сложностей, было

признано, что пространство Европы, которое часто называют пространством ОБСЕ, всё же способно быть площадкой для равноправного и неполитизированного диалога по наиболее острым вопросам безопасности.

Центральными направлениями такого диалога призваны стать деэскалация военной напряжённости, противодействие транснациональным угрозам и урегулирование конфликтов. С учётом имеющихся сложностей акцент уместно делать на сохраняющихся структурах общеевропейского взаимодействия, в частности, Венском документе 2011 г. без попыток его необоснованных модернизаций, на Договоре по открытому небу (ДОН), который не растерял основные элементы своей жизнеспособности.

Что касается «структурированного диалога» по вызовам безопасности, запущенного на СМВД ОБСЕ в Гамбурге (2016 г.), то он пока не приносит ожидаемого результата. Здесь своё слово мог бы сказать Совет Россия – НАТО. В фокусе внимания стоит рассматривать предметный экспертный диалог по военно-политическим аспектам безопасности с подключением военных. К числу возможных тем можно отнести обсуждение путей недопущения инцидентов и опасной военной деятельности, а также снижения военной активности по линии соприкосновения Россия – НАТО, практических мер по деэскалации.

Такая «прагматизация» диалога могла бы привести к его оздоровлению и активизации, способствовать поиску путей восстановления доверия и снижения уровня конфронтацион-

ности в Европе. Однако такой разговор возможен лишь на основе равноправия и взаимного учёта интересов.

Важно при этом его не политизировать, не превращать в дополнительный механизм одностороннего давления на Россию, не делать голословных обвинений в её адрес. Сможет ли такой диалог превратиться в переговоры по широкому комплексу военно-политических вопросов, не говоря уж о реальных аспектах контроля над вооружениями, сказать сейчас трудно.

В Европе достаточно важных и востребованных тем, непосредственно связанных с аспектами жёсткой безопасности. Среди них терроризм, организованная преступность, наркотики, киберпреступления и пр. Всё это нуждается в совместных координированных ответных действиях. Искать готовые структуры для взаимодействия не нужно. Это, с одной стороны, профильные структуры ОБСЕ, а с другой – ОДКБ, страны-участники которой накопили значительный опыт в реагировании на такого рода угрозы, неоднократно выражали готовность к взаимодействию.

Подчёркивалось, что институт партнёрства ОДКБ имеет тенденцию к наращиванию своего потенциала, в том числе за счёт подключения китайских коллег, возможностей ШОС, а также интеграционных проектов открытого характера. Акцентировалось, что идея «большого евразийского пространства» вполне приложима и к сфере безопасности, а не только к совместным экономическим и гуманитарным проектам. Она вполне сопрягается и с идеей строительства общеконтинентальной архитектуры, равной и недели-

мой безопасности. Важно при этом опираться на решения саммита ОБСЕ в Астане (2010 г.) об установлении в Европе, на пространстве ОБСЕ свободного, демократического, общего и неделимого сообщества, достижение которого может обрести реальность при наличии должной политической воли.

Было отдельно подчёркнуто, что для России конкурентноспособными могут быть долгосрочные проекты безопасности. В этом контексте не стоит оставлять попыток вернуться к Договору о европейской безопасности. Одновременно следует развивать собственную модель безопасности на базе ОДКБ и ШОС.

В целом констатирована болезненность для Запада понимания, что после периода катастрофических процессов распада на пространстве СССР в результате проведённых мероприятий в лице России мир имеет серьёзного игрока, без мнения и без учёта интересов которого мировые процессы не могут сбалансированно развиваться. Важно за счёт политико-дипломатических мероприятий продолжать укреплять международный имидж России и повышать её влияние на ход мировых событий.

Библиография • References

- Бартош А. А.* НАТО в современной мировой политике. М.: Горячая линия-Телеком, 2019. – 363 с.
[Bartosh A. A. NATO v sovremennoj mirovoj politike. M.: Goryachaya liniya-Telekom, 2019. – 363 s.]
- Задохин А. Г., Штоль В. В.* Россия и Украина: выбор пути и кризис идентичности // Обозреватель–Observer. 2019. № 8. С. 5–24.
[Zadokhin A. G., SHtol' V. V. Rossiya i Ukraina: vybor puti i krizis identichnosti // Obozrevatel'–Observer. 2019. № 8. S. 5–24]
- Иванов О. П.* Американская официальная концепция расширения НАТО на Восток: к истокам вопроса // Современная Европа. 2017. № 6. С. 34–46.
[Ivanov O. P. Amerikanskaya oficial'naya koncepciya rasshireniya NATO na Vostok: k istokam voprosa // Sovremennaya Evropa. 2017. № 6. S. 34–46]
- Иванов О. П.* Ядерная доктрина НАТО в свете кризиса отношений с Россией // Обозреватель–Observer. 2018. № 9. С. 5–18.
[Ivanov O. P. YAdernaya doktrina NATO v svete krizisa otnoshenij s Rossiej // Obozrevatel'–Observer. 2018. № 9. S. 5–18]
- Мировая политика в фокусе современности. 3-е изд., перераб. / отв. ред. М. А. Неймарк. М.: Дашков и Ко, 2020. – 512 с.
[Mirovaya politika v fokuse sovremennosti. 3-e izd., pererab. / otv. red. M. A. Nejmark. M.: Dashkov i Ko, 2020. – 512 s.]
- Надточей Ю. И., Христенко Д. Н.* Разделение финансового бремени в НАТО: старая проблема в новом звучании // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 56–77.
[Nadtochej YU. I., Hristenko D. N. Razdelenie finansovogo bremeni v NATO: staraya problema v novom zvuchanii // Aktual'nye problemy Evropy. 2019. № 1. S. 56–77]
- Тимакова О. А.* Новый этап трансформации НАТО // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 4. С. 35–41.

[Timakova O. A. Novyj etap transformacii NATO // Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Rossiya i mir. 2017. № 4. S. 35–41]

Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции. М.: Научная книга, 2002. – 416 с.

[Shtol' V. V. NATO: dinamika evolyucii. M.: Nauchnaya kniga, 2002. – 416 s.]

Штоль В. В. Армия нового мирового порядка. М.: ОГИ, 2010. – 384 с.

[Shtol' V. V. Armiya novogo mirovogo porjadka. M.: OGI, 2010. – 384 s.]

Штоль В. В. Новые вызовы XXI века // Обозреватель–Observer. 2019. № 9. С. 5–22.

[Shtol' V. V. Novye vyzovy XXI veka // Obozrevatel'–Observer. 2019. № 9. S. 5–22]

Штоль В. В. Эволюция НАТО в реалиях глобализации. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. – 384 с.

[Shtol' V. V. Evolyuciya NATO v realiyah globalizacii. Dis. ... d-ra polit. nauk. M., 2004. – 384 s.]

Авторы выступлений:

БАРТОШ Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук, эксперт лиги военных дипломатов. *E-mail:* aeorintel@mail.ru

ВИНОКУРОВ Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* vin46@mail.ru

ГЛАССЕР (КУКАРЦЕВА) Марина Алексеевна – доктор философских наук, профессор департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «ВШЭ», профессор кафедры международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* mkukartseva@gmail.com

ИВАНОВ Олег Петрович – доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* olivanov@inbox.ru

МАЛОВ Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* aymalov5353@mail.ru

МИРОНОВ Сергей Иванович – кандидат военных наук, профессор кафедры международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* sergmirn1959@mail.ru

НАДТОЧЕЙ Юрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. *E-mail:* ynadtochey@yandex.ru

ТИМАКОВА Ольга Александровна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. *SPIN-код:* 3347–6915, *E-mail:* olga.timakova12@gmail.com

ШАМАРОВ Павел Вячеславович – кандидат военных наук, доцент, профессор Академии военных наук, докторант МГЛУ, специалист отдела Министерства обороны. *E-mail:* pvs291189@gmail.com

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор Дипломатической академии МИД России, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель – Observer». *SPIN-код:* 4158-2238, *E-mail:* v.shtol@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14 января 2020 г.

Флаги и коней на переправе не меняют

Анатолий ШУТОВ

Флаг, знамя и герб – священные атрибуты во все времена, благородные символы Родины, умножающие силу и мужество народа и придающие ему веру в успех трудовых и ратных дел.

Среди российских знаменательных событий важное место отведено 22 августа – Дню российского флага. Это, бесспорно, знаковая веха в жизни страны, и она должна быть светлой страницей в её истории, национальным праздником. Однако в отдельные годы он проходит мимо нас как-то тихо и незаметно. Даже средства массовой информации предпочитают не возникать по этому поводу.

Дело в том, что наш флаг как государственный символ недостаточно адекватен образу России, международным геральдическим канонам. На протяжении веков, уже начиная с XIII в., стали складываться международные геральдические установки и рекомендации, согласно которым страна должна иметь такие атрибуты государственной власти, смысл и стратегическая заданность которых были бы понятны с первого взгляда.

Какова социально-экономическая стратегия державы, чьи интересы она защищает, кто является носителем власти в стране – ответы на эти фундаментальные вопросы должны быть ясно выражены в государственных символах, чтобы народ, и особенно армия, знали, какие цели стоят перед ними и чьи интересы в случае возникновения военной ситуации они будут защищать, рискуя жизнью.

ШУТОВ Анатолий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. *E-mail:* schutovanatole@yandex.ru

Ключевые слова: государственный символ, знамя, герб, геральдика, триколор, Андреевский флаг, Георгиевская лента.

Международные геральдические правила не позволяют произвольно устанавливать цвета национального флага того или иного государства и их расположение без соответствия социальной структуре страны, форме её правления без прямого узависания – монархия это или республика, унитарное государство или федерация, конфедерация.

В этом отношении современный российский флаг не адекватен международным геральдическим рекомендациям, более того, установлен он произвольно и вопреки исторической логике, без учёта национальных интересов и политической сущности государства при нарушении исторической преемственности. Поэтому тем политикам, которые пытаются усмотреть историческую преемственность в официальном признании российского государственного флага в качестве национального символа, надо просто напомнить, что трёхцветный бело-сине-красный флаг до революции 1917 г. никогда не был государственным и появился в России только в 1676 г. при царе Алексее Михайловиче в качестве коммерческого флага для торговых судов. Свои цвета и их линейное расположение российский триколор заимствовал у Голландии (такие цвета также имели флаги Франции и Польши), и, естественно, ему, как копии иностранного флага, царь не присвоил статуса государственного. В 1693 г. триколор был использован Петром I в качестве военно-морского штандарта, но вскоре император осознал, что торговый флаг с недостатком русскости не к лицу военно-морскому флоту.

Действительно, что может быть величественного в торговом флаге, в самих его цветах, заимствованных у протестантской Голландии? Пётр хотел видеть на военных кораблях русские флаги, которые являлись бы символом самобытности и независимости России, хранительницы православной веры. И в 1705 г. своим указом он вновь узаконил триколор в прежнем статусе и оперативно занялся разработкой русского флага специально для военно-морского флота.

По убеждению Петра I, источником русскости со всеми её уникальными качествами является учение Христа с его приверженностью правде, любви и справедливости, неизменной преданностью гуманизму и неотступной борьбе со злом. Первым из двенадцати апостолов, распространявших учение Христа, был апостол Андрей, названный Первозванным (родился в 6 г. до н. э.).

Главной ареной его просветительской миссии помимо Малой Азии была территория будущей Древней Руси. В своих продолжающих дело Иисуса Христа странствиях апостол достиг берегов Чёрного моря и крестил здесь древних русов, в течение ряда лет приобщал к христианству славянские племена – предшественников русского народа на пространстве от Чёрного до Балтийского морей. На Руси гордились, что начало христианства у них связано не с деятельностью какого-либо частного миссионера, а было принято от апостола – первого из учеников Христа. Апостол Андрей по возвращении в Грецию повторил судьбу своего Учителя: по приказу Эгеата, языческого правителя города Па-

тры, он был распят на косом кресте, имеющем форму буквы «X», который, превратившись в святыню, стал с тех пор называться Андреевским, демонстрируя людям чудесные свершения.

Неразрывная связь России и русского народа с апостолом воодушевили Петра I учредить для военноморского флота России флаг, органически слитый с личностью Андрея Первозванного. Созданный по макету Петра, Андреевский флаг представлял собой белое полотнище с голубым крестом по диагонали (форма креста, на котором распят апостол). Пётр Великий так определил новый флаг: «Флаг белый, через который синий крест Св. Андрея, того ради, что от сего апостола приняла Россия святое крещение».

После установления Андреевского флага в качестве морского символа русский флот словно обрёл небывалую мощь и стал одерживать крупные победы в морских сражениях. Со времён Петра I апостол Андрей Первозванный стал почитаться как покровитель Санкт-Петербурга, а Андреевский крест и Андреевский флаг – символы русского флота, неотъемлемые от души русского народа.

А торговый триколор продолжал своё скромное существование: в 1886 г. на основе указа Александра III в Морской устав была внесена специальная статья, согласно которой бело-сине-красный флаг был утверждён только «для коммерческих судов». Правда, в 1896 г. накануне коронации Николая II была

сделана попытка официально присвоить трёхцветному стягу статус государственного флага, но эта инициатива вызвала энергичный протест российской общественности, не желавшей, чтобы государственным флагом был заимствованный у протестантско-католической Европы триколор, и Николай II оставил его в прежнем звании коммерческого флага для торговых судов.

Дальнейшая судьба триколора в условиях революционной суматохи 1917 г., трагедийной оргии Первой мировой и Гражданской войн уподобилась разменной монете в руках различных политических сил, в том числе авантюристов с генеральскими погонами, других недоброжелателей России. В годы Гражданской войны белогвардейские генералы Корнилов*, Деникин, адмирал Колчак под этим трёхцветным флагом вместе с Антантой воевали против русского народа, соблюдая историческую преемственность с антироссийскими нашествиями прежних западных полчищ. Под бело-синекрасным триколором французы в 1812 г. отправились на завоевание России, а в 1853 г. атаковали Севастополь. Во время Великой Отечественной войны триколор по личному указанию Гитлера был вручён в качестве знамени армии генерала-изменника Власова и после этого во всех власовских штабах висел рядом с портретом Гитлера и его штандартом. И генерал-предатель даже изрёк такую фразу: «Вот увидите, наступит то время, когда наш

* В 1919 г. триколор был использован генералом Л. Г. Корниловым как знамя Добровольческой русской армии.

триколор будет гордо развеваться над Кремлём» [1]. А 24 июня 1945 г. этот власовский флаг был брошен к подножию Мавзолея на свалку истории вместе с другими фашистскими знамёнами.

Однако последователь Власова генерал-президент Горбачёв не дал триколору исчезнуть навсегда из будущей истории – вытащил его на свет Божий и «одарил» им Российскую державу. Вернувшись 22 августа 1991 г. из «хитроумного отдыха» в Форосе в Москву, он первым делом заявил о необходимости заменить Красный флаг СССР на трёхцветный стяг, и 1 ноября горбачёвская инициатива была законодательно утверждена равнодушно-послушным Съездом народных депутатов РСФСР. А 25 декабря в 19 часов Бурбулис, один из главных организаторов антигосударственного Беловежского заговора, в награду за содеянное преступление получил право снять Красный флаг Советского Союза с Кремлёвского Дворца съездов, а вместо него на флагштоке Кремля взвился трёхцветный стяг [2], при этом было объявлено, что восстановлена и соблюдена «историческая преемственность».

Да, преемственность действительно соблюдена, но она предосудительна, слишком узнаваемо связана с антинациональными кругами, с историческими и политическими врагами России. Приняв триколор, либеральная власть тем самым признала свою идентичную близость с белыми генералами времён Гражданской войны и другими врагами Советской державы.

Преемственность наблюдается и в том, что современный российский триколор, как и его дореволюционный образец, наследует не оригинальный символ России, а плагиаторскую модель, копию, разнообразив её некоторыми новыми заимствованиями.

Нынешний российский флаг, по подсчётам историка В. Похлёбкина, копирует цвета в разных комбинациях более двадцати, главным образом мелких, государств типа Самоа, Коста-Рики, Люксембурга, Панамы, Либерии, Исландии, а с 90-х годов такие цвета на своих государственных флагах стали использовать Чехия, Хорватия, Югославия, Словакия, Словения. При этом российский флаг по расположению полос представляет собой хотя и несколько бледную, зато точную копию флагов двух последних государств.

Словом, современный российский флаг не выглядит оригинальным национальным знаменем, это плагиат чешско-словенско-словацкого флагов, их копия по набору и порядку размещения цветов, что с точки зрения международной геральдики труднообъяснимо и даже унижительно для великой державы. Ведь знамя – это символ и синоним чести Родины: изменить, принизить достоинство знамени – значит обесчестить Родину, память предков.

Не на десятилетия – намного дольше сохранится в памяти позорный поступок властных чиновников России, согласившихся под давлением заокеанских сатрапов поехать в 2017 г. на зимнюю Олимпиаду в Южную Корею не под своим флагом.

¹ Artyshenkooleg.ru/wp-oleg/archives/1097

² Рьжков Н. Главный свидетель. Дело о развале СССР. М.: Алгоритм, 2012. С. 187–188.

Честь, как и вера в Христа, должна быть святой и бескомпромиссной: 18-летний солдат Женя Родионов предпочёл казнь от рук иноверных бусурман, но не изменил Христу, не снял православный крест. В годы Великой Отечественной войны бойцы Красной армии, попадая в окружение, одной из первоочередных задач считали спасение знамени своей воинской части, доказывая жизнью верность присяге, Отечеству.

От верности выбора государственного флага многое зависит в социальной психологии гражданского общества, политических убеждениях народа. Провозглашение флагом России ведомственного дореволюционного торгового стяга – поспешный выбор, не создающий впечатления устойчивого социального долготия ввиду шаткости созданного на скорую руку режима. В заговорщической спешке у разрушителей исторической России не нашлось ни времени, ни желания создать такие государственные символы, которые соответствовали бы национальному облику социально перестроенной страны. Государственные дилетанты, не владеющие геральдическими правилами, решили задачу легко и просто: отказались от своих адекватных стандартов, а заимствовали их из других стран, эпох, не задумываясь об их смысле. В результате триколор не содержит сущностной символики, и не случайно эксперты-геральдисты стараются не объяснять смысл российского триколора. Это, в частности, подметила Е. Г. По-

номарёва, подчеркнувшая, что цвет, выбранный государством для своего флага, должен содержать «ценностную составляющую», которая является «принципиальным рычагом единения и мобилизации» [3].

Триколор же российский – не символ единения и примирения: многие граждане остаются бескомпромиссными приверженцами противоборствующих исторических символов, в частности, красного флага, а это значит, что социальное противостояние в обществе не будет сокращаться. Непререкаемым символом единства России, неделимости, исторического преемства является только красный флаг (причём бесполосный), символизирующий национальный цвет русского народа. Красный цвет – самый привлекательный, яркий и сильный элемент в лучах солнца, наполняющий своей энергией земную жизнь, и только два братских клана – олигархи да быки – ненавидят красный цвет.

Как свидетельствует история, красный цвет – традиционный цвет русов, символ могущества, жизнестойкости и красоты (красные щиты, красные стяги, красные девки, красные сарафаны, красные рубахи, весна-красна и т. д.). Поэтому и знамёнами славян Древней Руси были в основном красные, сплотившие русских воинов в борьбе за свободу против многочисленных врагов. В этом плане наивными и неправдоподобными представляются утверждения современных западных политиков, что до второй половины XVII в. в России якобы вообще не было флагов и впервые они при-

³ Пономарева Е. Г. Что такое «цветные революции» и как с ними бороться // Представительная власть. 2016, № 1–2. С. 35.

шли к нам из Голландии. Однако подобные «открытия» не в ладу с фактами.

Червлёные – тёмно-алые – боевые флаги русских войск были уже в X–XII вв. и представляли собой треугольные стяги с эмблемой Спаса Нерукотворного.

В частности, в «Слове о полку Игореве» говорится о воинах-русицах, идущих на половцев «под червлёным стягом» и в бою «перегородили поля червлёными щитами». Великие князья Святослав, Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван IV всегда водили свои дружины под красными знамёнами. Под красными стягами бились русские полки на Куликовом поле, на Калке, в Крыму, в Ливонии. В 907 г. Вещий Олег под червлёным стягом начал победоносный поход на Византию и, победив, прикрепил свой щит на вратах Царьграда.

Знамя Ивана IV – традиционно красного цвета с образом Христа. В 1552 г. русские полки под красным знаменем шли на победоносный штурм Казани. В летописи об осаде Казани Иваном IV говорилось: «...и велел государь херугви христианские развертити, сиречь знамя, на них образ Господа нашего Иисуса Христа Нерукотворный».

Это знамя полтора века сопровождало русскую армию. При царевне Софье Алексеевне оно побывало в крымских походах, а при Петре I – в Азовском походе и на войне со шведами.

Под красным знаменем Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин освобождали Москву от поляков.

Царь Алексей Михайлович, отец Петра Великого, ходил на Смоленск, Ригу, Вильно под большим знаменем

багряного цвета с ликом Иисуса Христа на нём.

Отборные полки Петра I, отличавшиеся особой доблестью, в частности лейб-гвардии Преображенский полк, имели полковые красные знамёна.

Словом, красное знамя прочно вошло в историю, неразрывно связав себя с Россией и русским народом.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции красное знамя стало историческим символом, гордостью граждан России, свидетелем социального процветания, маяком свободы народов мира – и в то же время ненавистным ниспровергателем для буржуазии всех стран. И не случайно в 1991 г. под перестроечную гребёнку попали и атрибуты государственной власти, хотя сделано это было по-дилетантски, без учёта истории, национальных традиций, геральдических положений. Дилетанты у власти не могли осознать, что государственные символы – это не политическая ветошь, которую можно легко заменить: красный стяг развеивается над Россией более тысячи лет, видоизменяя лишь некоторые детали, но не цвет – наиболее его устойчивый элемент, и фактически уже сложилась пословица: флаги и коней на переправе не меняют – меняют ездовых.

Но даже заменённое в контрреволюционные 90-е годы на «нейтральный» триколор, оно продолжает страдать компрадорскую буржуазию России и её либеральную власть, и они начали предпринимать совместные усилия, чтобы вообще изъять красный цвет из употребле-

ния как «коммунистического диссидента» и «незаметно» подменить его другими цветными символами, пользуясь к тому же народной признательностью, в частности, на оранжево-чёрную георгиевскую ленточку (две оранжевые и три чёрные полосы).

Георгиевская лента – неотъемлемая часть ордена Святого Георгия, который учредила Екатерина II в 1769 г. для награждения офицеров за совершённые подвиги на поле брани. Позднее Георгиевскую ленту внесли в наградную систему СССР под названием «Гвардейская лента», и она стала символом воинской доблести, продолжила преемственность героической истории России. Но оранжево-чёрная Георгиевская лента – это не адекватная замена Красного знамени, она не имеет прямого отношения к победе в Великой Отечественной войне, ведь победили мы фашистскую Германию под Красным знаменем и над рейхстагом водрузили Красное знамя Победы с серпом и молотом, поэтому оно должно быть главным символом Дня Победы. Георгиевская лента, несмотря на международное признание, не может квалифицироваться как адекватная замена Красного знамени и должна стоять не впереди, а рядом с ним, идти вместе, рука об руку как два братских символа с одним победным смыслом – русским, советским, историческим.

Игнорирование Красного знамени Победы длится уже бесконечно долго – все постсоветские десятилетия, и перемен не предвидится. Обидно смотреть, как орденосные ветераны сидят тише воды на Крас-

ной площади в Москве и с доблестным спокойствием наблюдают за декоративным шествием во время ежегодных парадов 9 Мая в честь Дня Победы: впереди шествия несут триколор, не имеющий ничего общего с этим великим праздником, а Красное знамя Победы несут сзади как приложение к трёхцветному полотну. Очевидно, не волнует их и спрятанный в этот праздничный день Мавзолей, прикрытый фанерой. Конечно, это не как в бандеровском Киеве, где за появление на улицах города в День Победы с красным флагом угрожают пятилетним тюремным заключением, однако Знамя Победы нам надо держать в первоизданном величии.

В России же чиновники от власти не любят красный цвет и в ряде случаев настроены по отношению к нему весьма нетерпимо.

Так, в 2018 г. администрация Перми запретила участникам «Бессмертного полка» идти с красным флагом, а тех, кто пытался развернуть его, полиция забирала и куда-то уводила [4].

2 февраля 2018 г. на военном параде в Волгограде в честь 75-летия разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом пронесли искажённое Знамя Победы с вытравленными государственными эмблемами – красной звездой, а также золотыми серпом и молотом. Уродование святыни – это диверсия против истории, страны, народа, преступление перед памятью 1 миллиона 200 тысяч наших героев-бойцов, погибших в Сталинградской битве. А равнодушный губернатор Волгограда А. Бочаров заявил на опера-

⁴ Бобров А. Кого и что тут не устроило? // Советская Россия. 2018. 11 мая.

тивном совещании: торжества прошли на высоком уровне. На параде присутствовал президент страны [5].

Красное знамя – не временное явление в истории России, оно вошло в нашу жизнь уже в X в. и отсутствие в постсоветский период не означает его невозврата в будущую эпоху. Государственные символы должны быть зеркальным отражением надёжности державы, всех её институтов и управленческих сфер. Этого нельзя сказать о современных государственных символах России и о самой стране. Вся её экономическая система и политическая надстройка скопированы с западных моделей, не имеют национального содержания и оттого не создают впечатления устойчивого долготлетия.

Красное знамя вернётся так же, как вернулся Крым после долгого отсутствия, и оно уже постепенно приближается к порогу дома своего, а ведь всё, включая дорогу в тысячу вёрст, начинается с первого шага. Этим первым шагом явился «Бессмертный полк», шествие которого в большинстве городов России, Донбасса, несмотря на известные препятствия, проходят под красными знамёнами.

Можно с большой долей уверенности предположить, что не навсегда закрепился и другой, неотъемлемый от флага символ государства – герб в виде двуглавого орла.

Этот средневековый атрибут овящает монархическую форму правления, ставшую историческим парадоксом, таким же чуждым со-

временной эпохе, как язычество православному христианству. Использование его в качестве государственного символа подобно попытке втиснуть Россию в феодальную эпоху. Стране нужен иной герб – реальный символ прогресса и возрождения. Образцом и подлинным государственным символом было русское изобретение – скрещённый серп и молот, созданный художником Е. И. Камзолкиным и утверждённый в июле 1918 г. Всероссийским съездом Советов в качестве государственного символа. В нём точно, ярко и просто отображена социальная структура страны: серп – крестьянство, молот – рабочий класс.

Конечно, для современной России не пригоден такой символ, а нужен свой, узнаваемый атрибут власти, наполненный оптимальным социальным содержанием. Однако такой гербовый маяк в принципе неприемлем разрушителями Советской страны и их западными контролёрами. На обломках разгромленного СССР они попытались сохранить Россию как вассальное государство, превратить её в бесперспективную провинцию с колониальной зависимостью, удобной для разворовывания её национальных богатств. А для такого проекта как нельзя лучше подходит исторически изживший себя, выродившийся и одряхлевший двуглавый орёл, и в декабре 2000 г. духовно бесплодные депутаты Госдумы приняли решение – сделать этот монархический реквизит в качестве государственного герба «новой» России.

⁵ Платова Г. Как рука поднялась на святыню?! // Советская Россия. 2018. 8 февраля.

Монархические формы государства ушли в прошлое, и попытки вернуть их выглядят анахронизмом. Прошлое не бывает два раза, оно не-возвратно единично, и тот, кто гре-зит о восстановлении монархии, либо потерял голову, либо почву под ногами. Как говорит С. Замлелова, «век монархий прошёл» и «вернуться в прошлое никому ещё не удава-лось», поскольку это вообще проти-воестественно.

История подтверждает, что гербо-вая символика чаще всего адек-ватна социально-политическому ха-рактеру государства и оказывает реальное влияние на его социально-политическую стратегию. Патриотически нацеленная на социальный и исторический прогресс символика подобна птице-тройке: мчит страну ввысь, к свершениям и открытиям; а есть символика – знак бед и несча-стий, ведущая в безысходное нику-да. Такова либеральная двухголовая птица – антипод птице-тройке. Её две головы, тянущиеся в разные стороны – на Запад и на Восток – разрывают тело России и лишают её стратегической магистрали.

Весьма убедительно пишет на эту тему эксперт по геральдике С. Макин: «Двуглавый орёл был на-глядным символом косности и отсталости царско-го режима, недееспособности Временного прави-тельства» [6].

Если бы Россия (СССР) осталась в XX в. при двуглавым орле, она бы не вышла в космос. «Вступать в тре-тье тысячелетие с подобной симво-ликой значило сознательно обре-кать страну на отставание и в ко-

нечном счёте на деградацию». Это и понятно: кто ориентируется на первобытные образы, тот боится смело и современно мыслить [6]. Словом, страна, где власть не может придумать даже собственный герб и по привычке присваивает чужой, вряд ли может рассчитывать на длительное существование своего режима.

Попутно заметим: признание биологически аномальных (вопреки природе) зверей и птиц в виде трёх-главого змея или двуглавого орла возможно только в сказочном вари-анте, в реальности же их никто, даже дети, всерьёз не воспринима-ют, и, разумеется, в наш интеллек-туальный век эти сказочные созда-ния из-за своей аномальной сути не могут, вернее не должны, быть госу-дарственными символами. Правда, поклонники этой сказочной птицы, выполняющей роль государственно-го герба, утверждают, что двуглавый орёл – это древний символ россий-ской государственности, и его совре-менное использование обусловлено необходимостью соблюдать истори-ческую преемственность.

Ну, насчёт исторической древ-ности здесь явный перехлёст. Со-гласно исторической науке началом российской государственности при-нято считать 862 г., а двуглавый орёл обозначил своё присутствие в российских пределах только в 1497 г. на печати московского вели-кого князя Ивана III. Так что ника-кой исторической традиции не было, и нельзя соблюдать того, чего нет.

Как пишет геральдист профессор А. А. Беляков, российская государ-

⁶ Макин С. На птичьих правах // Советская Россия. 2004. 15 июля.

ственность 635 лет «вполне обошлась без орнитологического феномена: первоначально на княжеских грамотах ставились изображения креста, Спаса, Богородицы или чаще всего святого, имя которого носил данный князь» [7].

Вот это – российская традиция, и такую преемственность можно было бы соблюдать и сегодня.

По существующим международным обычаям многие гербы содержат девизы, выражающие политико-сакральную суть данной страны.

Так, государственный герб Франции сопровождается девизом: *Liberté, Égalité, Fraternité* («Свобода, равенство, братство»); США: *E pluribus unum* («Из многих – единое»). Был девиз на гербах РСФСР и СССР, и только нет его на гербе нынешней России, потому что нет государственной стратегии (поди туда, не зная куда), а вместо неё – историческое бездорожье.

Как справедливо пишет историк С. Макин, «это не только огромный шаг назад в герботворчестве, но и знак отсутствия объединяющей страну идеи» [6].

Противоречивые чувства возникают при осмыслении проблемы, связанной с атрибутами государственной власти – флагом и гербом: с одной стороны, трёхполосный триколор со многими «проколами» и двуглавый орёл как государственный символ монархии, средневековый атрибут, не имеющих никакого отношения к республиканской форме правления, и пристёгивать его в качестве государственного символа к республике, называя её при этом «новой Россией», – неисторично и противоречит здравому смыслу. Поэтому закономерен вопрос: и какая же это «новая» Россия, у которой не оригинальные, а архаичные, заимствованные атрибуты государственной власти – и флаг, и герб? Думается, вполне определённый ответ на этот вопрос имеется у каждого читателя, и вряд ли его надо комментировать.

А мне как политическому аналитику представляется важным сказать, что для возвеличивания образа России, повышения национальной сплочённости и укрепления социальной энергии народа надо вернуться к красному флагу, одноцветному (символ единства народа), бесполосному, с новой, чисто русской эмблемой (мог бы и медведь пригодиться).

С другой стороны, флаг и герб страны – какие бы с точки зрения геральдики изображения по отношению к ним ни возникали, – это наши реликвии, утверждённые Конституцией, и их надо уважать, беречь как государственные символы, защищать их честь – это высокий долг каждого гражданина России.

Библиография • References

- Беляков А. Ещё раз о двуглавом орле // Независимая газета. 2000. 10 ноября.
[Belyakov A. Eshchyo raz o dvuglavom orle // Nezavisimaya gazeta. 2000. 10 noyabrya]
- Бобров А. Кого и что тут не устроило? // Советская Россия. 2018. 11 мая.
[Bobrov A. Kogo i chto tut ne ustroilo? // Sovetskaya Rossiya. 2018. 11 maya]

⁷ Беляков А. Ещё раз о двуглавом орле // Независимая газета. 2000. 10 ноября.

- Макин С. На птичьих правах // Советская Россия. 2004. 15 июля.
[Makin S. Na ptich'ih pravah // Sovetskaya Rossiya. 2004. 15 iyulya]
- Платова Г. Как рука поднялась на святыню?! // Советская Россия. 2018. 8 февраля.
[Platova G. Kak ruka podnyalas' na svyatynyu?! // Sovetskaya Rossiya. 2018. 8 fevralya]
- Пономарева Е. Г. Что такое «цветные революции» и как с ними бороться // Представительная власть. 2016. № 1–2. С. 26–38.
[Ponomareva E. G. Shto takoe «cvetnye revolyucii» i kak s nimi borot'sya // Predstavitel'naya vlast'. 2016. № 1–2. S. 26–38]
- Рыжков Н. Главный свидетель. Дело о развале СССР. М.: Алгоритм, 2012. – 240 с.
[Ryzhkov N. Glavnyj svidetel'. Delo o razvale SSSR. M.: Algoritm, 2012. – 240 s.]
Artyshenkooleg.ru/wp-oleg/archives/1097

Статья поступила в редакцию 27 ноября 2019 г.

Пример оформления библиографических ссылок по стандартам транслитерации

Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>

[Ukaz Prezidenta RF ot 7 maia 2012 g. «O merakh po realizatsii vneshnepoliticheskogo kursa Rossiiskoi Federatsii» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>]

Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель–Observer. 2012. № 3. С. 36–48.

[Ponomareva E.G., Rudov G.A. «Tsvetnye revoliutsii»: priroda, simvoliy, tekhnologii // Obozrevatel'–Observer. 2012. № 3. С. 36–48]

Великий Октябрь и Коминтерн как проектная альтернатива ультраимпериализму

Владимир ПАВЛЕНКО

Чем глубже мы погружаемся в капитализм, тем яснее становится историческая правота Великого Октября. Наглядный пример: после рукотворного кризиса 2008–2009 гг. на Западе резко вырос интерес к марксизму, и сочинения классиков с тех пор пережили несколько новых изданий. Однако не всё так просто. Ренессанс марксизма на Западе – удел элитарных кругов, остальным преподносятся традиционные либеральные мифологемы из стандартного курса политологии.

Вот как это раскрыто в работах С. Манна, директора Института проблем сложности в Санта-Фе (*think tank*, занимающийся разработкой и внедрением методов управления хаосом), экс-заместителя руководителя отдела политического планирования Госдепа США: «...Мы усиливаем хаос, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем СМИ через частный сектор».

И ещё более яркое признание: «...Что такое идеология, если не вирус человеческой программы? ...В качестве основы принято решение заразить население – объект нападения, идеологиями демократического плюрализма и уважения прав человека» [1, 2].

Вот такое внимание отводится демократии и рынку для внутреннего подрыва западных стран.

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук (Академия геополитических проблем). E-mail: pvb.55@yandex.ru

Ключевые слова: Великий Октябрь, марксистско-ленинская теория, большевики, меньшевики, империализм, социал-демократия, оппортунизм.

¹ Манн С. Реакция на хаос // URL: <http://www.intelros.ru/?newsid=175>

² Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление // URL: https://royallib.com/read/mann_stiven/teoriya_haosa_i_strategicheskoe_mishlenie.html#61440

Европейский оппортунизм и русский большевизм

Из этого вытекает, что К. Маркс и В. И. Ленин западным элитам нужны ради правды о том, как всё устроено на самом деле. Но не для того, чтобы по ней жить, а чтобы с её помощью управлять и манипулировать миром.

В своё время пресс-секретарь президента России Д. Н. Песков отреагировал на столетие Великого Октября таким образом: «Что тут праздновать?» Но вот другое мнение: «Сто лет назад прогремели залпы Октябрьской революции, которые принесли в Китай марксизм-ленинизм. Наши передовые умы увидели в марксистско-ленинской научной истине путь к решению проблем тогдашнего Китая...» [3].

Так что в мире не только празднуют, но и равняются на Великий Октябрь, отмечая его всемирно-историческое значение. Помните, как нам навязывали антиисторическую концепцию единой «Великой революции 1917 года» без разделения на Февраль и Октябрь? Нашему прозападному идеологическому официозу, как либеральному, так и квазипатриотическому, олицетворяемому фигурами телеведущего Сванидзе и министра Мединского, очень хочется представить Октябрь продолжением Февраля, а не его отрицанием, как на самом деле и было, и не первым шагом по пути восстановления традиционной русской государственности.

Между тем именно так видели его очень многие современники – мыслители, политики и военачальники,

которые переосмысливали после революции её итоги.

Это и А. И. Деникин, и В. В. Шульгин, и Н. А. Бердяев, и почти все евразийцы.

Именно поэтому с большевиками связали свою судьбу такие знаковые, высокопоставленные представители русского генералитета, как М. Д. Бонч-Бруевич, Н. М. Потапов, В. Ф. Джунковский, А. А. Брусилов и десятки и сотни других военачальников и представителей спецслужб Российской империи.

Откуда взялся новый Февраль в виде перестройки и распада СССР, которые все мы видели в августе 1991 г.? Он появился, как и тогда – под видом «борьбы за демократию».

Напомним схему раскола партии на II съезде в 1903 г.: большевики (Ленин) и меньшевики (Плеханов – Мартов), а между ними так называемый центр (Троцкий).

В чём суть разногласий между большевиками и меньшевиками? В ряде вопросов, но главное: меньшевики, вслед за европейскими оппортунистами, видели путь к социализму через длительное капиталистическое развитие. Почему? Официально объявлялось о равномерности развития капитализма в доимпериалистическую эпоху и, следовательно, об одновременности социалистической революции в ведущих странах, откуда и под руководством которых она перекинется на мировые окраины.

Как на самом деле?

Вот характерное признание Ф. Энгельса: «...Пока сохранялась

³ См. Цзиньпин. Доклад на XIX съезде КПК (18 октября 2017 г.) // URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах от этой монополии» [4]. А в 1882 г. в письме К. Каутскому Энгельс дополнительно разъяснил, что английские рабочие вместе с буржуазией пользуются этой колониальной монополией.

Итак, это исходный, отправной пункт европейского оппортунизма. Наличие колоний переносит упор буржуазной эксплуатации на чужие народы. В этом и состоит феномен «ядра» и «зависимой» периферии, о котором говорит современная мир-системная теория. В этом же – и настоящая разгадка западного оппортунизма. Пойдя на соглашательство с буржуазией, западные марксисты согласились на роль левого фланга в буржуазных двухпартийных системах, о которых Маркс писал, что буржуазия удерживает власть, передавая её из одной руки в другую и обратно. Обратим внимание: Генри Киссинджер – не только политический кукловод, но и талантливый и глубокий историк, называет такие

двухпартийные системы «системами лояльной оппозиции». И оговаривается, что за пределами Запада они не функциональны [5].

Влиятельные масонские источники уточняют и дополняют это положение хорошо известным им фактом: двухпартийность отражает в политике фундаментальный принцип теневого управления при капитализме – партнёрство в буржуазной конкуренции [6].

Можно считать это «конспирологией», невзирая ни на статус источника этой информации – экс-Великого мастера Великой ложи Австрии (1985–1996 гг.) Александра Гизе, ни на сведения о принципах, формах и методах работы тайных обществ, раскрытых ещё 200 лет назад А.Х. Бенкендорфом. А можно обратиться ещё к одной, подзабытой работе Ф. Энгельса «К истории Союза коммунистов» (1885 г.), где чётко сказано, что первые либеральные кружки, из которых потом вышли коммунистические группы, формировались на основе «общин или лож» [7].

Ленинское своеобразие русской и китайской революций

Как шло формирование двухпартийных систем?

В 1914 г. вышел труд К. Каутского «Империализм». В нём предсказывалась фаза ультраимпериализма – поглощения самым сильным национальным империализмом всех

остальных, перехода от монополии в экономике к такой же монополии и глобальному диктату уже в политике. И это-де будет следующая за империализмом стадия развития капитализма. О чём говорил Каутский по сути, за рамками теории, на практи-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 томах. М., 1952. Т. II. С. 398.

⁵ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 739.

⁶ Гизе А. Вольные каменщики. М.: Изд-во Антона Жигульского, 2006. С. 49.

⁷ Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1961.

ке? Он предложил буржуазии классовый мир за счёт перераспределения выгоды от совместной с трудящимися эксплуатации колоний.

Почему Ленин не согласился с Каутским и подверг его жёсткой критике, однозначно настояв на том, что империализм – высшая и последняя стадия капитализма?

Во-первых, потому что у России не было колоний, поэтому буржуазия эксплуатировала русский пролетариат намного сильнее, чем эксплуатировался западный.

Во-вторых, предложив буржуазии классовый мир за счёт колоний, Каутский показал настоящие планы западных марксистов, которые вместе с буржуазией увидели в России будущей объект колониальной эксплуатации по итогам начавшейся войны. И Ленин, скорее всего, понял: в ультраимпериализме Россия окажется под внешним управлением. И решил: если на Западе ультраимпериализм состоится, то без России. Поэтому и взял курс на создание собственной мир-системы, альтернативной империализму и ультраимпериализму.

В одной из последних работ – «О нашей революции» (январь 1923 г.) – Ленин на это указал. Цитата пространная, но она необходима: «...Россия, стоящая на границе стран цивилизованных, и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, Россия потому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие её революцию от всех предыдущих за-

падноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным. ...Если для создания социализма требуется определённый уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот “определённый уровень культуры”, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путём предпосылок для этого определённого уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы. ...Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция. ...Учебник, написанный по Каутскому, был вещью, для своего времени очень полезной. Но пора уже всё-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками» [8].

Говоря о своеобразии восточных революций, Ленин связал судьбу коммунизма с подъёмом национально-освободительного движения. Это – результат почти десятилетних напряжённых теоретических размышлений над концепцией Каутского, соединённых с революционной практикой событий 1917 г. Всё, что он пишет после выхода книжки Каутского «Империализм», после

⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 378–382.

1914 г., – это поиск, как избежать попадания России в ультраимпериализм. И для этого Ленин выдвигает три важнейшие теории:

- теорию империализма и «слабого звена» в неравномерном развитии;
- теорию социалистической революции в отдельно взятой стране (которую И. В. Сталин затем развил в теорию и практику строительства социализма в отдельно взятой стране в условиях капиталистического окружения);
- теорию государства диктатуры пролетариата.

С точки зрения оппортунизма и меньшевизма эти теории считались ересью. На деле это был гигантский шаг в развитии марксизма и переносе его на русскую почву. Поэтому Октябрь стал не только социалистической, но и национально-освободительной революцией. Эту ипостась Великой Октябрьской социалистической революции, соединившей борьбу за социализм с борьбой за национальное освобождение и возрождение, советская общественная наука упустила, а нынешняя, российская, даже не игнорирует, а систематически цинично и планомерно извращает в классовых интересах современной буржуазно-компрадорской правящей элиты.

ЦК КПСС, вступая в «великую полемику» с ЦК КПК, доказывал, что ленинская теория социалистической революции одинакова для всех. Однако с учётом тезиса о своеобразии из работы «О нашей революции» китайская специфика, которую продвигали Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, вполне соответствует ленинизму.

Но и не только.

При жизни Маркса оппортунистические попытки включения марксизма в капиталистические партийные системы потерпели крах.

Так, в документе I Интернационала по Ирландии (1870 г.) Маркс вслед за Энгельсом раскрыл колониальную суть классового мира английской буржуазии с английским пролетариатом и отмежевался от феномена «рабочей аристократии». Однако после смерти Маркса, по мере перехода капитализма в империалистическую стадию, западные марксистские партии своё соглашательство закрепили концептуально. Стало понятно, что революционность марксизма на Западе иссякла, и если он не получит новую жизнь за его пределами, то превратится, по словам Бердяева, в учение о том, «как всем стать буржуа». Марксизм такую жизнь получил в России.

Третий этап эволюции марксизма

Итак, победа социалистической революции в отдельно взятой стране, «слабом звене» империализма, обеспечила переход во второй этап развития марксизма. Лени-

низм, по определению Сталина, – это марксизм эпохи империализма и пролетарских революций [9]. А оппортунизм и меньшевизм никакой не «магистральный путь челове-

⁹ Сталин И. В. Собр. соч. В 16 томах. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1953. Т. 6. С. 71.

ства», а обратный, капитулянтский тренд, предательство революционного марксизма, осуществлённое при участии и под идейным руководством Энгельса.

Придя к гениальному выводу о специфике восточных революций, Ленин провозгласил и подтолкнул третий этап эволюции марксизма, который подхватили в Китае. Больше он ничего не успел, и остаётся лишь догадываться, насколько далеко по этому пути могла пойти Советская Россия, если вместо жесточайшей многолетней борьбы с троцкизмом в своих рядах двинулась бы путём консолидации, творческого развития и практического применения марксистско-ленинской теории.

Но вернёмся к Китаю. Маоизм, вопреки поздней советской пропаганде, никакой не троцкизм, а прямая ему противоположность: идеи Мао – это третий этап развития марксизма, это марксизм-ленинизм, но уже следующей эпохи – ультраимпериализма и национально-освободительных революций. Перестройка – это реванш троцкизма, разворот от большевизма к троцкизму, меньшевизму и оппортунизму. И далее – к реставрации капитализма и включению России в американский ультраимпериализм.

Возможно, не будь в партии «центра» с Троцким, большевики и меньшевики просто разошлись бы по разным партиям. Но это случилось только в мае 1917 г. Поэтому, когда меньшевики сначала стали властью, а затем уехали в эмиграцию, именно Троцкий занял их место и стал неоменьшевистской внутрипартийной оппозицией. Троцкизм – такое же отступление в капитализм из второго,

ленинского этапа эволюции марксизма, как оппортунизм – из его первого, доимпериалистического этапа. Неслучайно Сталин в 1924 г. поставил вопрос ребром: «Троцкизм или ленинизм?»

И здесь вплотную подходим к глобализму. Спекулируя на теме Коминтерна и «Красного проекта», фальсификаторы любят обращаться к теме мировой революции и делают вид, будто это целостная концепция, лишённая противоречий. Но это же не так: между Лениным и Троцким существовали очень большие расхождения, по сути, это были разные концепции мировой революции.

Так, Ленин считал авангардом мировой революции российский пролетариат, а Троцкий – европейский. В этом и заключался его фактический меньшевизм – в приверженности доимпериалистической трактовке одновременного начала социалистической революции во всех развитых странах, за которыми должны потянуться остальные, включая Россию.

Ленинская концепция мировой революции главной движущей силой в каждой стране рассматривала её собственный пролетариат, а Троцкий, раз уж Россия «выбилась из теории», корректировать которую он не собирался, видел движущей силой мировой революции советскую Красную армию как «армию Коминтерна», т. е. ориентировался на экспорт революции.

Получается, что Троцкий считал Россию простой «охапкой хвороста» в мировой пожар. А Ленин, пугая мировой революцией западные элиты, на самом деле запускать её не собирался и держал эту угрозу про запас. Опираясь на массовую

поддержку советской власти трудящимися Запада, он с помощью угрозы мировой революции сдерживал их от агрессии против Советской России.

В докладе на IX конференции РКП(б) в сентябре 1920 г. Ленин отметил, что «приближение нашей армии к Варшаве неоспоримо доказало, что где-то близко к ней лежит центр всей системы мирового империализма, покоящейся на Версальском договоре. Польша, последний оплот против большевиков, находящийся всецело в руках Антанты, является настолько могущественным фактором этой системы, что, когда Красная Армия поставила этот оплот под угрозу, заколебалась вся система» [10].

В связи с этим Ленину вполне достоверно приписываются такие слова, произнесённые на пике советско-польской войны 1920 г.: «Прочь из-под Варшавы! Ещё шаг вперёд, и ничто не удержит большевистскую власть в Москве».

И уже через год, в 1921 г., Ленин признаёт, а в 1922 г. в докладе на IV конгрессе Коминтерна заявляет официально «теоретическую недостаточность» разработки темы мировой революции. Почему?

Помимо указанных объективных причин имелись и субъективные: революционные амбиции склоняли очень многих партийцев, в том числе руководящих, к поддержке провокационной линии Троцкого, что угрожало втягиванием в войну с Западом в крайне невыгодных условиях, когда западная пропаганда вы-

ставила бы Советскую Россию «агрессором».

Воспользовавшись окончательным уходом Ленина с политической авансцены из-за прогрессирующей болезни, Троцкий в начале ноября 1923 г. организовал авантюру «германского Октября», провал которого дал зелёный свет гитлеровскому «пивному путчу», состоявшемуся буквально через две недели. Двигаясь обратно в капитализм, троцкизм не остановился на этапе оппортунизма, а дошёл до прямого сотрудничества с нацизмом.

Из донесения советской разведки от 2 февраля 1936 г.: «В декабре 1935 года Троцкий встретился с заместителем Гитлера Гессом. Было заключено следующее соглашение:

а) гарантировать общее благоприятное отношение к германскому правительству и необходимое сотрудничество с ним в важнейших вопросах;

б) согласиться на территориальные уступки;

в) допустить германских предпринимателей... к эксплуатации таких предприятий в СССР, которые являются необходимым экономическим дополнением к хозяйству Германии;

г) создать в СССР условия, благоприятные для деятельности германских предприятий;

д) развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте... которая должна проводиться по указаниям Троцкого, согласованным с германским Генштабом» [11].

¹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 282.

¹¹ Цит. по: Вахания В. В. Личная секретная служба И. В. Сталина. Сб. документов. М.: Сваголь, 2004. С. 27–28.

За этим последовали соответствующие инструкции троцкистскому подполью в СССР, которые, согласно этому же донесению, были переданы через К. Радека. Заклучив своеобразный пакт с Р. Гессом, Троцкий таким образом соединил IV антисоветский Интернационал с чёрным, нацистским «интернационалом» и приступил к действиям. Поэтому, реабилитируя Троцкого и дискредитируя Сталина, идеологи перестройки во главе с А. Н. Яковлевым и М. С. Горбачёвым сознательно и целенаправленно шли путём Троцкого и пришли к тем же результатам, которых добивался он: расчленили страну и сдали её промышлен-

ность и в целом экономику под внешний контроль.

После войны троцкизм потребовался западным элитам, чтобы воссоздать модель соглашательской двухпартийности на новой основе и с её помощью попытаться дискредитировать путь, на который встал СССР. Сегодня троцкизм является одной из трёх опор глобализма, квинтэссенцией которого выступает неоконсерватизм. Его идеологи и адепты: Р. Чейни, Д. Рамсфелд, П. Вулфовиц, Р. Перл, Дж. Болтон, Дж. Киркпатрик и др. приобрели исключительное влияние во всех американских администрациях, начиная с Р. Рейгана и кончая Д. Трампом.

Троцкизм как идейный источник современного глобализма

Идеологически неоконсерватизм включает либертарианство (смесь либерализма с анархо-универсализмом), христианский сионизм (сумму представлений о «богоизбранности» Израиля, защита интересов которого якобы является долгом христиан) и троцкизм, участие которого в этом переплетении идеологий было обеспечено членами IV Интернационала И. Кристолом и М. Шахтманом.

Наделение неоконсервативного глобализма целостной синтетической идеологией, которую кое-кто пытается вменить Коминтерну, на самом деле было осуществлено Социнтерном. Разработанная с его участием концепция «устойчивого развития», как идеология глобализации, в сочетании с неоконсерватизмом представляет собой её двигатель. Формула глобализации включает два собирательных феномена: «глокализацию»

(разрушение государств с передачей их полномочий вниз и вверх) и «фрагментацию» (разрушение идентичностей с интеграцией экономик). Под это в послевоенном социал-демократизме марксистский фундамент незаметно подменили неонацистским. Очень хорошо начало этого процесса описывает советский биограф К. Аденауэра В. Д. Ежов, который показывает, как оккупационные власти поделили сферы влияния в политическом спектре Западной Германии: американцы отвечали за становление ХДС/ХСС, осуществлявшееся в тесном взаимодействии с Ватиканом, а англичане – за возрождение СДПГ. Так был запущен процесс перерождения левого глобализма в правый, тесно связанный с фашизмом и нацизмом. В глобальный контекст эти тенденции, апробированные в Западной Германии за счёт раз-

ления нацизма на национальную и социальную составляющие, были введены с помощью ряда международных комиссий:

– Независимая комиссия по проблемам международного развития (В. Брандт, 1977 г.);

– Независимая комиссия по вопросам разоружения и безопасности (У. Пальме, 1980 г.);

– Международная комиссия по окружающей среде и развитию (Г.Х. Брунтланд, 1983 г.);

– Комиссия по глобальному управлению и сотрудничеству (И. Карлссон, 1992 г.).

Как видим, все комиссии действовали на платформе ООН, но при этом возглавлялись ведущими представителями руководства Социнтерна – президентом и вице-президентами, они же – неоднократные премьер-министры, главы социал-демократических правительств своих стран, причём именно Германии и скандинавских, близких к ней этнически и цивилизационно.

В чём подоплёка соединения Социнтерна с глобализмом?

В нацизме имелись две доктрины – расовая А. Гитлера и А. Розенберга и социал-федералистская Г. Гимmlера и В. Шелленберга; последнюю, кстати, исповедовал А.А. Власов, отыскивавший своему предательству в том числе идеологические оправдания. Переданная Ш. де Голлю в марте 1945 г., она была положена в фундамент Европейского союза. Вот что говорится в малоизвестном документе, подлинность которого в советском плену прямо была подтверждена обер-

группенфюрером СС Р. Гильдебрандтом, а косвенно – ещё и руководителем одного из рефератов (отделов) гестапо, IV управления РСХА (Главного управления имперской безопасности), К. Нойгаузом.

Этот документ был разработан верховным командованием СС и получил название «Идея мира для Европы 1944/1945».

Вот выдержка из него: «Германия ведёт эту войну ради создания Европейской конфедерации как ассоциативного и социалистического сообщества народов Европы. ...Отказ от всякой претензии на немецкое господство вне естественных этнических границ расселения немецкого народа. ...Создание Соединённых Государств Европы на основе равенства всех вошедших в них народов. Подчинение всех национальных точек зрения этой великой общей цели» [12].

Что это как не прообраз Европейского союза?

В своих мемуарах «Искусство управления государством» М. Тэтчер приводит пример, развивающий эту тему и показывающий, что этот проект жив и реализуется.

Из документа «Размышления о Европе», обнаруженного ХДС/ХСС 1 сентября 1994 г.: «Единственную возможность предотвратить возврат к нестабильной довоенной системе, где Германия оказывается на границах между Востоком и Западом, даёт интеграция центрально- и восточноевропейских соседей Германии в европейскую послевоенную систему и налаживание широкомасштабного сотрудничества с Россией...

¹² Цит. по: *Парвулеско Ж.* Путин и евразийская империя / пер. с фр. В. Карпеца; под общ. ред. А. Г. Дугина СПб.: Амфора, 2006. С. 111.

Если европейская интеграция не будет развиваться, соображения собственной безопасности могут вынудить или подтолкнуть Германию к самостоятельной стабилизации Европы традиционным путём» [13].

Нужно ли объяснять, что это за «традиционный путь», которым ХДС/ХСС угрожала Европе и нашей стране в годовщину начала Второй мировой войны?

Глобализация, глобализм, «устойчивое развитие», европейская интеграция и еврорегионализация – это маршрут переоформления левого глобализма в правый, неофашистский. Доклад Трёхсторонней комиссии «Кризис демократии» ещё в 1975 г. предсказал возрождение в Европе «обновлённого фашизма».

Дословно: «Европа знала трагический период рождения нового мира из руин Первой мировой войны; когда потребовался порядок – возник фашизм. Фашизм и нацизм – это возрождение старых форм авторитета ради необходимого порядка, восстановление которого сопровождалось возвращением к прежним формам социального поведения. Может ли Европа пережить новую такую трансформацию? Может, но несколько иную. Потому что происходит потеря прежних взглядов, воли, чувства миссии, реальной мотивации борьбы за реставрацию морального порядка, за капитализм или нечто похожее и т. д. Однако у нас нет “право-реакционного” движения» – так очерчивал перспективы новой фашизации Европы автор европейского раздела доклада М. Круазье [14].

Более детально и концептуально превращение левого глобализма

в правый оформлено в трудах крупного неоконсервативного идеолога М. Ледина, консультанта Совета национальной безопасности США, гонимого и Пентагона. Ледин считал, что Гитлер и Муссолини допустили роковую ошибку, сделав ставку на расовый фашизм, ибо идеи фашизма, по мнению этого яркого представителя неоконсервативного истеблишмента, универсальны и не имеют национальной принадлежности. Ледин предлагал сделать ставку на «перманентную неофашистскую революцию», только переоформив её для виду в «демократическую», и признавался, что заимствует её у Троцкого. Но оговаривался при этом, что сам Троцкий идеи «перманентной революции» взял у британских спецслужб, которые использовали её для насаждения хаоса на Ближнем Востоке, противодействуя консолидации ислама и разваливая Османскую империю [15]. Провозгласив в 2003 г. «глобальную демократическую революцию», Дж. Буш-мл. двинулся именно этим путём, который и породил феномен «цветных революций» в целом и «арабской весны» в частности.

Как видим, троцкизм с его теорией «перманентной революции» вслед за оппортунизмом и меньшевизмом – это не что иное, как инструменты правого перерождения левых идей; ни смена руководства Коминтерна в 1935 г., ни его роспуск в 1943-м не смогли предотвратить слияния левого уклона с правым, как об этом и предупреждал И. В. Сталин.

¹³ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М.: Алигана Паблшер, 2003. С. 370.

¹⁴ Crozier M. J., Huntington S. P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the Governability to the Trilateral Commission. N.Y.: New York University Press, 1975. P. 49–50.

¹⁵ <http://zavtra.ru/blogs/2006-07-2613>

Главный вывод проведённого анализа: левый глобализм сегодня отсутствует как явление. На эту роль в какой-то мере претендует концепция «единой судьбы человечества», выдвинутая XIX съездом КПК в привязке к «социализму с китайской спецификой в новую эпоху». Но лишь отчасти. Она пока находится практически на нулевом цикле развития и, замыкаясь на внутреннее развитие Китая (концепция «китайской мечты» как цель «великого возрождения китайской нации»), ещё долго не сможет претендовать на подлинный глобализм. К тому же КПК безоговорочно признаёт советское первородство и считает «маяком» человечества Великий Октябрь, от наследия которого нынешний российский идеологический официоз отказывается.

Левый Коминтерн, тему которого эксплуатируют исторические фальсификаторы, не имеет никакого отношения к правым фашистским корням современного глобализма.

Главное содержание современной эпохи – экспансия этого ультраимпериалистического неофашистского глобализма против национальных государств [16]. Когда и если удастся её остановить, обратив глобализацию вспять, вопрос о классовой природе капитализма будет поставлен вновь, но уже в новых исторических условиях.

На новом концептуальном уровне, в основу которого лягут идеи Маркса о «переходе из царства необходимости в царство свободы», соединённые с теорией общественно-экономических формаций (ОЭФ) и мир-системной теорией, а также дополненные рядом идей Ю. И. Семёнова. Таким важнейшим дополнением является введение в теорию ОЭФ феномена параформаций, что позволит органично соединить классовый подход с цивилизационным.

Итак, тема Великого Октября и Коминтерна сегодня не менее злободневна, чем 100 лет назад, и не может рассматриваться в сугубо историческом контексте, ибо по-прежнему встроена в актуальный политический контекст и успешно отвечает на самые острые вопросы современности.

Библиография • References

Вахания В. В. Личная секретная служба И. В. Сталина. Сб. документов. М.: Сварогъ, 2004. – 415 с.

[Vahaniya V. V. Lichnaya sekretnaya sluzhba I. V. Stalina. Sb. dokumentov. M.: Svarogъ, 2004. – 415 s.]

Гизе А. Вольные каменщики. М.: Изд-во Антона Жигульского, 2006. – 128 с.

[Gize A. Vol'nye kamenshchiki. M.: Izd-vo Antona Zhigul'skogo, 2006. – 128 s. – 415 s.]

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. – 849 с.

[Kissindzher G. Diplomatiya. M.: Ladomir, 1997. – 849 s.]

Ленин В. И. ПСС. Т. 41. – 695 с.

[Lenin V. I. PSS. T. 41. – 695 s.]

Ленин В. И. ПСС. Т. 45. – 729 с.

[Lenin V. I. PSS. T. 45. – 729 s.]

¹⁶ Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019.

- Манн С. Реакция на хаос // URL: <http://www.intelros.ru/?newsid=175>
 [Mann S. Reakciya na haos // URL: <http://www.intelros.ru/?newsid=175>]
- Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление // URL: https://royallib.com/read/mann_stiven/teoriya_haosa_i_strategicheskoe_mishlenie.html#61440
 [Mann S. Teoriya haosa i strategicheskoe myshlenie // URL: https://royallib.com/read/mann_stiven/teoriya_haosa_i_strategicheskoe_mishlenie.html#61440]
- Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 томах. М.: Политиздат, 1952. Т. 2. – 516 с.
 [Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya. V 2 tomah. M.: Politizdat, 1952. T. 2. – 516 s.]
- Парвулеско Ж. Путин и евразийская империя / пер. с фр. В. Карпеца; под общ. ред. А. Г. Дугина СПб.: Амфора, 2006. – 447 с.
 [Parvulesko ZH. Putin i evrazijskaya imperiya / per. s fr. V. Karpeca; pod obshch. red. A. G. Dugina SPb.: Amfora, 2006. – 447 s.]
- Си Цзиньпин. Доклад на XIX съезде КПК (18 октября 2017 г.) // URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm
 [Si Czin'pin. Doklad na XIX s'ezde KPK (18 oktyabrya 2017 g.) // URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm]
- Сталин И. В. Собр. соч. В 16 томах. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1953. Т. 6. – 430 с.
 [Stalin I. V. Sobr. soch. V 16 tomah. M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1953. T. 6. – 430 s.]
- Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М.: Алигана Паблшер, 2003. – 504 с.
 [Tetcher M. Iskusstvo upravleniya gosudarstvom. Strategii dlya menyayushchegosya mira. M.: Aligana Pablsheer, 2003. – 504 s.]
- Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019. – 434 с.
 [SHtol' V. V. Rossiya i Zapad: nesostoyavshijsya al'yans, ili Protivostoyanie kak neizbezhnost'. SPb.: Aletejya, 2019. – 434 s.]
- Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1961. С. 214–232.
 [Engel's F. K istorii Soyuza kommunistov // Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2-e. M., 1961. S. 214–232]
- Crozier M. J., Huntington S. P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the Governability to the Trilateral Commission. N.Y.: New York University Press, 1975. – 227 p.
<http://zavtra.ru/blogs/2006-07-2613>

Статья поступила в редакцию 27 ноября 2019 г.

Крымская война и политика Франции в АТР

Пётр ЦВЕТОВ

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. оставила след не только в отечественной, но и зарубежной истории. Одним из её результатов стал переход императора Франции Наполеона III к активной колониальной экспансии прежде всего в Восточной Азии.

Французский колониализм: суть и дело

Как и другие европейские державы, Франция, следуя логике своего внутреннего развития, с начала эпохи Великих географических открытий преследовала цель укрепиться и заполучить владения в Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Самым вожделенным пунктом колониальной экспансии Франции, как и других стран Европы, был Китай. Европейцев завораживали слухи о богатствах этой

огромной страны, возможностях там обогатиться. Для французского текстильного и галантерейного производства особый интерес представлял такой традиционный товар китайского экспорта, как шёлк.

В 1859 г. французский журнал *Revue des Deux Mondes* писал: «Один из продуктов, которые нам поставляет Небесная империя, – шёлк, настолько важен для нас, что мы не можем обойтись без него, не найти его в другом месте» [1].

ЦВЕТОВ Пётр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *SPIN-код*: 7000–1559, *E-mail*: proviet99@mail.ru

Ключевые слова: колониальная политика Франции, Китай, Вьетнам, Наполеон III, Э. Макрон, Азиатско-Тихоокеанский регион.

¹ *Lavallee Ch. Commerce exterieure de la France // Revue des Deux Mondes. 1859. Т. XX. P. 987–988.*

Французские колонизаторы продвигались в Среднюю империю с юга, и поэтому их внимание было обращено на Индокитайский полуостров. Многие европейцы полагали тогда, что проникнуть в Китай можно по р. Меконг, которая берёт своё начало на территории Китая, течёт на юг по территории, населённым тайцами, лаосцами, кхмерами и вьетнамцами, и впадает в Южно-Китайское море. Только в XX в. стало ясно, что это невозможно сделать из-за порогов в среднем течении этой великой реки.

Французская колониальная экспансия на Индокитайском полуострове началась с конца XVIII в. Тогда Париж установил договорные отношения с вьетнамской династией Нгуен, его представители находились при дворе императора Зя Лонга. Однако при приемниках Зя Лонга на троне (после 1820 г.) отношение к французам стало меняться, в том числе из-за чрезмерной активности французских католических проповедников, чьи действия правительством Вьетнама были расценены как вмешательство во внутренние дела страны.

Режим Второй империи во Франции, установившейся в декабре 1852 г., вошёл в историю как бонапартистская диктатура. Как отмечал

русский учёный П. П. Черкасов, «сама природа бонапартизма требовала экспансии» [2]. Связано это было и с тем, что Наполеон III опирался на армию, которая жаждала заморских военных экспедиций, благоволил католикам, которые вели активную миссионерскую деятельность во Вьетнаме и на юге Китая. Но самое главное – к колониальной экспансии Наполеона подталкивало бурное развитие капитализма в стране. Будущий премьер-министр Франции (в 1880–1881 гг.) Жюль Ферри писал: «Колониальная политика – дочь промышленной политики» [3, с. 49].

Американский профессор Д. Ф. Кэйдди в книге «Корни французского империализма в Восточной Азии» объяснял французскую завоевательную политику в Китае и Вьетнаме стремлением к распространению христианства, англо-французским соперничеством, давлением клерикалов на правительство Наполеона III, погоней этого правительства за «престижем», желанием французов показать своё культурное превосходство [3, с. 47]. С указанными Кэйдди факторами можно согласиться, нельзя только простить ему игнорирование внутриэкономических стимулов колониальной экспансии, а они были главными.

Победа в Крымской войне – триггер колониальной экспансии

Однако до Крымской войны у Наполеона III было мало возможностей развернуться в полную силу в

Юго-Восточной Азии. В том числе их ограничивала традиционная франко-британская вражда. Англи-

² Черкасов П. П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М.: Наука, 1983. С. 63.

³ Цит. по: Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.

чане доминировали тогда на морях, омывавших берега Вьетнама и Китая, и препятствовали деятельности французов в этом регионе. В 1850 г. в китайских водах побывало четыре французских корабля, а британских 374 [4].

В годы Крымской войны можно говорить о формировании союзнических отношений между Парижем и Лондоном. Британская дипломатия теперь рассчитывала на поддержку своих действий в Азии со стороны Франции, и сама была готова поддержать её колониальную экспансию. Но самое главное, что подтолкнуло активизацию французских колониальных захватов, был успешный для Франции итог Крымской войны. Победа в Крыму вдохнула новые силы во французскую колониальную политику, подстегнула личные амбиции Наполеона III. (Одним из характерных примеров амбициозности Наполеона может служить его авантюра в Мексике, где он в начале 60-х годов XIX в. пытался силой оружия привести к власти своего ставленника Максимилиана.) Армия и флот Франции тоже уже были готовы к колониальным походам.

В апреле 1857 г. Наполеон учредил комиссию из представителей министерств иностранных дел, флота, земледелия, торговли и общественных работ, которая пришла к заключению о необходимости напасть на Вьетнам, а в качестве предложения использовать казни миссионеров. 25 ноября 1857 г. император

подписал указ о посылке экспедиционного корпуса во Вьетнам. Адмиралу Риго де Женуи, который тогда командовал французской эскадрой, находившейся у берегов Китая, было предписано захватить бухту в районе современного г. Дананга. Адмирал принадлежал к числу самых ярых сторонников захвата Вьетнама.

Чтобы привлечь внимание французских политиков к Вьетнаму, он, в частности, писал: «Сайгон призван стать центром огромной торговли, как только его река будет открыта для европейцев. Страна великолепна, богата всеми видами продуктов – рисом, хлопком, сахаром, табаком, строительным лесом – всего в изобилии; а поскольку многочисленные притоки реки ведут в глубь страны, там открываются неисчислимые ресурсы, по крайней мере для вывоза» [5].

Результатом вооружённой кампании французов в 1859–1861 гг. был захват трёх провинций в южной части Вьетнама. Современники отмечали при этом отчаянное сопротивление вьетнамцев, которые в окрестностях Сайгона начали «окапываться, как Тотлебен в Севастополе» [6].

Вьетнамский императорский двор, потерпев поражение на поле боя, предпринял попытку вернуть провинции дипломатическим путём. В Париж было направлено посольство во главе с высокопоставленным чиновником двора Фан Тхань Зяном. В Париже посольство не сразу, но приняли, однако возвращать провинции отказались. Вероятно, для острастки показали вьетнамцам па-

⁴ Дементьев Ю. П. Колониальная политика Франции в Китае и Индокитае (1844–1862). М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 47.

⁵ Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. М.: Мысль, 1973. Кн. 1. С. 75.

⁶ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Смоленск: Русич, 2001. Т. 6. Кн. 2 // URL: http://yakov.works/history/19/56/laviss_39.htm

нораму «Битва за Севастополь», которая тогда экспонировалась во французской столице.

В 1999 г. в Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) были изданы записки секретаря той вьетнамской делегации Фам Фу Тхы, в которых дано описание панорамы и кратко излагается история Крымской войны.

Небезынтересно, как вьетнамец со слов французов изложил в своём дневнике причины и итоги Крымской войны: «Турция когда-то имела дружеские отношения с Россией, но Россия, почувствовав свою силу, сначала захватила это море (Чёрное.– Авт.), а затем вознамерилась захватить территорию Турции. Турки обратились к Франции и Англии. Франция и Англия также были озабочены тем, что Россия может нанести поражение туркам. И видя, что она (Россия.– Авт.) укрепляется, они двинули военные корабли на помощь Турции и совместными усилиями ударили по этому городу (Севастополю.– Авт.). За 11 месяцев боёв потери составили: русская армия потеряла 300 тыс. человек, а французская и английская армии потеряли более 200 тыс. человек. Французы, чтобы захватить город, рыли подземные ходы. Русская армия запросила мира, и тогда французы сразу согласились прекратить военные действия» [7].

В ходе других посещений высокопоставленные вьетнамские чиновники убедились в военной мощи и техническом превосходстве Франции.

В 1884 г. весь Вьетнам был полностью аннексирован Францией. Примечательно, что на карте вьетнамских городов появились тогда имена французов – политиков, военачальников, учёных и литераторов, среди которых оказался П. де Мак-Магон – генерал, захвативший во время Крымской войны в сентябре 1855 г. Малахов курган в Севастополе, а в 1873–1879 гг. он занимал пост президента Франции.

Эйфория от победы в Крымской войне подтолкнула Наполеона расширить экспансию не только на Дальнем Востоке, но и в Африке. Был завершён захват Алжира, началось закабаление Туниса, Ливана. В 1862 и 1868 гг. Франция навязала Мадагаскару неравноправные договоры «о мире и дружбе».

Герой Севастополя генерал Мак-Магон не участвовал в колониальном захвате Вьетнама, но в 1858 г. он был назначен главнокомандующим всех морских и сухопутных сил Франции в Алжире.

«Тихоокеанский разворот» Макрона

Французские колонизаторы оставили Вьетнам в 1954 г. после поражения в войне с вьетнамскими коммунистами и по решению Международной конференции в Женеве. После этого Париж долгое время демонстрировал определённую пассивность в отношении этого региона. Исключением, пожалуй, был конец 80-х – начало 90-х годов, когда Франция под-

ключилась к дипломатическому урегулированию гражданской войны в Камбодже и стала в октябре 1991 г. хозяйкой международной конференции, на которой были приняты документы, направленные на всеобъемлющее политическое урегулирование камбоджийского конфликта.

Поэтому особое внимание обратила на себя активность нынешнего

⁷ Pham Phu Thu (*Quang Uyen dich*). Nhat ky di tay. Da Nang., 1999. Tr. 178–180.

президента Франции Э. Макрона в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Её даже назвали «Тихоокеанский разворот Франции» [8]. И хотя начался он ещё при президенте Ф. Олланде, именно Э. Макрон с присущей ему амбициозной активностью придал этому развороту заметную всему миру широту и глубину. В 2018 г. французский президент посетил Китай, Индию, Австралию, где всячески обосновывал, что Франция является тихоокеанской державой. Считается, что именно во время этой поездки Э. Макрон открыл новый этап в отношениях Франции с Индо-Тихоокеанским регионом (ИТР) [9].

Кроме очевидного стремления французского президента заявить о величии Франции и её правах участвовать в глобальных процессах, что роднит Э. Макрона с императором Наполеоном III, у французов есть определённые основания позиционировать себя в качестве тихоокеанской державы. В Париже считают, что на просторах Индийского и Тихого океанов проживает более 1,5 млн французских граждан. Имеются в виду жители таких заморских департаментов Французской Республики, как Полинезия, Новая Каледония, Реюньон и Майотта. Кроме того, порядка 200 тыс. французов работают в странах региона (иными словами, находятся там в длительной заграничной командировке).

Франция тесно связана с регионом торговыми нитями. 34% французского экспорта (вне зоны ЕС) идёт в страны Индо-Тихоокеанского региона, и 40% французского импорта (вне зоны ЕС) поступает оттуда.

Говоря о торговых связях Франции с регионом, нельзя не отметить, что ИТР – важнейший рынок продаж продукции французского военно-промышленного комплекса.

Сегодня Франция занимает 3-е место (после США и России) среди поставщиков вооружения странам региона. Причём объёмы этой торговли растут (в 2018 г. на 30%) и достигли по стоимости 9,1 млрд долл. [10]. Особенно успешно у Франции идёт торговля оружием с Австралией, Малайзией и Сингапуром.

Обращает на себя внимание то, что Париж не просто стремится расширить свои связи со странами АТР, он увеличивает своё военное присутствие в регионе.

У Франции в регионе, который сегодня за рубежом принято называть Индо-Тихоокеанским, расквартированы 7 тыс. военнослужащих (4100 чел. в Индийском океане и 2900 чел. в Тихом), постоянно присутствуют военные корабли (15) и самолёты (21), которые базируются в Новой Каледонии и во Французской Полинезии [11].

В апреле 2019 г. Тайваньским проливом прошёл фрегат «Вандемьер», что вызвало весьма негативную реакцию в Пекине: Франции отказали в приглашении на празднование 70-летия Народно-освободительной армии Китая. Несмотря на нега-

⁸ *Le Core Ph., O'Hanlon M.* France's Pivot to Asia: It's more than Just Submarines // URL: <https://nationalinterest.org/feature/frances-pivot-asia-its-more-just-submarines-16117>

⁹ *The Indo-Pacific region: a priority for France* // URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/asia-and-oceania/the-indo-pacific-region-a-priority-for-france/>

¹⁰ *Nason I.* The French Pacific Pivot // URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/resource/the-french-pacific-pivot/>

¹¹ *France and security in Indo-Pacific 2019* // URL: <https://www.defence.gouv.fr/prime/version/file/>

тивную позицию КНР, министр обороны Франции Ф. Парли объявила (май 2019 г.) на Международной конференции Шангри-Ла в Сингапуре, что Франция будет направлять свои корабли в Южно-Китайское море как минимум дважды в год [12].

Французские военные также участвуют в одной полувоенной структуре с Австралией и Новой Зеландией – *FRANZ* (создана в 1992 г. для координации действий трёх стран в оказании помощи при чрезвычайных ситуациях островным государ-

ствам южной части Тихого океана). В 90-е годы Франция вместе с Австралией, Новой Зеландией и США создала Четырёхстороннюю группу по координации действий по обеспечению безопасности (в юго-западной части Тихого океана), которая известна под аббревиатурой *South-West QUAD*. Французские военные в рамках этой группы помогают властям островных государств Тихого океана бороться с пиратством [13].

Две стороны одной китайской медали

Основным направлением внешней политики Франции в Азиатско-Тихоокеанском регионе при Макроне, как и при Наполеоне III, является Китай. В должности президента Франции Э. Макрон шесть раз встречался с лидером КНР Си Цзиньпином. Особое значение во франко-китайских отношениях имели визиты французского президента в Китай в 2018 и 2019 гг. Во время этих визитов были подписаны многомиллиардные торговые и инвестиционные сделки, которые касались таких отраслей, как нефтегазовая промышленность, самолётостроение и др. [14].

В свой первый визит (январь 2018 г.) Э. Макрон, одним из первых

в ЕС, поддержал выдвинутую Си Цзиньпином концепцию «Один пояс – один путь», а во время второго визита (ноябрь 2019 г.) лидеры Франции и КНР единодушно высказались в поддержку Парижского соглашения по климату (2015 г.) [15].

Речи и документы, обнародованные по итогам этих визитов Э. Макрона, свидетельствуют, что стороны едины в поддержке принципов мультилатерализма, свободной торговли, открытости мировой экономики.

Зарубежные наблюдатели обратили внимание на то, что во время визитов в КНР Э. Макрон стремился выступать от имени всего ЕС. Дей-

¹² Heydaryan R.J. Coalition of the willing builds in South China Sea // URL: <https://www.asiatimes.com/2019/06/article/coalition-of-the-willing-builds-in-south-china-sea/>

¹³ Goiran H. The role of the French military on key issues for Oceania // *Asia Pacific Bulletin*. № 416 // URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/the-role-the-french-military-key-issues-oceania>

¹⁴ China and France sign deals worth \$15 billion during Macron's visit // URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-france-macron/china-and-france-sign-deals-worth-15-billion-during-macrons-visit-idUSKBN1XG0N>

¹⁵ China, France reaffirm support of Paris climate agreement, call it "irreversible" // URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-france-paris-agreement/china-france-reaffirm-support-of-paris-climate-agreement-call-it-irreversible-idUSKBN1XG0QJ>

ствительно, основные вопросы, которые волнуют Париж, совпадают с теми, которые вызывают озабоченность европейских столиц. Это прежде всего дефицит в торговле с Китаем (для Франции в 2018 г. он равнялся 29 млрд долл.). Поэтому неслучайно, что во время визитов Э. Макрон выразил пожелание, чтобы китайский рынок больше открылся для европейских товаров.

Также озабоченность европейцев вызывают акции китайских правоохранительных органов в отношении демонстрантов в Гонконге и мусульман в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Перед ноябрьским (2019 г.) визитом Э. Макрона в КНР правозащитная организация *Human Rights Watch* направила ему письмо, в котором выражала пожелание, чтобы французский президент, будучи в Пекине, призвал правительство КНР закрыть лагерь «политического воспитания» в Синьцзяне и подтвердить, что фундаментальные права и законы жителей Гонконга будут соблюдаться. Э. Макрон проигнорировал эту просьбу.

Есть ещё один вопрос в отношениях с Китаем, который объединяет сегодня большинство европейских столиц, – это тревога из-за экономического и политического возвышения КНР, его растущей военной мощи и активности в АТР. Находясь

на территории гостеприимного Китая, Э. Макрон не касался этого вопроса, но он активно его муссировал во время своего визита в Австралию (май 2018 г.). Там, не называя никого по имени, французский президент заявил: «Важно, чтобы в этом новом контексте (китайского возвышения. – Авт.) ни у кого не было гегемонии» [16].

Ещё раньше вместе с другими странами ЕС Франция высказалась по поводу действий Китая в Южно-Китайском море, которое Пекин на 80% считает своим.

В марте 2016 г. Верховный комиссар ЕС по вопросам международных отношений и безопасности Ф. Могерини обнародовала заявление по поводу ситуации в Южно-Китайском море, в котором говорилось: «ЕС привержен поддержанию законного порядка на морях и океанах, основанного на принципах международного права, что нашло своё отражение, в частности, в Конвенции ООН по морскому праву (ЮНКЛОС). Это включает в себя обеспечение безопасности на море, безопасности и сотрудничества, свободы судоходства и полёта. Не занимая определённой позиции в отношении претензий на сухопутную территорию и морское пространство в Южно-Китайском море, ЕС настоятельно призывает всех претендентов урегулировать споры мирными средствами, разъяснить основания своих претензий и добиваться их удовлетворения в соответствии с международным правом, включая ЮНКЛОС и её арбитражные процедуры» [17].

Таким образом, очевидно, что Франция, как и во времена Ш. де Голля (ещё один возможный пример для подражания Э. Макрона), продолжает проводить в определённых аспектах самостоятельную от Белого дома поли-

¹⁶ French President Emmanuel Macron vows to stand against Chinese “hegemony” in Asia-Pacific during trip to Australia // URL: <https://www.scmp.com/news/asia/diplomacy/article/2144344/french-president-emmanuel-macron-vows-stand-against-chinese>

¹⁷ Declaration by the High Representative on behalf of the EU on Recent Developments in the South China Sea // URL: http://eeas.europa.eu/archives/delegations/china/press_corner/all_news/news/2016/20160314_en.htm

тику. Сближение Парижа и Пекина нельзя рассматривать в отрыве от сегодняшних американо-китайских отношений.

Как считает профессор Баптистского университета в Гонконге Ж.-П. Кабестан, «американская тарифная война подтолкнула Китай к более близким связям с Францией и другими европейскими странами» [18]. Однако тот же эксперт не считает, что европейцы могут «присоединиться к Китаю против Трампа» [18].

Действительно, торговля – это то направление, где европейцы могут играть свою игру, тем более что она похожа на то, что пытается проделать Трамп, т. е. устранить дисбаланс в торговле с Китаем.

Что касается военно-политической сферы, то здесь действуют иные мотивы, прежде всего общее членство в блоке НАТО, которая, как явствует из документов последнего саммита альянса, считает возвышение КНР «вызовом» для себя [19].

Военная составляющая политики Э. Макрона в Азиатско-Тихоокеанском регионе получает одобрение Вашингтона. Главком Тихоокеанского командования ВМС США Г. Харрис в одном из своих публичных выступлений в 2018 г. приветствовал «растущую вовлечённость Франции в регионе» [13]. Очевидно, что индо-тихоокеанская политика Э. Макрона укрепляет евроатлантизм.

На место популярной в XIX в. «дипломатии канонерок» приходит «дипломатия авианосцев».

Библиография • References

Дементьев Ю. П. Колониальная политика Франции в Китае и Индокитае (1844–1862). М.: Изд-во восточной литературы, 1958.– 202 с.

[*Dement'ev YU. P.* Kolonial'naya politika Francii v Kitae i Indokitae (1844–1862). M.: Izd-vo vostochnoj literatury, 1958.– 202 s.]

Евсеев В. С соседями – дружим, в вооружение – вкладываем: главные темы заседания НАТО // URL: <https://tj.sputniknews.ru/analytics/20191205/1030345387/S-sosedyami—druzhim-v-vooruzhenie—vkladyvaem-glavnye-temy-zasedaniya-NATO.html>

[*Euseev V.* S sosedyami – druzhim, v vooruzhenie – vkladyvaem: glavnye temy zasedaniya NATO // URL: <https://tj.sputniknews.ru/analytics/20191205/1030345387/S-sosedyami—druzhim-v-vooruzhenie—vkladyvaem-glavnye-temy-zasedaniya-NATO.html>]

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Смоленск: Русич, 2001. Т. 6. Кн. 2 // URL: http://yakov.works/history/19/56/laviss_39.htm

[*Laviss E., Rambo A.* Istoriya XIX veka. Smolensk: Rusich, 2001. T. 6. Kn. 2 // URL: http://yakov.works/history/19/56/laviss_39.htm]

Международные отношения на Дальнем Востоке. М.: Мысль, 1973. Кн. 1.– 294 с.

¹⁸ Macron to raise 'taboo' topics during China visit // URL: <https://www.france24.com/en/20191104-french-president-macron-to-raise-taboo-topics-during-china-visit>

¹⁹ *Евсеев В.* С соседями – дружим, в вооружение – вкладываем: главные темы заседания НАТО // URL: <https://tj.sputniknews.ru/analytics/20191205/1030345387/S-sosedyami—druzhim-v-vooruzhenie—vkladyvaem-glavnye-temy-zasedaniya-NATO.html>

- [Mezhdunarodnye otnosheniya na Dal'nem Vostoke. M.: Mysl', 1973. Kn. 1.– 294 s.]
- Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.– 899 с.
- [*Narochnickij A. L.* Kolonial'naya politika kapitalisticheskikh derzhav na Dal'nem Vostoke. 1860–1895. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956.– 899 s.]
- Черкасов П. П.* Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М.: Наука, 1983.– 183 с.
- [*Cherkasov P. P.* Sud'ba imperii. Ocherk kolonial'noj ekspansii Francii v XVI–XX vv. M.: Nauka, 1983.– 183 s.]
- China and France sign deals worth \$15 billion during Macron's visit // URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-france-macron/china-and-france-sign-deals-worth-15-billion-during-macrons-visit-idUSKBN1XG0N>
- China, France reaffirm support of Paris climate agreement, call it “irreversible” // URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-france-paris-agreement/china-france-reaffirm-support-of-paris-climate-agreement-call-it-irreversible-idUSKBN1XG0QJ>
- Declaration by the High Representative on behalf of the EU on Recent Developments in the South China Sea // URL: http://eeas.europa.eu/archives/delegations/china/press_corner/all_news/news/2016/20160314_en.htm
- France and security in Indo-Pacific 2019 // URL: <https://www.defence.gouv.fr/prime/version/file/>
- French President Emmanuel Macron vows to stand against Chinese “hegemony” in Asia-Pacific during trip to Australia // URL: <https://www.scmp.com/news/asia/diplomacy/article/2144344/french-president-emmanuel-macron-vows-stand-against-chinese>
- Goiran H.* The role of the French military on key issues for Oceania // Asia Pacific Bulletin. № 416 // URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/the-role-of-the-french-military-key-issues-oceania>
- Heydaryan R. J.* Coalition of the willing builds in South China Sea // URL: <https://www.asiatimes.com/2019/06/article/coalition-of-the-willing-builds-in-south-china-sea/>
- Lavallee Ch.* Commerce exterieure de la France // Revue des Deux Mondes. 1859. T. XX.
- Le Core Ph., O'Hanlon M.* France's Pivot to Asia: It's more than Just Submarines // URL: <https://nationalinterest.org/feature/frances-pivot-asia-its-more-just-submarines-16117>
- Macron to raise 'taboo' topics during China visit // URL: <https://www.france24.com/en/20191104-french-president-macron-to-raise-taboo-topics-during-china-visit>
- Nason I.* The French Pacific Pivot // URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/resource/the-french-pacific-pivot/>
- Pham Phu Thu (Quang Uyen dich).* Nhat ky di tay. Da Nang., 1999.
- The Indo-Pacific region: a priority for France // URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/asia-and-oceania/the-indo-pacific-region-a-priority-for-france/>

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2019 г.

Болгария на пути к Четверному союзу и политика Российской империи

Станислав АГУРЕЕВ

Проблема ревизии истории

В последние годы в связи с прошедшими столетними юбилеями Балканских и Первой мировой войн оживилась дискуссия, имеющая многоуровневый характер (так как вышла далеко за рамки работ профессиональных историков и приобрела политическую актуальность) о степени вины участников за начало этих войн. Сегодня на Западе нередко наряду с указанием об исторической ответственности стран Четверного союза* за развя-

зывание мировой войны, делается акцент на политику Сербии и России и события июльского кризиса**, предпринимается попытка разделить историческую вину со всеми странами – участницами конфликта. Ревизионистский подход к истории мировых войн и стремление к пересмотру устоявшихся научных положений, поиск виновных в угоду политическому моменту с целью снять историческую вину с истинных «поджигателей» войн в послед-

АГУРЕЕВ Станислав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Международных отношений Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* stas.agureev@mail.ru

Ключевые слова: Болгария, Четверной союз, Россия, Сербия, Османская империя, Первая мировая война.

* Военно-политический блок при участии Германии, Австро-Венгрии, Османской империи и Болгарии. Окончательно сложился к октябрю 1915 г. с присоединением Болгарии. Распался осенью 1918 г. после того, как Османская империя, Болгария и Австро-Венгрия заключили перемирие с Антантой.

** Июльский кризис 1914 г. был спровоцирован ультиматумом правительства Австро-Венгрии к Сербии в июле 1914 г. в ответ на убийство в Сараево наследника Габсбургской династии Франца Фердинанда. Отказ Сербии от удовлетворения представленных требований послужил поводом к началу Первой мировой войны.

нее время становится всё более популярным в странах Запада и реализующийся подобный подход через СМИ, где Сербии всё чаще отводится роль организатора убийства в Сараево, а не жертвы экспансионистских планов Австро-Венгрии и Германии. Происходит подмена понятий, когда жертва объявляется злодеем.

Известный сербский историк Миле Белаяц в книге «Кому нужна ревизия истории?» [1, с. 18] отмечает, что в рамках научной дискуссии 2014 г. об исторической вине отдельных стран за начало Первой мировой войны целый ряд западных историков: К. Кларк [2], Ш. Макмикин [3], М. Корнуолл [4] и др. поддержали пересмотр причин Балканских и Первой мировой войн.

Наиболее категорично в своих обвинениях Сербии и Российской империи за начало июльского кризиса, последовавшего за убийством в Сараево австрийского наследника престола Франца Фердинанда, выступает, ставший в последние годы рупором ревизионистов К. Кларк, склонный видеть за сараевским убийством руку премьер-министра Сербии Николы Пашича*. При этом К. Кларк, очевидно, игнорирует тот факт, что отсутствуют сколько-нибудь убедительные документальные

доказательства даже осведомлённости сербского премьер-министра о готовящемся в Боснии и Герцеговине покушении.

«Предпринимаются практические шаги, – отмечает сербский историк М. Белаяц, – нацеленные на обесценивание достигнутых ранее научных результатов, их игнорирование и замалчивание» [1].

Подобная ревизия истории, по мнению М. Белаяца, является следствием желания пересмотреть исторические итоги не только Первой мировой, но и Второй, фактически заново назначив виновных. В трудах указанных западных историков преобладает односторонний подход, на основании которого пытаются снять историческую вину за развязывание Первой мировой войны с Германии, включив в состав её инициаторов Россию и Сербию. При этом делается обобщающий вывод о том, что именно балканский фактор стал ключевым, спровоцировавшим мировую войну, а сама она началась из-за политики Сербии.

С принципиально иных позиций рассматривают события Балканских и Первой мировой войн, а следовательно, и историческую ответственность известные российские историки: О. Р. Айрапетов [5], И. С. Рыба-

¹ Белаяц М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М.: Алгоритм, 2015.

² Clark C. Sleepwalkers: How Europe went to War in 1914. L., 2012.

³ McMeekin S. The Russian Origins of the First World War. Harvard: The Belknap press, 2011.

⁴ Cornwall M. Serbia. Decision for War 1914. N.Y.: St. Martin Press, 1995.

⁵ Айрапетов О. Р. Балканы в стратегии Антанты и её противников (1914–1918 гг.) // Новая и Новейшая история. 2003. № 5.

* Никола Пашич – премьер-министр Сербии, русофил, идеолог создания «Великой Сербии». Премьер-министр Сербии в 1891–1892 гг., 1904–1905 гг., 1906–1908 гг., 1909–1911 гг., 1912–1918 гг., а также Королевства Сербов, хорватов и словенцев (КСХС) в 1918 г., 1921–1924 гг., 1924–1926 гг., один из главных государственных деятелей Сербии за всю её историю.

ченое [6], Н.А. Нарочницкая [7], Е.Ю. Сергеев [8], Б.М. Туполев [9], указывая на стремление Центральных держав* столкнуть страны Балканского союза между собой и тем самым создать исторические предпосылки к будущей мировой войне. Схожих позиций придерживаются и сербские историки [10], делая акцент в своих исследованиях на политический курс Австро-Венгрии, направленный на разрушение Балканского союза** и противопоставление Болгарии и Сербии.

Сегодня как нельзя более актуальными являются не только вопросы, связанные с политикой Германии и Австро-Венгрии в Европе накануне Балканских и Первой мировой войн, но и политическая трансформация курса внешней политики Болгарии на Балканах – от политики лавирования между державами до фактического присоединения к странам Четверного союза и вступления в Первую мировую войну в 1915 г. В советской историографии рассмотрение вопросов, связанных с участием болгар в Первой мировой войне, практически не получило должного освещения, так

как в рамках участия Болгарии в Организации Варшавского договора и СЭВ поднимать подобные вопросы было политически некорректно.

Исторически Болгария входила в состав то Римской, то Османской империй, исключение – непродолжительные периоды развития собственной государственности в периоды раннего Средневековья. Но даже и тогда болгарская государственность столкнулась с вызовом византийской экспансии, что в условиях разобщенности национальной политической элиты привело сначала к падению Западно-Болгарского царства и последующему греческому господству, а затем – и к дезинтеграции Второго Болгарского царства (1393 г.).

Трудно переоценить и последствия османского завоевания страны, когда с утратой собственной государственности болгары оказались потеряны и опыт развития единого государства, так как в условиях «туркократии» народы, подвергшиеся турецкому завоеванию, оказывались перед перспективой потери национальной идентичности и рабства [11]. Почти 500-летний период нахождения болгар под вла-

⁶ Рыбаченко И. С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН, 2012.

⁷ Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004.

⁸ Сергеев Е. Ю. Роль Восточного фронта в Первой мировой войне // Актуальные проблемы истории первой мировой войны / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014.

⁹ Туполев Б. М. Германская политика на Балканах накануне Первой мировой войны // В «покроховом погребе Европы» / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Индик, 2003.

¹⁰ Antic C. Ralph Paget, A Diplomat in Serbia. Belgrade, 2006.

¹¹ Форбс Н. История Балкан. Болгария, Сербия, Греция, Румыния, Турция от становления государства до Первой мировой войны. М.: Центрполиграф, 2018. С. 41.

* Центральные державы (Mittelmächte) – военно-политический блок Германской, Австро-Венгерской и Османской империй и Болгарского царства, противостоял странам Антанты в Первой мировой войне.

** Балканский союз – военно-политический блок в составе Сербии, Черногории, Болгарии и Греции, направленный против Османской империи. Действовал с весны 1912 до лета 1913 г.

стью турок привёл практически к полному разрыву с прежней политической традицией болгарской государственности, но не смог вытравить из исторической памяти народа воспоминаний о периоде наибольшего величия и процветания Первого Болгарского царства в правление царя Симеона.

Ключевой особенностью болгарской государственности, в отличие от Сербии, Черногории, Греции и других балканских земель, было то, что после 1878 г. объединение страны происходило не по воле политической элиты или представителей политических партий, а благодаря национальному подъёму в Восточной Румелии, Фракии и Македонии, в которых происходило становление сил, стремившихся к объединению в единое болгарское государство. Этот процесс наиболее ярко проявлялся в Восточной Румелии и Македонии, остававшихся после Берлинского конгресса (1878 г.) провинциями Османской империи.

В результате в Восточной Румелии произошло Пловдивское восстание (1885 г.), изменившее судьбу всей Болгарии, так как началось стихийное объединение южных областей страны с болгарским княжеством, что вылилось в сербско-болгарскую войну 1885–1886 гг., причиной которой стало непризнание Сербией результатов начавшегося объединения болгар.

Следует отметить, что болгарский князь Александр Баттенберг не был инициатором объединения страны, но был вынужден поддержать его, потому что любой отказ от политики

объединения страны был бы расценен в тех условиях как предательство национальных интересов. Позиция Александра Баттенберга привела к отречению от престола, так как активизация Болгарией своей внешней политики расходилась с российскими политическими интересами: любое обострение обстановки на Балканах было невыгодно России и могло привести к большой войне с Германией и Австро-Венгрией.

Ещё большее значение для политической трансформации Болгарии из княжества в королевство имел македонский вопрос*, на долгие годы ставший краеугольным камнем всей болгарской политики. В этом смысле идея возврата исторических земель с первой столицей Болгарии в Охриде воспринималась большинством политических сил в стране как наиболее важная историческая задача. Однако необходимо отметить, что любая попытка решения македонского вопроса неизбежно вела к столкновению Болгарии с Сербией и Грецией, хотя само объединение было заложено этническими особенностями региона – преобладанием в Македонии болгарского населения, жившего под османским игом и стремившегося к единству с исторической родиной. Именно это и стало основным фактором революционных событий в Македонии.

Однако тема болгарской национальной революции получила крайне слабое освещение в отечественной исторической литературе: данному вопросу посвящено лишь одно ком-

* Македонский вопрос – вопрос о политическом единстве Болгарии и Македонии как её составной части. Был поднят после Берлинского конгресса 1878 г. Болгарией в связи с тем, что Македония оставалась под властью Османской империи. Болгария стремилась к решению данного вопроса, что стало причиной её участия в Балканских войнах 1912–1913 гг.

плексное исследование российского историка Д. О. Лабаури [12], убедительно показавшего причины македонского восстания в начале XX в.

Именно провозглашение независимости Болгарского царства (1908 г.) болгарским князем Фердинандом Саксен-Кобургом перевело решение македонского вопроса из области партизанской борьбы отдельных революционных групп, или четы, в самой Македонии в политическую плоскость, потому что появление независимого болгарского государства означало начало борьбы за историческое воссоединение с Македонией. Политический момент был выбран как нельзя более удачно: в 1908 г. разразился Боснийский кризис*, и позиции Сербии были ослаблены из-за аннексии Австро-Венгрией территории Боснии и Герцеговины. Создание независимой Болгарии как результат Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заставило либеральную интеллигенцию страны задуматься над идеей создания Великой Болгарии.

Именно Сан-Стефанский мирный договор (февраль 1878 г.) породил необоснованные надежды на создание Великой Болгарии, владеющей маке-

донскими землями и выходами к четырём морям. Последовавший за этим пересмотр условий Сан-Стефано на Берлинском конгрессе (июль 1878 г.) при участии великих держав, уменьшавший территорию Болгарского княжества на две трети, был воспринят политической элитой страны, народом и партиями как национальное унижение и породил стремление к воссоединению с Восточной Румелией, а затем и с другими землями.

Следует согласиться с оценкой одного из российских историков о Сан-Стефанском договоре, который не учитывал политической обстановки в Европе [13]. Однако сан-стефанские условия были восприняты болгарским народом и политической элитой как образ болгарского государства, над созданием которого следует работать. Осуществление данного политического проекта было сопряжено с обострением пограничных споров между балканскими странами и как следствие – военным противостоянием с соседями, которые тоже начали собственное государственное строительство. Именно в этом следует искать корни зарождения болгарского экспансионизма.

Балканские войны 1912 – 1913 годов и политика Болгарии

Вопрос создания Великой Болгарии стал центральным в деятельности политических партий страны,

и готовность различных сил к его решению во многом определялась политической ориентацией этих сил

¹² *Лабаури Д. О.* Евангелие и револьвер. Социальные и психологические основы болгарской национальной революции в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2018.

¹³ *Княпина Н. С.* Горчаков // Вопросы истории. 1997. № 12.

* Боснийский кризис 1908 г. возник в связи с желанием Австро-Венгрии оккупировать территорию Боснии и Герцеговины.

на Россию или Австро-Венгрию. Политика лавирования болгарской политической элиты между двумя империями стала ключевой характеристикой всей болгарской внешней политики вплоть до вступления страны в Первую мировую войну (1915 г.).

Так, оценивая сложившуюся расстановку сил на Балканах, военный министр Российской империи А. Н. Куропаткин в 1912 г. в своей записке «Вооружённые силы Австро-Венгрии и балканских государств» отмечал: «Балканские народы глубоко проникнуты идеей единения с Россией; но и интеллигентные классы и правительства, зачастую ведут политику, идущую вразрез с народными традициями и желаниями» [14].

Задача по созданию Балканской федерации, или союза, в противовес Центральным державам и Османской империи отвечала и политическим интересам России, руководство которой стремилось к объединению всех славянских сил для укрепления собственного влияния на Балканах. Однако, как показывает анализ политической ситуации, немедленное выступление Балканского союза против Османской империи вызвало глубокую озабоченность официального Санкт-Петербурга, фактически отказавшегося от открытой поддержки балканских стран, так как изменение *status quo* в регионе могло привести к очередному кризису на Балканах и вмешательству ведущих европейских держав, способных вновь выступить против России.

В случае же разгрома балканских стран Османской империей создавалась прямая угроза завоёванной с таким трудом малыми балканскими странами независимости, что также могло обернуться потерей российского влияния в регионе. В этом смысле официальный Санкт-Петербург проводил крайне осторожную политику, рассчитанную на сохранение существующего положения.

Особую роль в создании Балканского союза сыграли политические круги стран Антанты и США, стремившиеся ослабить Османскую империю руками Балканского союза [15, с. 103–104]. Российское внешнеполитическое ведомство не смогло удержать страны Балканского союза от совместного выступления против Османской империи, закончившейся очень быстрым её военно-политическим поражением.

Однако одержанная Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией победа привела к дележу турецкого «наследства» и к ещё большему развитию территориальных противоречий между Сербией, Грецией и Румынией, с одной стороны, и Болгарии – с другой. Новое обострение ситуации на Балканах и непрочность мирного договора создали угрозу распада Балканского союза, что в большой степени отвечало интересам Германии и Австро-Венгрии и делало их разногласия с Россией поистине непримиримыми. Начиная с 90-х годов германский фактор стал одним из ключевых во внешней политике Болгарии, что

¹⁴ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1800. Л. 4.

¹⁵ Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. М.: Вече, 2000.

было связано с экономическим сотрудничеством Софии и Берлина, влиянием последнего на политику ослабленной Османской империи, целостность которой немецкое правительство было готово сохранить, даже идя на конфликт с Россией. В этом смысле любая идея Балканского союза затрагивала жизненные интересы Германии и Австро-Венгрии, именно поэтому политика этих империй в балканском вопросе практически полностью совпадала по всем ключевым позициям, а развал Балканского союза рассматривался и германской, и австрийской дипломатией в качестве приоритетной задачи. И эта политика имела ярко выраженную антирусскую направленность.

Германская внешняя политика была объективно направлена на создание блока балканских стран под эгидой Германии с участием Османской империи и Румынии, что создавало предпосылки и для будущего вовлечения Болгарии в этот союз, так как, оказавшись в окружении стран, ориентированных на Германию, Болгария была бы вынуждена сделать свой политический выбор. Однако эти планы оказались обречёнными на провал из-за непримиримых разногласий Болгарии с Румынией. Политика австро-венгерского кабинета, отличаясь по своим методам от союзников, совпадала в главных целях: направить экспансию Болгарии против Сербии и Греции, фактически санкционировав расширение границ королевства за счёт соседей.

Той же линии придерживалась дипломатия Вены и в отношении Сербии, склоняя правительство страны к получению компенсации из-за отсутствия выхода к Адриатическому морю за счёт выхода к Эгейскому морю через Салоники и Македонию, на которые претендовала Болгария. Позиция Австро-Венгрии способствовала подготовке Второй балканской (Межсоюзнической) войны [15, с. 112].

Распаду Балканского союза и вовлечению бывших союзников в Межсоюзническую войну способствовало и то обстоятельство, что 28 мая 1913 г. премьер-министр Сербии Н. Пашич выступил с официальным заявлением о том, что «...Сербия должна иметь общую границу с Грецией и потому договор с Болгарией должен быть пересмотрен в пользу Сербии» [16].

Начавшиеся вскоре военные действия Сербии, Греции, Румынии и Османской империи против Болгарии поставили страну на грань катастрофы, а с получением известия о взятии турецкой армией Адрианополя и потерей всей территории Восточной Фракии позорный для Болгарии мир стал неизбежным.

В результате Бухарестского мирного договора (1913 г.) Болгария потеряла территорию Южной Добруджи, часть Эгейской и всю Вардарскую Македонию.

Министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов с горечью отмечал: «Для Болгарии Бухарестский мир запечатлевал крушение честолюбивой мечты Фердинанда Кобургского о создании болгарского царства от пределов Албании

¹⁶ Болтаевский А. А., Прядко И. П., Азуреев С. А. Первая мировая война: дипломатическая предыстория, крупнейшие военные операции и внешнеполитические итоги. М.: Спутник плюс, 2016. С. 102.

и до Мраморного моря. Горечь обманутых надежд и затаённая злоба против тех, кого они считали виновниками испытанных ими разочарований, поставили судьбы болгарской политики в тесную связь с венским кабинетом, как это наглядно доказала мировая война 1914 года» [17].

Потерпев унижительное для страны поражение во Второй балканской войне, правящая элита Болгарии возложила бремя ответственности на Россию, потому что она не выступила гарантом сохранения болгарских земель и не поддержала официальную Софию. В стране началась невиданная по силе русофобская кампания в печати, поддержанная австро- и германофильскими кругами.

Описывая царившую в Софии политическую обстановку летом 1913 г., российский посланник А. В. Неклюдов в своём письме в Санкт-Петербург от 23 июля 1913 г. отмечал: «За последние недели в самых широких кругах болгарского общества, не

исключая и кругов русофильских, принято обвинять русскую политику во всех унижениях и бедствиях, Болгарией претерпеваемых. Русская дипломатия в своём желании обеспечить за Сербией Македонию и в своём недоверии к болгарам навредила де на Болгарию румын, или по крайней мере, с одобрением отнеслась к румынскому нашествию» [18, л. 323].

С негодованием и нескрываемой горечью отзывался представитель Российской империи и о политике австрийской дипломатии, которая будет «...всеми силами пользоваться этим настроением и обещать поддержку свою Болгарии в той мере, в какой эта последняя будет проявлять своё отчуждение от России» [18, л. 324].

Крушение Балканского союза и фактическая потеря российского влияния в Болгарии стали необходимым условием для трансформации болгарской внешней политики, сделавшей отныне ставку на тесный военно-политический союз с Германией и Австро-Венгрией.

Политика правительства Радославова и Россия

Открытые русофобские черты приобрела политика пришедшего к власти в 1913 г. либерального правительства В. Х. Радославова*. Этой же цели послужило и «письмо от 23 июля», в котором делался явный акцент на изменение вектора внешней политики Болгарии в сторону союза с Австро-Венгрией в ущерб интересам России. Главным направлением этой политики Болгарии при Радославове стала анти-

русская кампания, предпринятая правительством в сочетании с массовой чисткой армии от прорусски настроенного офицерства. Уже в первые месяцы Первой мировой войны стало совершенно очевидно, что политика Болгарии в отношении России имеет ярко выраженный недружественный характер, а провозглашённый нейтралитет во многом носит временный характер и определяется во-

¹⁷ Сазонов С. Д. Воспоминания. М.: Харвест, 2002. С. 121.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3727 (I Департамент МИД. Вторая балканская война 10–31 июля 1913 г.).

* Радославов Васил Христов (1854–1929) – премьер-министр Болгарии с июля 1913 г. по конец июня 1918 г.

енной ситуацией Сербии и стран Антанты на фронтах.

Во многом политика В. Х. Радославова определялась внутривнутриполитической обстановкой и тем обстоятельством, что положение кабинета в начале 1914 г. было крайне нестабильным в условиях обострившейся внутривнутриполитической борьбы. Поэтому изначально радослависты* стремились всеми силами добиться территориальных уступок со стороны Османской империи в обмен на обещания вступить в войну в случае необходимости. Другим направлением политики Софии стало получение крупного займа от Германии, что, по мысли В. Х. Радославова, должно было привязать Болгарию к политике Центральных держав.

Антирусийская политика Болгарии и царившие во властной элите русофобские настроения, отказ от союза с Антантой и нежелание соблюдать нейтралитет побудили российского императора Николая II пойти на вынужденный шаг и разорвать дипломатические отношения с Софией.

11 сентября 1915 г. император телеграфировал министру иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонову: «С крайним прискорбием упломочиваю Вас отозвать из Болгарии посланника с миссией и консульствами» [19].

С началом Первой мировой войны болгарское правительство сделало целый ряд миролюбивых заверений в отношении своего желания сохранить нейтралитет и обещало

Петрограду придерживаться равной удалённости от всех центров силы. Однако в действительности, ведя проавстрийскую и прогерманскую политику, официальные круги Болгарии вынашивали планы военного реванша над Сербией, что получило отражение в целой серии донесений и секретных записок российских дипломатов и секретных агентов и подтверждается материалами российских архивов. Большинство из них указывало на продуманный характер антирусской политики болгарского правительства и было склонно обвинять правительство В. Х. Радославова и лично короля страны Фердинанда Саксен-Кобурга в охватившей страну русофобской кампании.

В то же время следует отметить, что большинство представителей других политических партий не разделяли политического курса либералов в отношении России. Так, представители четырёх политических партий страны: народной, радикальной, земледельческой и прогрессивной до конца настаивали на сохранении нейтралитета страны, выгодного России и странам Антанты. Влиятельные лидеры оппозиции: А. П. Малинов, И. Е. Гешов, С. П. Данев указывали на необходимость сохранения исторической связи с Россией, которая «...несмотря на все наветы немцев, сильна и могуча» [20, л. 65].

В срочной телеграмме российского посланника в Софии А. А. Савинского ещё до официального разрыва дипломатических отношений двух стран от 7(20) сентября 1915 г. говорилось: «По достовер-

¹⁹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3781. Л. 7.

²⁰ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3773.

* Радослависты – сторонники либерального правительства В. Х. Радославова, придерживались идей военно-политического реванша над Сербией, Грецией и Румынией.

ным сведениям Военного агента завтра 8 сентября выступают на сербскую границу 1 и 5 кавалерийские полки для прикрытия мобилизации, может быть частичной, указ о которой должен появиться также завтра» [20, л. 77].

В этом смысле разрыв дипломатических отношений двух стран был вполне логичен и неизбежен. 19 сентября 1915 г. российский посол в Болгарии А. А. Савинский получил

предписание покинуть консульство всем составом в течение 24 часов. Разрыв с Болгарией стал окончательным.

Решающим фактором вступления Болгарии в войну стали военные неудачи Сербии и чёткое понимание того факта, что добиться каких-либо территориальных уступок от сербского правительства можно будет только военными методами.

Политика Болгарии в отношении Центральных держав и Российской империи определялась целым рядом политических факторов:

- возможностью реализовать собственную национальную идею о воссоединении с Македонией;
- крушением Сербии в качестве основного геополитического соперника;
- осуществлением экспансионистских планов в отношении Греции и фактическим выходом болгарских войск на линию Энос – Мидия с обретением порта Кавала.

В 1912 – начале 1913 г. внешнеполитический вектор страны определялся желанием, участвуя в Балканском союзе, нанести поражение Османской империи и решить македонский вопрос, что предполагало политику лавирования между великими державами и малыми балканскими странами.

Ведущим фактором, предопределившим изменение политики Болгарии в отношении России, стало поражение страны в Межсоюзнической войне и смена правительства, когда партия русофилов оказалась в меньшинстве и потеряла своё былое влияние.

Окончательный выбор Софии во многом определялся такими факторами, как недружественное внешнее окружение в лице Сербии, Румынии и Греции, а также усиливающимся с 1913 г. влиянием Германии и Австро-Венгрии на политику страны после Межсоюзнической войны. Поражение Болгарии и крушение политических идеалов привело к власти политическую элиту, жаждавшую исторического реванша в новой войне, что породило феномен болгарского экспансионизма в его наиболее крайних формах.

Политика Российской империи в отношении Болгарии, напротив, носила ярко выраженный миролюбивый характер и была объективно направлена если не на включение страны в состав Антанты, то по крайней мере на соблюдение ею нейтралитета. Эта иллюзия оказалась разрушена правительством В. Х. Радославова в 1915 г.

Библиография • References

- АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3727 (I Департамент МИД. Вторая балканская война 10–31 июля 1913 г.).
- [AVPRI. F. 151. Op. 482. D. 3727 (I Departament MID. Vtoraya balkanskaya vojna 10–31 iyulya 1913 g.)]
- АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3773.
- [AVPRI. F. 151. Op. 482. D. 3773]
- АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3781.
- [AVPRI. F. 151. Politarhiv. Op. 482. D. 3781]
- Айрапетов О. Р.* Балканы в стратегии Антанты и её противников (1914–1918 гг.) // Новая и Новейшая история. 2003. № 5. С. 191–224.
- [*Ajrapetov O. R.* Balkany v strategii Antanty i eyo protivnikov (1914–1918 gg.) // Novaya i Novejshaya istoriya. 2003. № 5. S. 191–224]
- Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М.: Алгоритм, 2015.– 368 с.
- [*Belayac M.* Komu nuzhna reviziya istorii? Starye i novye spory o prichinah Pervoy mirovoj vojny. M.: Algoritm, 2015.– 368 s.]
- Болтаевский А. А., Прыдко И. П., Агуреев С. А.* Первая мировая война: дипломатическая предыстория, крупнейшие военные операции и внешнеполитические итоги. М.: Спутник плюс, 2016.– 256 с.
- [*Boltaevskij A. A., Pryadko I. P., Agureev S. A.* Pervaya mirovaya vojna: diplomaticheskaya predystoriya, krupnejshie voennye operacii i vneshnepoliticheskie itogi. M.: Sputnik plus, 2016.– 256 s.]
- Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. М.: Вече, 2000.– 416 с.
- [*Zadohin A. G., Nizovskij A. Yu.* Porohovoj pogreb Evropy. Balkanskije vojny XX veka. M.: Veche, 2000.– 416 s.]
- Киняпина Н. С.* Горчаков // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 34–62.
- [*Kinyarina N. S.* Gorchakov // Voprosy istorii. 1997. № 12. S. 34–62]
- Лабаури Д. О.* Евангелие и револьвер. Социальные и психологические основы болгарской национальной революции в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2018.– 328 с.
- [*Labauri D. O.* Evangelie i revol'ver. Social'nye i psihologicheskie osnovy bolgarskoj nacional'noj revolyucii v Makedonii i Frakii v konce XIX – nachale XX v. SPb.: Nestor-Istoriya, 2018.– 328 s.]
- Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004.– 536 с.
- [*Narochnickaja N. A.* Rossiya i russkie v mirovoj istorii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004.– 536 s.]
- РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1800.
- [RGVIA. F. 165. Op. 1. D. 1800]
- Рыбаченок И. С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН, 2012.– 582 с.
- [*Rybachenok I. S.* Zakat velikoj derzhavy. Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: celi, zadachi i metody. M.: ROSSPEN, 2012.– 582 s.]
- Сазонов С. Д.* Воспоминания. М.: Харвест, 2002.– 368 с.

- [Sazonov S. D. Vospominaniya. M.: Harvest, 2002.– 368 s.]
- Сергеев Е. Ю. Роль Восточного фронта в Первой мировой войне // Актуальные проблемы истории первой мировой войны / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 56–83.
- [Sergeev E. YU. Rol' Vostochnogo fronta v Pervoj mirovoj vojne // Aktual'nye problemy istorii pervoj mirovoj vojny / отв. ред. Е. YU. Sergeev. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 56–83]
- Туполев Б. М. Германская политика на Балканах накануне Первой мировой войны // В «пороховом погребе Европы» / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Индрик, 2003. С. 265–297.
- [Tupolev B. M. Germanskaya politika na Balkanah nakanune Pervoj mirovoj vojny // V «porohovom pogrebe Evropy» / отв. ред. V. N. Vinogradov. М.: Indrik, 2003. С. 265–297]
- Форбс Н. История Балкан. Болгария, Сербия, Греция, Румыния, Турция от становления государства до Первой мировой войны. М.: Центрполиграф, 2018.– 319 с.
- [Forbs N. Istoriya Balkan. Bolgariya, Serbiya, Greciya, Rumyniya, Turciya ot stanovleniya gosudarstva do Pervoj mirovoj vojny. М.: Centrpoligraf, 2018.– 319 s.]
- Antic C. Ralph Paget, A Diplomat in Serbia. Belgrade, 2006.
- Clark C. Sleepwalkers: How Europe went to War in 1914. L., 2012.
- Cornwall M. Serbia. Decision for War 1914. N.Y.: St. Martin Press, 1995.
- McMeekin S. The Russian Origins of the First World War. Harvard: The Belknap press, 2011.

Статья поступила в редакцию 6 декабря 2019 г.

**Продолжается подписка на 2020 г.
на журнал «Обозреватель–Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 – на полугодие

36789 – на год

Вклад А. Я. Вышинского в развитие марксистской философии права: теория и современность

Роман ОСИН

Теоретическое наследие выдающегося государственного деятеля, советского прокурора и учёного-правоведа А. Я. Вышинского, представляет интерес в силу своей недостаточно глубокой разработанности в современной историко-правовой, философско-правовой и теоретико-правовой литературе. Как правило, роль А. Я. Вышинского связывают с практикой репрессивной политики СССР в 30-е годы. Однако это лишь одна из сторон его деятельности.

Как справедливо отмечают некоторые современные исследователи, Вышинский «был не только государственным деятелем, но и учёным-правоведом, активным проводником государственной и правовой идеологии Советского государства» [1]. А. Я. Вышинский занимался фундаментальными вопросами теории уголовного права, теории судебных доказательств [2], международно-правовыми проблемами [3], теории судостроительства, а также

ОСИН Роман Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории университета «Синергия». *SPIN-код:* 1462-8638, *E-mail:* roman.2014.os@gmail.com

Ключевые слова: государство, право, нормативизм, правовые нормы, правовые отношения.

¹ Томсинов В. А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), государственный деятель и правед // Законодательство. 2017. № 8.

² Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. Изд. 3-е, доп. М.: Госюриздат, 1950.

³ Вышинский А. Я. Вопросы международного права и международной политики. М.: Госюриздат, 1951.

вопросами теории государства и права. Исследование теоретического вклада Вышинского в теорию права позволит, с одной стороны, лучше понять теоретические доктрины того времени и более точно объяснить логику, которой руководствовались практики в принятии политических решений.

С другой стороны, поднятые Вышинским проблемы, имеют актуальное значение и для современного государственно-правового развития России.

Отличие советского нормативизма от нормативизма Г. Кельзена

Под советским нормативизмом мы понимаем ту концепцию нормативно-классового понимания сущности права, которая сложилась к концу 30-х годов в СССР. Данная концепция не имеет ничего общего с классическим «чистым учением о праве» Ганса Кельзена, который сам писал, что «это учение о праве называется "чистым" потому, что оно занимается одним только очищением от всего, что не есть право в строгом смысле» [4, с. 7].

«Очищение», у Кельзена, предполагалось от материальной обусловленности производственными отношениями и социально-классовой направленности права. Это позволяло затушить социально-классовое в ущерб абстрактно-юридическому в праве. Кельзен писал, что «не имеет значение содержание... конституции или созданного на её основе государственного правопорядка... при постулировании основной нормы не утверждается никаких ценностей, вне положенных позитивному праву» [4, с. 51–52].

Подобное толкование права не может быть признано методологически состоятельным. Остаётся не-

ясным, как появляются эти самые конституции, нормы права в целом; почему одни правовые нормы действуют, а другие остаются декларациями, почему именно эти нормы, а не какие-то другие приняты именно в этот исторический период; кому выгодны те или другие нормы и т. д. и т. п. Основной задачей буржуазного нормативизма Г. Кельзена является затушёвывание классово-волевого начала в праве, а также обусловленности этих волевых начал производственными отношениями данной эпохи.

Задача кельзенского нормативизма – изобразить право как нечто раз и навсегда данное, «священное» и неприкосновенное, не подлежащее обсуждению, свести всё бытие права исключительно к закону, а сам закон исследовать в отрыве от политических, социально-классовых и экономических моментов.

Несложно понять, что подобный подход призван в конечном счёте увековечить буржуазную политико-правовую систему, ведь если подходить к праву метафизически как к вневременной самоценности, очищенной от всего политического и

⁴ Чистое учение о праве Ганса Кельзена. К XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987). Сб. переводов. Вып. 1 / отв. ред.: В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович; пер.: С. В. Лезов, Ю. С. Пивоваров. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1987.

политэкономического, то очевидно, что на практике речь идёт именно о признании самоценным и вневременным ныне существующего права, а если говорить конкретно – права буржуазного общества со всеми его противоречиями и недостатками. Сведение же бытия права исключительно к законодательству игнорирует всю многоплановость противоречий правовой действительности, которая не может не быть связана с действительностью политической и политэкономической.

Советский нормативизм в противовес кельзенскому объясняет право через нормы, но сами нормы в концепции советского нормативизма призваны проводить государственную волю господствующих классов в закон. Сама же воля обусловлена материальными условиями существования общества (в первую очередь производственными отношениями) и не может отменить эти условия никаким декретом. Советский нормативизм в правовых исследованиях опирался на материалистическое понимание истории, разработанное Марксом и Энгельсом, стремился показать классовый характер права, обусловленность права производственными отноше-

ниями и связь права с проводимой организованным в государство господствующим классом политикой. Именно такой комплексный подход свойственен советскому нормативизму.

Указав на принципиальное отличие советского нормативизма от классического буржуазного, обозначим основные постулаты той концепции права, которая сложилась в СССР к концу 30-х годов. Опираемся на доклад А. Я. Вышинского на I совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) «Основные задачи науки советского социалистического права», который считается краеугольным источником советского понимания права тех лет. Главные вопросы, которые требуется раскрыть в статье, можно свести к следующему:

1. И. В. Сталин о социалистическом государстве.
2. Эволюция советского правовопонимания в 1930-е годы.
3. А. Я. Вышинский о несостоятельности буржуазных правовых концепций.
4. Критика Вышинским правовопонимания 1920-х годов.
5. Определение права.

И. В. Сталин о социалистическом государстве

Конечно же, учитывая специфику того времени (отрицать во многом решающее значение сталинских теоретических новелл для развития общественных наук в 30–50-е годы было бы неправильно), а также саму марксистскую теорию права, которая находится в неразрывной связке с теорией государства, нельзя не

упоминать о некоторых положениях концепции государства, выдвинутых И. В. Сталиным в 30-е годы.

И. В. Сталин утверждал, что классовая борьба в условиях социализма будет нарастать. Это, по его мнению, было связано с тем, что, во-первых, с наступлением социализма капиталистические элементы города и де-

ревни стремились ослабить советскую власть ради своих узкоклассовых интересов и, во-вторых, в СССР действовали группы «диверсантов-вредителей», которых использовал мировой империализм для свержения власти рабочих и крестьян в СССР и уничтожения курса на построение социалистического, а затем и коммунистического общества. Сталин небезосновательно писал, что «не бывало ещё в истории таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены» [5]. Действительно, при смене одной общественно-экономической формации на другую всегда происходит острая классовая борьба свергнутых классов за удержание власти. В этой связи И. В. Сталин уделял большое внимание теоретическим аспектам развития Советского государства, ведь именно государство как организация является тем инструментом, с помощью которого правящий класс проводит свою политику и борется с классовыми противниками. В новых исторических условиях И. В. Сталин существенно дополнил марксистско-ленинскую теорию государства новыми и небесспорными даже с марксистской точки зрения положениями.

Из сталинской теории обострения классовой борьбы следовал и тезис об отмирании государства через его усиление, ведь последнее с точки зрения марксизма есть не что иное, как машина в руках господствующе-

го класса для подавления классовых противников. Тезис об отмирании государства через его усиление был выдвинут им в докладе на Объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) «Итоги первой пятилетки» [6].

В отчётном докладе ВКП(б) на XVIII съезде партии (1939 г.) И. В. Сталин выделил две фазы развития Советского государства [7, с. 540–651].

Первая фаза – это период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов (1917–1933 гг.). И. В. Сталин отмечал в своём отчётном докладе на XVIII съезде ВКП(б), что «основная задача этого периода состояла в подавлении сопротивления свергнутых классов, становлении промышленности и сельского хозяйства...» [7, с. 645], т. е. функциями Советского государства в тот период были подавление свергнутых классов внутри страны, оборона государства от нападения империалистических хищников, а также хозяйственно-организаторская и культурно-просветительская функции, которые заключались в организации народного хозяйства и просветительской работе с народными массами, но стояли на втором плане. Подавив сопротивление эксплуататоров внутри страны и победив интервенцию, Советское государство перешло во вторую фазу своего развития.

Вторая фаза развития Советского государства (1933–1939 гг.) – «это

⁵ Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // Сочинения. В 13 томах. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 12. С. 37.

⁶ Сталин И. В. Итоги первой пятилетки // Сочинения. В 13 томах. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 211.

⁷ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Госполитиздат, 1945.

период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции» [7]. Эта фаза развития Советского государства ознаменовалась тем, что отпала функция **военного** подавления эксплуататорских классов внутри страны. Это, конечно, не означало полного отказа от борьбы с внутренними противниками социалистического общественного строя. Просто в отличие от первой фазы развития во вторую фазу на смену открытой военной борьбе с эксплуататорами приходит политико-идеологическая и экономическая борьба, а для того, чтобы проводить эту борьбу, необходимо организовать народное хозяйство на социалистических началах, а также уделить особое внимание совершенствованию новой государственно-правовой машины. Потому основное значение тогда приобрели **хозяйственно-организаторская** и **культурно-просветительная** функции государства.

Но это не означало немедленного отмирания государства, ведь, во-первых, ещё сохранялось капиталистическое окружение, которое могло в любой момент напасть на советское государство. Во-вторых, внутри самого советского государства ещё пока сохранялись пусть немногочисленные, но при помощи извне способные к активизации недовольные советской властью из числа бывших кулаков, белогвардейцев, помещиков и капиталистов. Следовательно, диктатура пролетариата ещё не выполнила своей исторической миссии, а государство ещё должно усиливаться, а не отмирать.

На основе выделения этих фаз в развитии Советского государства

И. В. Сталин даже допускал сохранение института государства в коммунистическом обществе в условиях отдельно взятого государства и сохранения капиталистического окружения. Вот что он пишет в Отчённом докладе на XVIII съезде партии: «Сохранится ли у нас государство также в период коммунизма? Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение...» [7, с. 646].

Трудно себе представить коммунизм в условиях общественного разделения труда на управленческий и исполнительский, да ещё в условиях, когда этот коммунизм построен лишь на просторах пусть крупного, но одного государства. Если говорить про коммунизм на низшей фазе в условиях отдельно взятого государства ещё можно, то говорить о высшей фазе коммунизма в отдельно взятом государстве вряд ли. Поэтому то, что И. В. Сталин признаёт существование коммунизма в одной отдельно взятой стране, да ещё и при наличии государства и капиталистического окружения, тезис весьма спорный, требующий отдельного исследования.

Следует отметить такой момент: если при строительстве социализма нарастает классовая борьба, а вместе с ней неизбежно усиливается государство того класса, который только что взял в свои руки государственную власть, то, стало быть, необходимо совершенствовать и право, ибо государство немислимо без права, а эффективная государственная политика невозможна без адекватного правового регулирования общественных отношений. Отсюда возникла задача осмысления сущности права в новых исторических условиях.

Эволюция советского правопонимания в 1930-х годах

Уже с начала 30-х годов советское понимание права стало претерпевать серьёзные изменения. Эволюция происходила от расширенного толкования права (когда в понятие «право» включалось помимо норм ещё правосознание и правоотношения) к нормативному.

Так, бывший сторонник «меновой концепции права», Е. Б. Пашуканис, «пересмотрев»⁸ свои былые взгляды о праве диктатуры пролетариата как «отмирающем праве», стал выдвигать новую теорию «социалистического права». Пашуканис писал, что «не начало какого-то отмирания права, а наступление того периода, когда содержанием советского социалистического права и в городе и в деревне стали однотипные социалистические производственные отношения» [8]. Теперь он считал право «эффективным орудием социалистического государства», которое должно сохраниться до «полной победы коммунизма». Само право Пашуканис не мыслил без норм и государственного принуждения.

Другим теоретиком, разделяющим подобную концепцию, был М. Доценко, который писал, что «советское право превращается в соци-

алистическое не только по своему направлению, задачам и целям, но только потому, что оно оформляет захват, развитие и укрепление хозяйственных высот и исходит из пролетарского государства, но и потому, что оно является выражением победившей социалистической экономики, орудием её закрепления и формой регулирования социалистического общества по пути его развития к полному коммунизму. Это есть высший этап развития социалистического права, и это право будет крепнуть и развиваться, пока не будет завершён переход ко второй фазе коммунизма, где отомрут и право и государство» [9].

Подобная эволюция правовой мысли благоприятно сказалась на дальнейшем становлении советского нормативизма и укреплении социалистической законности в конце 30-х годов в СССР. Да и с научной точки зрения представляется очевидным утопичность взгляда, согласно которому государство и право должны начать отмирать сразу после социалистической революции без длительного переходного периода, которому будет соответствовать политика диктатуры пролетариата.

А. Я. Вышинский о буржуазных теориях права

Анализируя состояние буржуазной правовой науки, Вышинский небезосновательно констатирует:

«В сущности говоря, буржуазной науки права нет, если не считать, разумеется, за науку набор произволь-

⁸ Пашуканис Е. Государство и право при социализме // Советское государство. 1936. № 3. С. 4.

⁹ Доценко М. Советское социалистическое право // Советское государство. 1936. № 3. С. 30.

* Понятно, что «пересмотр» осуществлялся под жёстким давлением политической конъюнктуры того времени.

ных построений, прикрытых научной фразеологией. Такая наука, конечно, в капиталистическом мире существует. Но науки, которая могла бы быть названа таковой в подлинном смысле этого слова, её нет» [10, с. 214].

Данное положение весьма ценно в свете сегодняшнего дня, когда любую диссертацию, официально признанную и «учтённую», любой учебник, любую статью, которая содержит в себе элементы терминологии и системности, называют «научной». Конечно, могут возразить, что это спор о словах, но на самом деле это важный спор о сущности вещей. Называя научной любую статью, где есть ссылки на «авторитеты», какая-то терминология, какая-то системность, определённая внешняя последовательность и формальная логичность, но нет главного – научного подхода и метода исследования, исследования явления во всей палитре противоречий его развития, тем самым обесценивают почётное звание учёного, как и общественной науки в целом. Ведь задача науки не красиво построить мысль, а исследовать реальные явления материального мира, прирастить знания, а о каком приращении знаний может идти речь, если зачастую у исследователей отсутствует последовательная методология, преобладает эклектическая попытка соединить несоединимое (например, модно говорить о сопряжении цивилизационного и формационного подходов, хотя это совершенно разные методологические подходы), при этом же-

лательно уйти от «устаревших» «-измов»? К сожалению, именно подобная практика признания научной любой системно написанной, с наличием ссылок и терминов в соответствии с «нормативными требованиями» статьи создаёт почву для отношения к общественным наукам и тем, кто работает на научных должностях в области этих наук, как к «болтологии», «взаимному списыванию мыслей» и пр.

Далее Вышинский пишет, что «бессилие буржуазной правовой науки, как, впрочем, и остальных буржуазных общественных наук, заключается в порочности и бессилии того метода, которым эти науки права пользуются, именно юридического метода исследования, который уходит от конкретных особенностей исследуемых явлений» [10, с. 214]. Говоря о бессилии метода, Вышинский критикует, между прочим, тот самый формально-юридический подход, речь о котором уже шла выше. «Юридический метод означает логическое оперирование понятиями и представлениями, вместо оперирования явлениями, скрывающимися под покровом этих понятий и представлений. Это чисто логический метод, рассматривающий явления как таковые, существующие для себя и в себе, как явления замкнутые, черпающие своё начало и свой конец в самих себе» [10, с. 215].

Совершенно справедливо подмечает А. Я. Вышинский, что «юристов, пользующихся юридическим методом, не интересуют различия

¹⁰ Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1.

в экономическом положении, например, отдельных хозяйств, как и различные экономические условия заключённых акторами (сторонами) сделок. Это последнее, говорят они, дело экономиста, статистика, соци-

олога и т. д., но не юриста» [10, с. 214].

Взгляды А. Я. Вышинского не просто история, а положения, не утратившие своей актуальности и сегодня.

А. Я. Вышинский о правовых идеях 1920-х годов

В своём докладе А. Я. Вышинский «разносил» Пашуканиса за его идею «отмирания права» как вредителя и предателя советской власти*, в частности, он писал, что, «сводя советское право к буржуазному праву, уверяя, что при социализме нет почвы для дальнейшего развития права, вредители добивались ликвидации советского права и науки советского права» [10, с. 224].

Аналогично отзывался Вышинский и о теоретическом наследии П. И. Стучки: «Сводя право к экономике, как это делал Стучка, утверждавший, что право совпадает с производственными отношениями, эти господа скатывались в болото экономического материализма. В этом случае право переставало быть активной силой, одним из важнейших факторов борьбы и государственно-строительства» [10, с. 224].

Вообще говоря, для А. Я. Вышинского была характерна черта выделения права как самостоятельной части надстройки. Он решительно выступал как против отождествления права с экономикой, так и отождествления права с политикой.

С точки зрения Вышинского, право представляло собой прежде всего нормы, которые могли в какой-то мере быть «формой политики», но никак не тождественны ей, да и то, говоря о праве как форме политики, Вышинский делал оговорку, что, «когда определяют право, как форму политики, то, в сущности говоря, ничего не определяют. Задача между тем состоит в том, чтобы определить особенности права, как формы политики, его специфику, если даже признать, что право – форма политики.

Политика – это цели и задачи, преследуемые общественными классами в их борьбе за свои интересы, это методы и средства, при помощи которых эти интересы защищаются. Определяя право, как форму политики, надо определить, в чём состоят специфические качества этой формы, как формы правовой, в чём её отличие, именно как правовой формы, от других форм политики, и т. д. Не ответив на эти вопросы, мы не определим права» [10, с. 225–226].

Вот так рассуждал Вышинский, человек, которого сегодня многие

* Конечно, обвинение во «вредительстве» не есть лучшая форма научной полемики, но, читая высказывания тех лет, нужно понимать, что все эти споры не носили чисто академического характера, а были выражением идеологической формы классовой борьбы, носили судьбоносный для социалистического государства характер.

обвиняют чуть ли не в пропаганде произвола, нивелировании роли права до механической прислуги политической сферы и т. д. На самом деле, как видно, ничего подобного никогда Вышинским не утверждалось, напротив, именно он подчёр-

кивал необходимость исследования собственно права, с одной стороны, в тесной взаимосвязи с политической и экономической сферами жизни общества, но с другой – как самостоятельного института в системе общественной надстройки.

Общее определение права

В своём выступлении А. Я. Вышинский сформулировал нормативно-материалистическое (классовое) определение права: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства, в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу» [10, с. 233–234].

Сам А. Я. Вышинский называл своё определение лишь «попыткой, первым приближением к определению», но никак не пытался его выставить в качестве истины в последней инстанции. И тем не менее из определения сразу следует ряд выводов.

1. Право – это *совокупность правил поведения*, выражающих волю господствующих классов, таким образом, право всегда носит классово-волевой характер, а именно: правила эти установлены в законодательном порядке, т. е. не любые нормы являются правовыми, а лишь принятые в законодательном порядке и санкционированные государством.

2. Право – это и *обычаи, и правила общежития, санкционированные государством и подкреплённые силой государственного принуждения*. Здесь очень чётко прослеживается основной марксистский тезис о неразрывной связи права с государством. Из этого видно, что правом могут быть не просто «нормы» закона, но ещё и нормы обычаев, просто нормы общежития, но все они должны быть обязательно подкреплены силой государственного принуждения в случае их неисполнения, иначе они не будут нормами права.

3. Цель же права одна – *охрана, закрепление и развитие общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу*, т. е. здесь видна непосредственная связь права со всеми другими сферами жизни общества, с производственными отношениями, сложившимися политическими порядками, которые право должно закреплять и охранять и пр., а главное – связь права с интересами господствующих классов, которые оно и призвано выражать.

Данное А. Я. Вышинским определение является наиболее системным, точным, отражающим как сущностные черты именно права как явления (его связь с государством, особый порядок установле-

ния, нормативно-принудительный характер), так и целевые установки любого права как обеспечение и охрана порядка, выгодного и удобного господствующим классам. Единственность данного определения состоит в том, что право определяется как «совокупность правил поведения», а не «возведённая в закон государственная воля господствующих классов». Казалось бы, спор идёт о словах, но чтобы совокупность норм стала правом, необходима именно классовая воля, да притом ещё и выраженная как государственная. За этой волей определённые действия по возведению её в закон, и лишь в результате всего процесса появляется право.

В настоящее время научный вклад Вышинского в правовую науку либо недооценивается, либо просто отменяется.

Вот что, например, писал на рубеже веков один из видных специалистов в теории государства и права М. И. Байтин: «Вышинский, безусловно, оказал негативное влияние на нормативную трактовку права, выпячивая в его определении положения о классово-насильственной природе права, об обеспечении его применения не иначе как принудительной силой государства» [11].

Данная критика в отношении А. Я. Вышинского несправедлива по нескольким причинам.

Во-первых, классово-властная сущность права, особое внимание которой уделял Вышинский, имеет определяющее значение. Всё общесоциальное в праве классово-антагонистического общества является лишь следствием уступок со сторо-

ны господствующих классов в результате социально-классовой борьбы со стороны широких масс трудящихся. Это подтверждает вся история развития государства и права, которая полна революциями, восстаниями, войнами и иными формами классовой борьбы. Да и само право до относительно недавнего времени открыто стояло на стороне господствующих классов (рабовладельческое или феодальное общества, лишь буржуазное право выступает формально «надклассовым», что не делает его надклассовым фактически).

Во-вторых, реальное действие права обеспечивается государственным принуждением. Если нет угрозы неотвратимого наказания и аппарата, способного принудить к выполнению нормы права, она будет мёртвой, декоративной.

Сегодня это особенно заметно на примере так называемой борьбы с коррупцией, когда многие законы в этой области попросту не работают именно из-за отсутствия гарантированной ответственности за их неисполнение. Всё это приводит к ослаблению правопорядка, законности, результатом чего является рост преступности, произвол чиновников, массовый правовой нигилизм. Конечно, реализация права обеспечивается и такими средствами, как убеждение, поощрение, однако без государственного принуждения все эти методы теряют силу. Но могут возразить, что право не сводится только к принуждению. В этой связи правомерно говорить о непосредственном и опосредованном принуждении.

¹¹ Байтин М. И. Сущность права. М.: Право и государство, 2005. С. 45.

Непосредственное принуждение выражается в санкции самой нормы права либо непосредственно вытекает из её императивности.

Так, к примеру, согласно ст. 160 УК РФ присвоение или растрата, т. е. хищение чужого имущества, вверенного виновному, наказывается штрафом в размере до 120 тыс. руб., или в размере заработной платы, или иного дохода осуждённого за период до одного года, либо обязательными работами на срок до 120 час., либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет [12, ст. 2954].

Бывает непосредственное принуждение в нормах императивного характера и без санкционированного наказания.

Так, к примеру, нормы закрепляющие обязанности граждан, государственных служащих и других субъектов права, автоматически предполагают принуждение в случае их неисполнения. При этом опять-таки, если отсутствует реальное их обеспечение силой государства, они также останутся декорациями.

Опосредованное принуждение заключается в самом факте наказания за неисполнения нормы.

Таким образом, можно сделать вывод, что *любая норма права* в той или иной форме содержит в себе государственно-принудительный элемент, ибо сама изначальная природа права как всеобщего и обязательного регулятора общественных отношений предполагает государственное принуждение. Соответственно, критика А. Я. Вышинского за якобы «преувеличение роли государственного принуждения в праве» в своей основе несостоятельна.

Поэтому вполне справедливо, что в праве не всё сводится к принуждению, но без принуждения оно не может существовать.

Например, если правовая норма носит диспозитивный характер, т. е. она заключает в себе субъективное право действовать так или иначе, то в случае нарушения этого субъективного права действия другими нормами предусмотрено наказание. Таким образом, косвенно (или опосредованно) и в данном случае речь идёт о государственно-принудительной силе права.

К примеру, в п. 2 ст. 32 Конституции РФ граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме [13]. В этой норме видно, что граждане не обязаны, а только имеют право избирать и быть избранными, однако они могут так и не поступать, выборы в России не носят строго обязательного характера согласно закону. Тем не менее и в этой правовой норме содержится подразумевающееся государственно-принудительное начало, так как норма закрепила субъективное право гражданина избирать и быть избранным, то в данном случае государственное принуждение требуется для охраны этого права. К примеру, в УК РФ содержится норма, устанавливающая уголовную ответственность за нарушение избирательных прав граждан [12, ст. 141–142.1], аналогичная ответственность содержится и в нормах административного права [14].

¹² Уголовный кодекс РФ // СЗ РФ. 1996. № 25.

¹³ Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.

¹⁴ КоАП РФ. Ст. 5.1–5.25 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

В настоящее время, когда в обществе идёт переоценка советского периода отечественной истории в более позитивную сторону, а ряд современных политологов приходят к выводу о том, что «неорганичная для российского общества либеральная прозападная модель ментально некоррелируема для целей успешного развития страны» [15], теоретико-правовым, историко-правовым и политологическим наукам стоит пересмотреть и своё отношение к роли Вышинского в становлении и развитии советского понимания права в 30-е годы в сторону более объективного и всестороннего её анализа.

Библиография • References

- Байтин М.И.* Сущность права. М.: Право и государство, 2005.– 544 с.
[*Bajtin. M.I. Sushchnost' prava.* М.: Pravo i gosudarstvo, 2005.– 544 s.]
- Вышинский А.Я.* Вопросы международного права и международной политики. М.: Госюриздат, 1951.– 800 с.
[*Vyshinskij A. YA. Voprosy mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnoj politiki.* М.: Gosyurizdat, 1951.– 800 s.]
- Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 191–285.
[*Vyshinskij A. YA. Osnovnye zadachi nauki sovetskogo socialisticheskogo prava.* Doklad na I Soveshchanii po voprosam nauki sovetskogo gosudarstva i prava (16–19 iyulya 1938 g.) // *Voprosy pravovedeniya.* 2009. № 1. S. 191–285]
- Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. Изд. 3-е, доп. М.: Госюриздат, 1950.– 308 с.
[*Vyshinskij A. YA. Teoriya sudebnyh dokazatel'stv v sovetskom prave.* Izd. 3-e, dop. М.: Gosyurizdat, 1950.– 308 s.]
- Доценко М.* Советское социалистическое право // Советское государство. 1936. № 3. С. 27–46.
[*Docenko M. Sovetskoe socialisticheskoe pravo* // *Sovetskoe gosudarstvo.* 1936. № 3. S. 27–46]
- КоАП РФ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
[*KoAP RF* // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/]
- Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.
[*Konstituciya Rossijskoj Federacii* // *Rossijskaya gazeta.* 1993. № 237. 25 dekabrya]
- Матюхин А.В.* Роль идеологии в общественных преобразованиях // Обозреватель-Observer. 2017. № 4. С. 6–14.
[*Matyuhin A. V. Rol' ideologii v obshchestvennyh preobrazovaniyah* // *Obozrevatel'-Observer.* 2017. № 4. S. 6–14]
- Пашуканис Е.* Государство и право при социализме // Советское государство. 1936. № 3. С. 3–11.
[*Pashukanis E. Gosudarstvo i pravo pri socializme* // *Sovetskoe gosudarstvo.* 1936. № 3. S. 3–11]
- Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Госполитиздат, 1945.– 611 с.
[*Stalin I. V. Voprosy leninizma.* Izd. 11-e. М.: Gospolitizdat, 1945.– 611 s.]

¹⁵ *Матюхин А.В.* Роль идеологии в общественных преобразованиях // Обозреватель-Observer. 2017. № 4. С. 10.

- Сталин И. В.* Итоги первой пятилетки // Сочинения. В 13 томах. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 161–215.
- [*Stalin I. V.* Itogi pervoj pyatiletki // Sochineniya. V 13 tomah. M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. T. 13. S. 161–215]
- Сталин И. В.* О правом уклоне в ВКП (б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // Сочинения. В 13 томах. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 12. С. 1–107.
- [*Stalin I. V.* O pravom uklone v VKP (b): Rech' na plenumе SK i SKK VKP(b) v aprele 1929 g. (Stenogramma) // Sochineniya. V 13 tomah. M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1949. T. 12. S. 1–107]
- Томсинов В. А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), государственный деятель и правовед // Законодательство. 2017. № 8. С. 87–94.
- [*Tomsinov V. A.* Andrej YAnuar'evich Vyshinskij (1883–1954), gosudarstvennyj deyatel' i pravoved // Zakonodatel'stvo. 2017. № 8. S. 87–94]
- Уголовный кодекс РФ // СЗ РФ. 1996. № 25.
- [Ugolovnyj kodeks RF // SZ RF. 1996. № 25]
- Чистое учение о праве Ганса Кельзена. К XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987). Сб. переводов. Вып. 1 / отв. ред.: В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович; пер.: С. В. Лезов, Ю. С. Пивоваров. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1987.– 195 с.
- [*Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena.* K XIII kongressu Mezhdunarodnoj associacii pravovoj i social'noj filosofii (Tokio, 1987). Sb. perevodov. Vyp. 1 / отв. red.: V. N. Kudryavcev, N. N. Razumovich; per.: S. V. Lezov, YU. S. Pivovarov. M.: Izd-vo INION RAN, 1987.– 195 c.]

Статья поступила 12 декабря 2019 г.

Requirements for materials, submitted to the editorial board

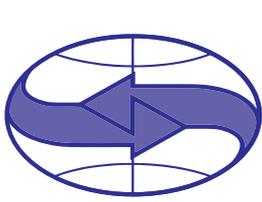
“Обозреватель–Observer”,
are published on the site:

<http://observer.materik.ru>

For more details see website
of the Higher Attestation Commission:

<http://vak.ed.gov.ru>

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

16+

Political science

The role of Crimea in the past and present of Russia

5

V. Shtol

Given the concern in the West over the return of Crimea to Russia (2014), the author analyzes the origins of an unhealthy international stir and, using the Crimean War (1853–1856) as an example, shows in a historical retrospective the centuries-old desire of Western European countries to intervene in foreign and domestic political life of Russia.

About the author: SHTOL Vladimir V. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Key words: Crimean war, Russia, collective West, NATO, USA.

Russia, the United States and UN reform

23

A. Khudaykulova

The article analyzes the changing approaches of the USSR/Russia and the United States to the activities of the UN since the formation of the organization to the present day. Soviet-American cooperation in the UN is covered. Special attention is paid to the assessment of the position of the two countries to the UN reform.

About the author: KHUDAYKULOVA Alexandra V. – PhD (Political Sciences), Associate Professor of Department of Applied International Analysis, Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (MGIMO University).

Key words: UN, Russia, USA, UN reform, peacekeeping, interaction, competition.

The need to adjust Russia's national security Strategy

44

V. Nazarov, A. Podberyozkin, O. Podberyozkina

Terms of use of the whole complex power of the political tools – both «hard» and «soft power» – has entered a new period which in relation to Russia can be de-

fined as the period from 2014 to present with the final transition to the system using the full range of power tools, possibly by 2024-2025, the expected peak of development of the escalation of the military scenario military-political situation.

About the author: NAZAROV Vladimir P. - Ph.D. in Political Science, doctoral professor at the Department of Political Theory of MGIMO (University) MFA of Russia.

PODBERYOZKIN Alexey I. – PhD in historical science, professor of MGIMO (University) MFA of Russia, academician of Academy of Military sciences and Academy of Natural sciences, director of the center of Military-political researches of MGIMO.

PODBERYOZKINA Olga A. – PhD in political sciences, Researcher at the Institute of International Studies, MGIMO (University) MFA Russia.

Key words: national security Strategy, «hard power», «soft power», military-power scenario.

Russia and NATO: what will prevail - dialogue or confrontation?

53

A. Bartosh, V. Vinokurov, M. Glasser (Kukartseva), O. Ivanov, A. Malov, S. Mironov, Y. Nadtochey, O. Timakova, P. Shamarov, V. Shtol

This article is dedicated to the review of the scientific-practical conference “Russia and NATO: what will prevail - dialogue or confrontation” held on October 30, 2019. The conference was organized by the Department of International and National Security of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Experts of the Academy, MGIMO (University) MFA of Russia, diplomats and analysts from specialized ministries attended the discussion.

About the author: BARTOSH Alexander A. - PhD in Military Sciences, Associate Professor, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences, expert of the League of Military Diplomats.

VINOKUROV Vladimir I. - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

GLASSER (KUKARTSEVA) Marina A. - Doctor of Philosophy, Professor at the Department of International Relations, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Professor, Department of International and National Security, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

IVANOV Oleg P. - Doctor of Political Sciences, Professor, Vice-Rector for Research, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

MALOV Andrey Y. – Ph. D., Expert of the CVPI MGIMO (U) MFA of Russia, Associate Professor, Department of International and National Security, Diplomatic Academy of MFA of Russia.

MIRONOV Sergey I. – Ph. D., Professor of Department of National and International Security of Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry.

NADTOCHEY Yuri I. - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World Political Processes, MGIMO-University, MFA of Russia.

TIMAKOVA Olga A. - Ph.D. in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

SHAMAROV Pavel V. – Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Professor of the Academy of Military Sciences, Department Specialist, Ministry of Defense of the Russian Federation, PhD student, Moscow State Linguistic University.

SHTOL Vladimir V. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Editor-in-Chief of the scientific journal Observer–Observer.

Key words: NATO, Russia, Europe, security.

Don't change horses and flags in the middle of the stream

66

A. Shutov

The article discusses the history of modern state symbols of Russia – the flag and coat of arms, gives their characteristics in terms of compliance with international heraldic recommendations. It is noted that the modern Russian flag is not adequate to them; traditional Russian scarlet (red) banners are considered as battle flags, the historical victories of Russia (USSR) under the red banners over foreign invaders, especially in the Great Patriotic War. The role of state symbols in strengthening national cohesion and enhancing Russia's international image is assessed.

About the author: SHUTOV Anatoly D. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

Key words: state symbol, banner, coat of arms, heraldry, tricolor, St. Andrew's flag, St. George ribbon.

The Great October revolution and the Comintern as a project alternative to ultra-imperialism

77

V. Pavlenko

The article is devoted to the analysis of those aspects of Marxist-Leninist theory that are not reflected in the official historiography, but played an important role in the realization of the goals and objectives of the Bolshevik party in the revolutionary events of 1917. The author shows the causes and main directions of the evolution of Leninism and its break with Western social democracy. The paper concludes that the course of class cooperation with the bourgeoisie, taken in the conditions of the World War I by the Marxist parties of the West, was due to their joint desire to subordinate Russia to external control and turn it into a colony of the West. Based on the analysis of contradictions in the party indicated that in domestic policy, this line was held by the left parties of the Interim government, especially the Mensheviks, and after the Great October revolution – by Trotsky and the United opposition around him.

About the author: PAVLENKO Vladimir B. – Doctor of Politology (Academy of geopolitical problems).

Key words: The great October, Marxist-Leninist theory, bolsheviks, mensheviks, imperialism, social democracy, opportunism.

The Crimean war and the French policy in the Asia Pacific region 89

P. Tsvetov

The article analyzes the policy of France in the countries of East and South-East Asia after the Crimean war and at the present time. It is concluded that the success in the Crimean war of 1853–1856 pushed the ambitious Napoleon III to active aggressive actions on the Indochina Peninsula and in southern China. E. Macron to some extent follows the footsteps of Napoleon III, increasing the presence of France, including military, in the Asia-Pacific region.

About the author: TSVETOV Petr Yu. – PhD in historical science associate Professor of the Department of international relations of the Diplomatic Academy of the Russian foreign Ministry.

Key words: French Colonial Policy, China, Vietnam, Napoleon III, E. Macron, Asia and the Pacific.

Bulgaria on the way to the Quadruple Alliance and the policy of Russia 98

S. Agureev

The article is devoted to the transformation of Bulgaria's foreign policy in 1912–1915 and the reasons for its accession to the Quadruple Alliance. The features of the formation of the foreign policy program in the country are considered. The author analyzes policy Bulgaria in this period

About the author: AGUREEV Stanislav A. – Candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of International relations of the Diplomatic Academy of the Russian foreign Ministry.

Key words: Bulgaria, Quadruple Alliance, Russia, Serbia, the Ottoman Empire, World War I.

A. Y. Vyshinsky's contribution to the development of Marxist philosophy of law: theory and modernity 110

R. Osin

The article considers the theoretical contribution of A. Y. Vyshinsky to the formation and development of Soviet normativism in the 1930s. The author resorts to the consideration of not only the historical aspect, but also the modern position of the legal theory and practice of the Russian state and comes to the conclusion that it is necessary to rethink the role of A. Y. Vyshinsky in the development of legal theory and practice of the 1930s.

About the author: OSIN Roman S. – candidate of philosophical Sciences, associate Professor of philosophy and history University «Synergy».

Key words: state, law, normativism, legal norms, legal relations.

Требования к материалам, представляемым на рассмотрение редакции журнала «Обозреватель–Observer» в соответствии с указаниями ВАК

Статья направляется в редакцию с сопроводительным письмом по электронной почте: observer-rau@yandex.ru.

Общий объём материала 20–25 тыс. знаков с пробелами.

Авторам необходимо обратить внимание на соблюдение норм русского языка.

Текст даётся кеглем 14 через 1,5 интервала и должен быть структурирован (иметь разделы).

Ссылки на источники даются арабскими цифрами в квадратных скобках со сквозной нумерацией, выходными данными, указанием страниц и приводятся постранично. В конце статьи все ссылки группируются в алфавитном порядке (на русском, затем иностранном языке) с указанием выходных данных (место издания, издательство, год издания, общее количество страниц) и располагаются без нумерации. Источники в библиографии указываются и на латинице под русским названием. Иностранные источники приводятся на языке оригинала с выходными данными.

В статье необходимо указать индекс УДК и приложить аннотацию (не более 300–500 знаков), ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, учёную степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны, SPIN-код), наименование статьи. Вся информация – на русском и английском языках.

Все материалы должны присылаться в одном файле.

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS отдельными файлами.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Автор статьи представляет оформленный и заверенный отзыв специалиста — доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы сопроводительных документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://observer.materik.ru>

Подробнее смотрите сайт ВАК:

<http://vak.ed.gov.ru>

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2020 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится в отделениях связи
«Почта России» по каталогу «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»

47653 – на полугодие

36789 – на год

Редакция рассматривает факт направления авторских рукописей по адресу: *observer-rau@yandex.ru* как передачу ей авторами прав на их публикацию.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Дизайн и вёрстка
Ущурелу О.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **(499) 799-80-76.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru**

Электронная версия: **<http://observer.materik.ru>**

Подписано в печать 27.01.20. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 8,00. Печать офсетная.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. Заказ №